

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

К.С. Чернов — Политическая программа Александра I 1801—1812 гг. 28

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Н. Нестеренко — Епископ Альберт 50

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 69

СООБЩЕНИЯ

Л.Н. Лютов — Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г. 78

И.В. Обьедков — Русская военная пропаганда в США в годы первой мировой войны 91

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

А.В. Кутищев — Культурно-цивилизационные аспекты войн позднего феодализма	110
--	-----

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Ю.П. Бойко, В.А. Курбацкий — Место Косово во внешней политике Албании с конца XIX в. до начала 1990-х гг.	119
---	-----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

С.В. Куликов, Ф.А. Селезнёв — Нижегородский этап карьеры А.Н. Хвостова (1910—1912 гг.)	129
---	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

С.В. Зяблицева, В.А. Цукров — Кузбасс — Донбасс: хроника военных лет (1941—1945 гг.)	148
---	-----

О.А. Горощенова — Сибирская писательница Е.А. Авдеева-Полевая	153
--	-----

Х.Г. Магомедсалихов — Этнокультурный синергизм в истории Салатавии	157
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Д.С. Кидирниязов, Ю.М. Лысенко — Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.	163
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.А. Китаев — Революционная мысль в России XIX — начала XX века. Энциклопедия	170
--	-----

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г.

Протокол заседания от 23 марта 1931 г.

Присутствуют гг. Архангельский, Лозовой, Лазарев, Марков, Минахорян, Новожилов, Воронович, Кобяков, Климушкин, Савинкова.

Председательствует г. Лозовой.

Доклад г. Кобякова о рабочей политике ПСР.

Т. К о б я к о в. Едва ли требует доказательств первый тезис моего доклада о исключительном привилегированном положении российского пролетариата. Фасад российской государственности, украшенный вывеской «рабоче-крестьянская власть», действительно, в первой своей части вполне отвечает истинному содержанию — власть в России осуществляется ставленниками или, вернее, доверенными городского пролетариата, а сам пролетариат разместился в бельэтаже государственного здания, оттеснив в подвал и на чердак другие социальные группы России. Какой бы стороны жизни России мы бы не коснулись — всюду доминирует пролетариат: выходцам из этого класса широко открыты двери к политической деятельности, конечно, ограниченной рамками диктатуры; для них — льготные условия прохождения курса и поступления во все школы, курсы, для них театры и зрелища, квартиры и обильные, сравнительно с другими социальными группами, пайки, для них льготы на суде, преимущества в прохождении гражданской и военной службы, в то время как другие обречены или на полное уничтожение или на обеспечение живительными соками избранного класса.

И если власть так любовно относится к немногочисленному, примерно 4-х миллионному, пролетариату России, то и пролетариат платит ей, если не пламенной любовью, то во всяком случае действенной поддержкой, не ограничивающейся словесными изъявлениями своей преданности, а идущей подчас на большие жертвы, как, напри-

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 8—12; 2015. № 1—2.

мер, в годы гражданской войны. Это можно видеть также из следующих данных: по официальным коммунистическим подсчетам, ВКП насчитывала в своих рядах 10 431 члена, а к моменту октябрьского переворота — 50 000 членов, из которых около 35 000 было настоящих рабочих.

В 1918—1920 гг. приток рабочих в ВКП увеличивается и к настоящему времени составляет 18% общего количества рабочих в СССР.

Это фактически положение срастания ВКП, т.е. власти, с рабочим классом, закреплено и соответствующим законодательством. Если мы обратимся к сов. конституции, то увидим, какими преимуществами пользуются города (пролетариат) перед деревней (крестьянством) по представительству в конституционных органах управления страной. Полагая, что эти нормы представительства всем известны, я не буду останавливаться на цифровом материале. Напомню только, что не все крестьянство принимает участие в официальной политической жизни страны. Так наз. кулаки и зажиточные крестьяне лишены возможности принимать участие в выборах.

При таком легальном положении пролетариата, являющегося единственным социальным базисом сов. власти, естественно, что за ним обеспечено решающее значение в жизни страны. Оторвать пролетариат от ВКП или ВКП от пролетариата, и диктатура не только не просуществует 12 лет, но 12 часов. Признавая, что коммунистическая власть держится пролетариатом, и что пролетариат занимает привилегированное положение, мы все же должны сказать, что привилегии пролетариата — каторжно-тюремного порядка. Как и все в стране диктатуры, пролетариат также находится в тисках власти, а потому привилегии пролетариата относительного порядка. В условиях общего и всестороннего порабощения можно говорить лишь о степени этого порабощения, о большем или меньшем гнете диктатуры в отношении отдельных слоев русского народа. Каторга остается каторгой, какими бы льготами не наделялась та или иная группа каторжан — общее каторжное положение остается. И вот здесь то, в этом вопросе сопоставления положения пролетариата в России и в Западной Европе, российский пролетариат должен сделать необходимые выводы, которые не будут в пользу сов. диктатуры. Подчинение и активная поддержка генеральной линии, т.е. полное отрицание права на свободную мысль и свободное политическое действие в России и демократический режим, режим свободы мысли, слова и действия в Европе. Там — закрытые распределители, здесь — открытые рабочие кооперативы. Там — труд, обязательная повинность, здесь — свободный договор. Правда, в России сейчас нет безработных, этого грозного несчастья Европы и Америки, но и здесь есть «но». Ибо безработный в Европе на получаемое пособие живет лучше, чем работающий с полной загрузкой пролетарий в России. А уж бытовые условия имеющих работу пролетариев в Европе совершенно несравнимы с условиями жизни рабочих в России. Я не склонен обвинять сов. власть в недостатке доброй воли в вопросе поднятия бытового и культурного уровня пролетариата. В рамках своей общей социально-экономической политики власть делает все, от нее зависящее, но общее направление политики власти таково, что заметных улучшений в этой области не наблюдается, а, наоборот, после некоторого улучшения в дан-

ное время мы наблюдаем заметное ухудшение в этом вопросе. И это явление ухудшения должно будет продолжаться до окончания строительного периода страны, который затянется даже при самых благоприятных условиях еще на 5—6 лет. Трудно гадать, как справилось бы иное какое-либо правительство с теми громадными задачами, кои стали перед страной после внешней войны и внутренних потрясений. Во всяком случае, на примере Европы, перенесшей, как и Россия, мировую войну и некоторые внутренние осложнения, правда, значительно меньшего масштаба, можно считать бесспорным, что демократический режим в отношении подъема культурного и бытового уровня рабочего класса дал больше, чем рабочее правительство СССР.

Осуждая диктатуру с этой, чисто практической, политики пролетариата, тем более мы должны осудить всякую диктатуру с точки зрения наших эсеровских общеидеологических положений. К сожалению, мы должны констатировать, что позиция нашей партии в этом вопросе не была четкой, и текст нашей программы даже определенно трактует желательность установления диктатуры рабочего класса. Правда, с.-р.-ская программа в понятие «рабочий класс» вносит более расширенное толкование, чем это делается коммунистами, настолько расширенное, что если бы этот пункт нашей программы применить для России сегодняшнего дня, с ее изменившейся за время революции физиономией, то «диктатором» было бы все население России, т.е. для сегодняшней России эсеровское понимание диктатуры рабочего класса означало бы установление демократического режима. Однако с принципиальной точки зрения в этот пункт нашей программы необходимо внести кое-какие изменения для внесения в него ясности и определенности, не оставляющих место для каких-либо кривотолков.

За последнее время в эсеровской среде появилось течение, проповедующее для по-большевицкой России социальный мир и гармонию. В своих экономических воззрениях это течение настроено очень право, доходя иногда до увлечения классическим капитализмом как идеала экономических отношений будущей России.

Удастся или не удастся установление такого режима — вопрос будущего, и гадать об этом здесь мы не будем. Однако для нас должно быть несомненно: в том или ином виде, но так называемый частный сектор народного хозяйства существует и сейчас в России, а для установления в России нормальной жизни этот сектор кому-то неизбежно придется расширять. Имея, в перспективе, с одной стороны, расширение частной промышленности, а с другой — считаясь с миротворческим течением в нашей среде, мы должны вопрос классовой борьбы как-то для себя разрешить. Формула моего отношения к этому вопросу дана в моих тезисах, и повторять ее я не стану. Я только скажу: нельзя в этом вопросе перегибать палку ни в сторону отрицания классовых интересов пролетариата, ни в сторону обострения классовой борьбы, не знающей никаких преград для своего выявления. В прошлом, до революции и наша партия культивировала эту ненависть к своим хозяевам, теперь эту ненависть вколачивают в головы рабочих большевики, а некоторые даже проповедывают междуклассовую солидарность. Все это для нас неприемлемо, а средняя точка зрения сформулирована в §§ 6 и 7 моих тезисов.

С переходом к пятилетке жизнь России вышла из деконструктивного периода. Началась лихорадочная работа по созданию материальных ценностей. Как бы мы ни расценивали эту деятельность, мы все же должны признать в ней одно несомненно положительное — стремление создавать. И в этом стремлении создавать власть, не отставившись перед риском потерять свою опору, взяла в тиски и пролетариат. Теперь наступает полное уравнивание в бесправии всех граждан России. Пролетариат мобилизован, и партиями, и в одиночку перекидывается с одного фронта на другой, как это делалось с войсками в военное время. И та же дисциплина, как в войсках. Те же наказания за неисполнение приказов. С тою быть может только разницей, что на войне за дезертирство или неисполнение приказа — военно-полевой суд, а здесь без суда могут отнять «паспорт на жизнь» — книжку на получение продуктов, лишат квартиры, и всеми подобного рода наказаниями изъедают человека из гражданского оборота. Понятно, что такая политика власти не встречает сочувствия в широких рабочих массах, к тому же распустившихся за первый период коммунистического разбазаривания народного достояния. Конечно, среди рабочих есть немало искренне стремящихся «догнать и перегнать». Но энтузиазм, во-первых, явление недолговечное, и на 10 лет его, конечно, не хватит, а во-вторых — едва ли таким энтузиазмом можно зарядить несколько миллионов людей, зарядить настолько основательно, что они откажутся от собственной жизни ради идеи. Таких людей, способных пожертвовать собой, можно насчитать единицы, да и едва ли такая постановка вопроса мирится с тем вульгарным материализмом, который культивируется в России. Так или иначе, но факт роста недовольства рабочего класса этими мероприятиями большевиков открывает перед социалистическими партиями возможность некоего действительного участия в политической жизни нашей страны. Большевики сами сделали брешь, и этим обстоятельством следовало бы воспользоваться.

Но тут возникает вопрос — с чем мы можем пойти к пролетариату? Что можем мы конкретно предложить ему взамен? Вопросы агитационной тактики меня в данное время не интересуют, и не это я имею в виду, стоит вопрос — с чем мы пойдём к пролетариату? Здесь мы должны разрешить вопрос для себя, и вот первое, с чем мы должны бороться — это закрепощением. Мы должны осудить мероприятия по организации труда на началах принуждения. Свободный труд на договорных началах, законодательная защита слабых против сильных — в данном случае продающих свой труд против покупающих. В этом случае нашей программой-минимум может быть советский кодекс о труде. Надо сказать, что пока что этот кодекс является лучшим из всего существующего законодательства о труде. Далее мне думается, что м.б. признанно бесспорным, что сами рабочие сумеют лучше всего защищать свои интересы. Здесь не нужны ни опека, ни какое-либо вмешательство власти. В России этого нет сейчас. Рабочие союзы там, как и все, управляются генеральным секретариатом ВКП.

Пролетариат в России сейчас еще удерживает кое-что из революционных завоеваний. Мы должны будем эти завоевания закрепить. Например, участие рабочих в управлении предприятиями — явление, несомненно с социалистической точки зрения положительное, точно

так же, как и ряд мероприятий по улучшению условий и социальной охраны труда. Все, что так или иначе влияет положительно на подъем культурного и материального уровня нашего пролетариата, нашей партией по мере ее сил должно поддерживаться.

Еще один вопрос — вопрос будущего, и может быть недалекого. Россия не знает сейчас самого грозного бича пролетариата — безработицы. Я думаю, что в этом большевицким сведениям можно верить. Но мне думается — недалеко то время, когда и для России этот вопрос встанет, и притом в формах более губительных, чем европейская или американская безработица. В своих тезисах я указал мероприятия по отклонению этой угрозы. Понятно, я не дал, и не старался дать материалов, исчерпывающих весь этот вопрос, я наметил только возможную, как мне казалось, схему, и как к попытке построения схемы я прошу вас подойти к моему докладу.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Обращаю внимание тт. на следующий вопрос: почему рабочий класс поддерживает большевистское правительство? Докладчик дает на него ответ в §§ 2 и 3 тезисов: «пролетариат России находится в исключительно привилегированном положении», «удельный вес и законодательство СССР обеспечивают за пролетариатом решающее значение». Но каким-то образом привилегии эти вдруг превращаются в § 5 в «эфемерные»? Видимо то, что докладчик называет «эфемерным» — не такое уж эфемерное. Мы знаем, что пролетариату в России нелегко живется, но ведь счастье — понятие относительное. Пролетариат в России поддерживает власть потому, что субъективно чувствует себя в привилегированном положении. В этом и заключается своеобразие психологии русского рабочего класса. Одними словами о «демократическом социализме» его не привлечешь на сторону с.р., тем более, что идея демократического социализма достаточно компрометирована большевицкой пропагандой в России. Первая наша задача должна заключаться, по-моему, в разъяснении рабочему классу в России его реального положения: и это не так уж трудно, ибо все то, что дают рабочему классу большевики — фикция. Но трудно выложить, что действительное улучшение положения рабочего класса, по существу, возможно только при демократическом строе, гарантирующем свободу развития его организаций и успешность борьбы за улучшение его положения. Поэтому надо идти к рабочему с лозунгами свободы, демократии и народовластия. Остальные §§ тезисов в общем верны и, по моему мнению, достаточно правильно намечают позиции с.р. в рабочем вопросе.

Т. Н о в о ж и л о в. Доклад т. Кобякова мне понравился. Убедительны и те выводы, к которым пришел докладчик, обсуждая результаты «диктатуры рабочего класса». Но докладчик недостаточно оценил некоторые факты истории рабочего класса за последнее время, а именно факты деятельности рабочей оппозиции. В программе рабочей оппозиции можно видеть все те меры в пользу освобождения рабочего класса, о которых говорит т. Архангельский. «Господин» жизни в России по существу оказался настоящим рабом. Оппозиция давно поняла необходимость свободы личности. Я припоминаю, как Горький опасался в начале революции 1917 г., что крестьянство предаст идеалы рабочего класса. Но мы знаем, что диктатура Сталина и крестьянство научила ценить блага личных свобод. Докладчик правильно

указал, что выход в уничтожении диктатуры. Диктатура уродует рабочего; то же самое происходит с профессиональным движением, которое в Сталинской России совершенно убито, превращено в правительственную регалию. С другой стороны, неудача пятилетки еще больше усугубляет незавидное положение рабочих. Нужно было, по моему, подчеркнуть рост забастовочного движения, остановиться на катастрофически растущем числе несчастных случаев, увечий и пр. на фабриках и заводах. Нужно было указать, что в ссылке пребывают сотни тысяч российских граждан, которые состоят не только из «кулаков», но из рабочих от станка, этих «хозяев» страны. Все это доказывает, что рабочее движение теперь не в лучших условиях, чем прежде, и рабочий наглядно учиться тому, что диктатура упразднила все личные свободы. Особых путей освобождения рабочего класса России от ярма диктатуры не существует. Познание истины дает и свободу, говорится в Писании. Все говорит за то, что рабочий класс России истинную сущность диктатуры уже познает. Не будет, кажется, ошибкой сказать, что сейчас диктатура Сталина уже опирается не на рабочих, а на «аппаратников». А это говорит за то, что рабочий класс уже «думает». За мыслью придет «слово», а за словом «дело» — свержение диктатуры и освобождение рабочего класса вместе со всем народом Российским. Эта формула Короленко верна и вполне приложима к советской действительности.

Т. М а р к о в. В своем докладе т. Кобяков сказал, что рабочие при забастовках прибегали к порче машин, и что рабочий — чуть ли не зверь. Я решительно оспариваю это. Правда, до 1908 г. были подобные эксцессы, т.к. забастовки носили характер бунта, но после этого времени говорить об этом не приходится. Рабочие поняли, что порчей машин приносят вред не предпринимателю, а себе, ибо это означало для него лишение работы по ликвидации забастовки. Относительно зверских способов расправы, я скажу, что они имели место постольку, поскольку рабочие были сами вызваны к этому самими предпринимателями и администрацией. Докладчик ничего не сказал о профессиональных и комсомольских организациях. Как мы должны поступить с ними. Закрывать или создавать новые организации? Какие? По-моему, о закрытии этих организаций не может быть и речи. Профессиональные союзы мы должны освободить от опеки, дать им возможность свободного развития, а цели и работу комсомольских организаций направить по руслу, обеспечивающему свободное развитие рабочей молодежи.

Т. К о б я к о в. Мои оппоненты были ко мне чрезвычайно снисходительны, поэтому мне много говорить не приходится. Т. Архангельский говорит, что мои тезисы могли бы быть написаны без ущерба для дела лет 15 тому назад. Я думаю, что 15 лет тому назад стоял вопрос о захвате власти. Теперь задача состоит в том, чтобы установить демократию в этой захваченной власти. Далее предполагать, что рабочие в России не понимают фиктивность своего положения и поддерживают власть как бы по глупости — невозможно. В таком его отношении вернее всего надо видеть расчет-необходимость.

С чем мы пойдем к рабочему? Я, конечно, не против лозунга свободы личности, и об этом сказано у меня в тезисах. Но с одним таким требованием далеко не уедешь. Ужас положения рабочего класса

заключается не только в принуждении, но и в безмерной эксплуатации его труда, в экономическом порабощении. Нужно преобразовать его материальное положение.

Я не говорил, что рабочий — зверь, и напрасно это мне приписывает т. Марков. Я говорил об эксцессах во время забастовок, о порче машин и т.д. Т. Марков утверждает, что это имело место до 1898 г., но проф. Прокопович в своей книге к рабочему вопросу в России указывает на факты, имевшие место также и после 1898 года ¹. Если я и проф. Прокопович ошибаемся, то этому можно только радоваться. Мое мнение таково, что при условии демократического законодательства эти эксцессы должны быть устранены.

Что касается вопроса о комсомольских организациях, то я думаю, что он прямого отношения к вопросу не имеет. Конечно, на вопрос следует обратить должное внимание, ибо в комсомольских организациях состоят до 2 миллионов молодых людей. Это не классовые, а партийные организации, и являются одним из оплотов большевицкой власти. Я полагаю, что среди этой молодежи есть искания других путей, поэтому думаю, что нам придется на место их создавать новые организации.

Выбирается комиссия для редактирования тезисов в составе товарищей Новожилова, Архангельского и Кобякова.

Протокол заседания от 2 апреля 1931 года

Присутствуют гг. Милашевский, Марков, Минахорян, Постникова, Постников, Николаев, Новожилов, Ригана, Лазарев, Лозовой, Савинкова.

Председательствует т. Лозовой.

Доклад т. Постникова по национальному вопросу.

Т. П о с т н и к о в. Дорогие товарищи, национальный вопрос в момент перехода России от режима диктатуры большевиков к правовому положению явится одним из самых важных вопросов, которые предрешат дальнейшую судьбу России. Если в 1917 и 1918 гг. победила в революции та партия, которая, плохо или хорошо, но практически осуществила передачу земли народу, т.н. земельный вопрос, кроме вопроса войны и мира, являлся тогда главным вопросом, то в ближайший решающий момент таким вопросом явится **НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС**. Поэтому при нашем рассмотрении национального вопроса необходимо обратить самое серьезное внимание не только на теоретическую сторону его, но и на практическую.

В своих тезисах я ничего не сказал нового, но старался только добросовестно изложить принципиальную сторону вопроса, уже разработанную нашей партийной литературой и нашими партийными съездами. В этом вопросе, как и в аграрном, нашей партии не придется открывать Америку. Еще в начале 1900-х годов мы в этих вопросах установили те принципы, к которым только впоследствии и в ходе событий пришли другие партии. Теперь не только социал-демократы, но и буржуазные эмигрантские партии не боятся слов федерация и самоопределение народа. Что же касается коммунистов, то они в этом вопросе перешли на наши позиции, отказавшись от своих централистических, традиционных взглядов. Так, по крайней мере,

они поступали в первый период революции, когда им нужна была помощь отдельных национальностей в деле борьбы с белым движением. А затем и здесь большевики перешли к неограниченной диктатуре центра.

Итак, наша программа была хороша. Но почему же все-таки мы потерпели в революции разгром и поражение. По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с «искровцами»: «мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша». Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обеих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками.

Когда то, т.е. в революцию 1905 г., мы имели в своей среде большие кадры организаторов и тактиков. Но большинство из них мы потеряли в терроре и на каторге. И в то время как Ленин в 1917 г. пришел со своими опытными организаторами, как Свердлов ², Сталин и др., мы даже в годы реакции жгли свой лучший партийный актив. Больше того, преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов, а с другой стороны Керенский ³, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но органически не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуальном. Если принять во внимание еще ряд других неблагоприятных обстоятельств для нашей партии, как то расхождение двух поколений в нашей партии, одного — участников революции 1905 г. и примыкающих к ним старых народников, а другого, — более молодого, вошедшего в партию в годы реакции и войны и остро чувствовавшего пафос революции 1917 г. ⁴, то приходится сказать, что ни общей политики, ни общей тактики партия не имела. Об этом мне приходилось говорить еще на 4-ом съезде партии в конце 1917 г. представителю газеты «Дело народа» ⁵, т.к. центральному органу больше всего приходилось терпеть отсутствие общей строго выдержанной тактики.

В наиболее решительные моменты революции партия не проводила реальной политики, которая учитывала бы как силу и размеры стихийного движения масс, так и те государственные ресурсы, которые революция получила в наследство от самодержавия. Если оставить в стороне вопрос о возможности или невозможности продолжения войны в 1917 г., то во всяком случае факт восстановления противонемецкого фронта уже после Брестского мира является наиболее ярким примером, когда партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела бы, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то «модус вивенди» ⁶ с немцами, а не разыгрывать благородных донкихотов в отношении союзников, которые, как показали последующие события, обошлись без России и очень скоро забыли о заслугах и правах России.

Все это заставляет нас и в будущем внимательнее учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов и особенно такого важного, как национальный вопрос, оставляя в стороне абстрактные формулы решения вопросов, т.к. эти формулы указывают иногда только направление вопроса, а не самое их практическое решение. Национальный вопрос во всем своем объеме не был для нас вопросом голого принципа. Еще на первом съезде партии ⁷ т. Шевич (Рубанович) ⁸ говорил, что национальный вопрос для социалистов дело простого такта, расчета, а не отвлеченного принципа. На этом съезде говорилось об отделении от России только Польши и Финляндии. Но революция привела к тому, что кроме этих стран от России отделились и другие, и сейчас никому в голову не придет поднимать вопрос об обратном присоединении их к России. Не носил принципиального и абсолютного характера национальный вопрос и для самих национальных партий различных народов Российского государства. В 1917 г. ни украинцы, ни грузины не поднимали вопроса об отделении и государственной независимости, и только перипетии гражданской войны породили и развили различные сепаратизмы. Характерно, что впервые немцы создали независимость Украины, они же и создали заграничную сепаратистскую украинскую литературу.

Сепаратизм — явление нового времени, которое явилось как в результате гражданской войны и неумения справиться с вопросом, так и вследствие большевицкой диктаториальной политики.

Во всяком случае, перед нами стоит очень сложная и трудная задача — найти разрешение, действительное для всех национальных вопросов. Для «Лиги Нового Востока» ⁹ этот вопрос представляется в довольно упрощенном виде: отделяйся, кто хочет и кто сознает себя какой-либо национальной единицей, а потом опять соединяйся в вольный союз, в конфедерацию, в конконфедерацию и т.д. Но именно как будто эту Лигу предвидел т. Шевич, когда говорил, что наша тактика, давая самый широкий простор всем культурным и духовным требованиям трудящихся масс всех национальностей, должна руководиться требованиями социалистической борьбы, а не быть игрушкой фантазии или произвола. А что может быть более фантастического или произвольного, чем проект Лиги?!

С точки зрения принципов и программы, национальный вопрос как бы не представляет особых трудностей и неразрешимых положений. Но одно дело теория, а другое практика. Я смотрю очень пессимистически в этом отношении на будущее. Предстоит ожесточенная борьба сил центростремительных и центробежных. Было бы очень печально, если бы в России не нашлось такой партии, таких общественных и национальных слоев, которые сумели бы найти в этом вопросе равнодействующую. Пессимизм мой увеличивается особенно тогда, когда приходится рассматривать сегодняшнюю психологию, с одной стороны, так наз. сепаратистов, психологию, разжигаемую и обостряемую врагами СССР и вообще России, с другой стороны, психологию людей, претендующих на государственное значение будущей России. Первые, т.е. сепаратисты, готовы идти на какой угодно альянс, только не с русскими, у них нездоровая психология, с одной стороны, воспитанная многолетним бесправием, а с другой, — разбу-

женная политическим честолюбием и несбыточными посулами нынешних их союзников. Вторые (т.е. русские «государственники») никак не могут [забыть?] прошлого империалистического расцвета России. Насколько у этих людей отсутствует чувство реальности, несмотря на их прошлый опыт в государственных делах, несмотря на их якобы политическую искушенность, показывает недавно в «Красном архиве» опубликованная дипломатическая переписка Колчака ¹⁰ и его послов в Европе по Финляндскому вопросу ¹¹, когда они хотели привлечь на свою сторону Финляндию во время похода Юденича ¹² на Петроград. Уже для всех тогда было ясно, что Финляндия будет независимой, и только наши дипломаты боялись признать эту независимость. Но если можно быть уверенным, что дипломаты этого сорта не будут иметь никакого влияния, то и многие демократы-государственники не могут освоиться с той мыслью, что из центра и военными мерами национальный вопрос не разрешается. Всякое поднявшееся национальное движение штыком и насилием не может быть подавлено. Ирландия, несмотря на все препятствия, получила то, чего добивалась. Вождь индусов Ганди, вчерашний тюремный узник, сегодня подписывает договор с премьером Англии ¹³. Скованные в настоящее время диктатурой компартии украинцы, белорусы и закавказцы в будущем предъявят свои требования, которые будут поддерживаться Англией, Польшей, Турцией и другими заинтересованными государствами. В общей сумятице не так легко будет различить, где говорят настоящие интересы этих народов, где говорят интересы заинтересованных государств, желающих воспользоваться слабостью когда-то единого целого и экономически подчинить ту или иную часть.

В своих тезисах я писал, что мы, как социалисты, не можем стоять за измельчение и обособление государственных и общественных организаций, а, наоборот, в интересах трудящихся и социализма, являемся сторонниками объединения и укрупнения. Поэтому задача нашей будущей политики должна заключаться в умении найти такие реальные и действительные формы сожития народов бывшего Российского государства, которые ставили бы все эти народы в равные условия и, вместе с тем, создали единое целое государство. Более подробные принципы и формы это[го] устройства мною изложены в тезисах.

Т. Н и к о л а е в. Мне приходится делать совершенно противоположные выводы из того, что сказал т. Постников по поводу тезисов и доклада; тезисы его меня удовлетворяют, но доклад нельзя считать удачным. В § 1 тезисов т. Постников рассматривает национальный вопрос как один из видов личной независимости и, связывая это с мировоззрением партии, вполне правильно излагает принципиальную позицию партии по вопросу. Но в устном изложении выходит так, что национальный вопрос есть вопрос тактики и расчета. Если вы говорите, что партия в основу своего мировоззрения положила признание самоценности человеческой личности и, тем самым, и свободу национального развития, то мы не можем подойти к разрешению национального вопроса так, как нам это подскажут интересы момента и расчета. От такой позиции до цинизма Ленина недалеко; идя на Брест, Ленин исходил из расчета, но из этого расчета получился один только национальный позор. При таких установках я, конечно, предпочитаю «дон-кихотство».

Когда мы говорим о национальном вопросе, мы всегда смешиваем два понятия: вопрос о политическом устройстве и нации, и национальный вопрос в собственном смысле этого слова. Германия заселена одной нацией, но является союзным государством, в Швейцарии 14 кантонов, но имеется три национальности; смешивать эти понятия не следует. Если в России восторжествует федерация, то не обязательно, чтобы она была построена на принципе национализма; это зависит от вопроса, как будет целесообразнее в смысле бытовом, экономическом, политическом, национальном.

Что такое нация? Народность, культурно-духовная единица, сплоченная вокруг определенных идеалов, интересов, истории. Поэтому национальный вопрос по своей сути является культурно—историческим вопросом. Вопрос может получить разрешение на почве широкого самоопределения российских народностей. Пусть каждая народность развивается без кнута по своим национальным путям, для этого нет необходимости отделиться. Смешно говорить о том, что после отделения эти народности могут снова соединиться и образовать федерацию. В истории до сих пор не было такого случая; соединяются в союзы, федерации самостоятельные нации, государства, а не распавшиеся части одного единого государства. Т. Постников говорил, что наша программа хороша, но люди оказались негодные. Дай бог, чтобы в других партиях появились Сазоновы ¹⁴! Но дело не в том. Я думаю, что члены ПСР любили народ, внутренне к нему были расположены и из этого не делали политики. Это, конечно, не значит, что они были максималистами. Русский народ является наименее шовинистичным во всем мире. Основная черта нашего народа — преклонение перед другими, перед западом...

Т. П о с т н и к о в (с места). А славянофильство?

Т. Н и к о л а е в. Да у нас с ним много общего. Но это все. Я учился в школе и думал: боже мой, как везде в мире хорошо и как плохо у нас! Скажите, много было в этом национализма? Никакого! А если и хотели создать национальные чувства, то делали это самым плохим образом. У нас не было национальной партии. Я хочу, чтобы наша партия была такой же национальной, какой являются социалистические партии Европы.

Т. М и л а ш е в с к и й. Не могу я согласиться с тов. Николаевым. Мы, русские, были самыми отъявленными и отчаянными националистами. Наше поколение воспитывалось на ультра-национальной литературе. Я до сих пор помню, каким громадным успехом пользовалась книжка об осаде Севастополя. Но, вместе с тем, русский народ — православный и, значит, что следует пожелать всем все то, что желаешь самому себе. Отсюда наши симпатии к греческому восстанию, к финнам, полякам, которые всегда находили у нас сочувствие в освободительном движении.

Перехожу к нашей программе. Я полон пессимизма и предвижу затруднения. Т. Николаев принадлежит к чувашам, к которым принадлежит около 1 1/2 миллиона душ. Это целое государство. Я считаю ненормальным, чтобы этнографическая группа, доходя до известного предела развития, не стремилась бы к самостоятельности. Это закон биологии, закон природы, и не напрасно говорят, «гони природу в дверь, она войдет в окно». Всякому народу свойственно стремление

к независимости, и нам нечего закрывать на это глаза, с этим надо считаться. Я каждому народу желаю все, что и своему народу. Но вместе с тем думаю, что ввиду взаимозависимости исторических, политических и др. судеб народов России, национальный вопрос должен быть разрешен так, чтобы были защищены интересы всех народов, не говоря уже о многих координальных вопросах, связанных с этим, достаточно указать на то, что народы в России живут вперемишку; разность языков, нравов, раздробление территории, жел. дороги, таможни и пр. может существенно отразиться на благосостоянии этих народов, в зависимости от того или иного разрешения этих вопросов. Я два года жил в Грузии в период ее независимости. Никакого социализма там, конечно, не было, но и зато такого «национализма», как в Грузии, я нигде не видел. Истинное «великодержавничество» к соседям, притеснение подвластных «малых» народов имело место именно там, и это заставляет меня бояться за будущую судьбу великорусского народа. Все формы разрешения национального вопроса отжили свой век и следует их считать негодными. Мораль господствующей и обороняющейся стороны в данном случае должна исходить из разных начал: мораль крупной нации обязывает дать малым нациям право на полное самоопределение, вплоть до отделения; мораль обороняющейся стороны заключается в том, чтобы помнить и о законных интересах крупной нации. Положение русского народа после войны и революции существенно изменилось. Теперь идет вопрос о защите прав великорусского народа. Мы не должны силой связывать с нами ни Грузии, ни армян, ни других, но если наше окружение захочет нас блокировать так, чтобы нас отрезать от всего мира, то мы должны будем с оружием в руках защищать себя и от этой блокады, и от всяких форм угнетения. Тут уже сентиментальничать не придется. Мы силой должны будем поддержать минимальное государственно-национальное единство через средство соответствующего политического строя, а именно федерации.

Т. Н о в о ж л о в. Я хочу начать свое слово с комплимента. Тезисы т. Постникова составлены удачно, но некоторые утверждения § 5 не соответствуют действительности. Финляндия не была так бесцеремонно захвачена Россией. Она тянулась к России со времен Елизаветы Петровны. Вопрос же о Польше не так уж прост. Следует считаться с тем, что при разрешении польского вопроса у Императорской России были связаны руки. Очень и очень связаны. Никогда не надо забывать существование и с т о р и ч е с к и х условий. По существу доклада я должен сказать, что по отношению к России нельзя говорить о национальном вопросе и нужно говорить о национальных вопросах. Они не одинаковой важности и значения; одни из них могут быть разрешены легко, другие требуют пристального изучения и больших усилий. Даже для простой постановки Россия никогда не была «тюрьмой народов». Строилась Россия органически, и ее историю в большей степени определяла ее география. И в этом строительстве участвовали, в той или иной мере, все народы, ее населяющие, создавая и русскую культуру. Русский — это не великоросс и не малоросс, это амальгама, сплав очень сложного состава. Я — русский, и заставить меня называться великороссом никто не может. Т. Милашевскому я скажу, что и Овсяннико-Куликовский¹⁵ защищал подоб-

ные же взгляды. Основными являются вопросы об Украине и Белоруссии. Эти вопросы заострились после войны. Но прежде они носили характер вопросов языка, культурной автономии, и если бы вершители судеб Российской Империи в 1860 гг. в этом отношении пошли по должному пути, то вопрос давно был бы разрешен в том духе, в каком говорил здесь т. Николаев. Я склонен думать, что эти вопросы получат благоприятное разрешение, и тут мы должны следовать тому совету сговора, расчета и такта, который нам дает докладчик. Другим серьезным вопросом является пантуркизм: под этим я понимаю отторжение южных окраин от России в целях создания буферов или присоединение части этих окраин к другим государствам. Эти окраины связаны с Россией не только вековой культурой, но и крепкой цепью взаимных материальных благ. Если Россия опять станет единым органическим целым в экономическом отношении, какой она была до диктатуры большевиков, то и это опасное течение может быть преодолено. Само собою разумеется, не нужно забывать и истинные дипломатические средства: хорошая дипломатия — защита границ. В общем, вопрос не представляется мне таким безнадежным, как он представляется т. Милашевскому, у которого выдвинуты «биологические соображения». Послевоенная Европа, перекроившая свою карту, не создала национальных государств. Игра в карликовые государственные образования — проходит. Бесчисленные таможенные и государственные границы надоедают. Мир тянется опять к великим и могущественным объединениям. И характерно, что в начале 20-х гг. нашего столетия и в науке опять обновляется стремление к построению широких планов развития господства широких языковых групп (Мокэ), опять обновляется учение о том, что «империя — мир». Россия, я в этом уверен, как нельзя больше соответствует для создания такого «мира».

Т. П о с т н и к о в. Т. Николаев правильно указал, что я в своих тезисах не развил культурно-исторического значения национального вопроса. По его мнению, нужно было развить главным образом эту сторону национального вопроса и не связывать ее с государственным и политическим устройством народов. Но, во-первых, у нас здесь партийная конференция, которая должна заниматься политическими вопросами, а не культурно-историческими. В этом тоже наша слабость, что мы не умеем наше внимание обращать на политическую реальную сторону вопроса, а не его философскую. А, кроме того, как можно абстрагировать и говорить только о культурно-историческом самоопределении народов, не касаясь политической стороны вопроса.

Я сознательно не говорил о русском национализме, прежде мы были господствующей нацией, и национальный вопрос ставился только по отношению к малым народам. «Русский национализм» в том виде, в каком он существовал в довоенной России, был затасканным словом.

Т. Н и к о л а е в (с места). А кто его затаскал?

Т. П о с т н и к о в. Зоологические националисты. Тогда нам не приходилось обострять русский национальный вопрос, потому что в Тифлисе выходили газеты на русском языке, и в Эриванской гимназии преподавали также на русском языке, а украинского языка совсем не признавали.

Но, вместе с тем, мы никогда не были космополитами. Оттенки космополитизма в речах Боброва (Натансон) ¹⁶ на I съезде были отрывочной семидесятих годов младенческого периода социализма. Характерно, что даже многие большевики боролись с известной пропагандой Пятакова ¹⁷ и Бухарина ¹⁸, пропагандой индифферентизма по отношению к отечеству.

Когда я говорил о тактике и расчете, то я имел в виду ту необходимую в деле политику, которая отсутствовала у нас. Ни цинизм Ленина, ни формы политики большевиков здесь не причем. Я говорил об умении добросовестно управлять, рассчитывать, а не заниматься дон—кихотством, как это было прежде.

Говоря о самоопределении народов, вплоть до отделения, я вместе с тем говорил о свободном всеобщем волеизъявлении каждого народа, при условии предварительной свободной агитации и свободы голосования. Вопрос так ставится не впервые, все наше прошлое говорит об этом. И вот представьте себе, что при полном и добросовестном исполнении этих условий Украина постановила отделиться, что же вы тогда сделаете?

Т. Н и к о л а е в (с места). Защищать себя.

Т. П о с т н и к о в. Я же полагаю, что здесь надо проявить весь свой такт, расчет, сговор и прочее, найти именно и здесь те формы жизни, которые вели бы к объединению, а не разъединению.

Когда я говорил, что программа наша хороша, но мы оказались плохими, то я здесь подразумевал не нравственный облик с.-р.-ов, а их тактику и политику в 1917—1918 годах. В заключении я должен согласиться с т. Николаевым, что в § 11 моих тезисов редакционно действительно нехорошо сказано: «государственное устройство типа приблизительно нынешнего СССР». Нужно это сказать иначе, сохранив ту же мысль.

Выбрана комиссия для согласования тезисов в составе тт. Николаева, Постникова, Минахоряна.

Собрание закрыто в 8 часов вечера.

Т. Л о з о в о й. Я предлагаю поручить Комитету закончить протоколы согласно принятого порядка, т.е. исправление записей самими ораторами. Просить избранные комиссии в возможно кратчайший срок закончить свои работы. Как только материалы конференции будут приведены в надлежащий вид, созвать группу для утверждения материалов.

Т. М а р к о в. Я поддерживаю предложения тт. Риганы и Лозового. Где нельзя будет согласовать резолюции, могут члены комиссий заявить свое особое мнение. Если же комиссии почему-либо не придут к общему заключению, то тогда созвать вновь общее собрание, на котором, если того потребуют обстоятельства, избрать редакционную комиссию для тезисов по всем вопросам конференции.

Т. М и н а х о р я н. Дело не такое уж сложное. Идея съезда ЗО ПСР созрела. Наша работа, если она будет удачна, даст толчок к работе других организаций, а, может быть, и самому съезду ЗО ПСР. С этой стороны работа группы очень ценна и должна быть исполнена образцово. Протоколы, имеющиеся в готовом виде, далеко не совершенны. Они нуждаются в исправлении. Президиум конференции де-

лает все от него зависящее, чтобы записи речей ораторов в протоколах были исправлены самими ораторами. Думаю, что было бы наиболее правильным всю техническую и редакционную работу по составлению протоколов оставить президиуму конференции.

Иначе обстоит дело с согласованием тезисов по докладам. Но и здесь нужно признать, что, если выделить тезисы т. Николаева, которые стоят несколько особо, увязка всех остальных существенных возражений не встретит.

Т. П о с т н и к о в. На мой взгляд, дебатруемый вопрос сложнее и серьезнее, чем себе здесь его представляют некоторые товарищи. Теперь только и начинается ответственная работа, которая должна послужить основой нашей платформы (программы). Нужно к этой работе подойти серьезно. Наши мысли должны [быть?] выражены не только «умно», но и соответственно нашим уموстроениям. Нужно известное напряжение и знание дела, чтобы материалы конференции, в том числе и протоколы, привести в надлежащий вид. Чтобы под протоколами подписались все члены группы, как под протоколами, отражающими наши мысли. Редакционная комиссия безусловно нужна, и на ее избрании я настаиваю.

Т. М и н а х о р я н. Предлагаю собранию принять следующее решение:

1. Приведение протоколов в надлежащий вид по заведенному президиумом порядку (записи ораторов исправляются самими ораторами) закончить до 1 мая с.г.

2. Для окончательной редакции протоколов избрать комиссию с расчетом, чтобы последняя закончила свои работы до 15 мая с.г.

3. Просить избранные комиссии по согласованию тезисов докладчиков закончить свою работу до 1 мая с.г.

4. Для санкции материалов конференции созвать группу сразу же по завершении работ редакционной комиссии и комиссий по тезисам.

Предложение т. Минахоряна принимается.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Предлагаю выслушать сообщение т. Сталинского о предстоящем Венском конгрессе Социалистических партий¹⁹.

Т. С т а л и н с к и й. Летом текущего года состоится конгресс Социалистического Интернационала в Вене. Наша партия имеет возможность послать 40 делегатов при 6 решающих голосах. Приглашение на конгресс получено как В.В. Сухомлиным, так и В.М. Черновым. Пражские товарищи, желающие побывать на конгрессе (на свои средства), должны вовремя об этом известить т. Сухомлина, чтобы последний, в свою очередь, мог заблаговременно послать список членов делегации в Исполком Интернационала.

Информация принята к сведению.

Т. М и н а х о р я н. Программа и организация любой партии находятся всегда в некоторой взаимной зависимости. Когда мы говорим о программе, то обычно имеем в виду ряд общих принципиальных положений, которые являются итогом мыслей и вожелений целого ряда поколений, оформленных в процессе длительного обмена мнений, на почве учета и изучения разнообразных фактов действительности. Поэтому программа любой партии рассчитана на более долгий срок, и существенные изменения ~~связаны не только с~~

трудностями, но и с большой ответственностью. В сущности, изменения основных положений программы означают появление новых партий и организаций. Так появились максималисты, большевики, левые с.р. и др.

Партии с грубым расхождением программы и организации не являются партиями. Это случайные союзы, общества вокруг того или иного дела. Поскольку программная концепция остается незабываема, постольку основные начала партий и организаций также остаются без изменений; они меняются в своей прикладной части в соответствии с изменениями момента.

Если предметом нашей программы была совокупность вопросов Российской действительности в связи с изменением всего общественного уклада на новых началах, то предметом тактики и организации была русская революция и вытекающие из нее тактические и организационные вопросы. В отличие от программы с.д. партии наша программа имела ряд особенностей, на которых останавливаться не буду. Скажу только, что трафаретным положениям марксизма мы противопоставляли учет реально-исторических особенностей России. В результате этого основного отличия были различны также оценки русской революции. С.д. оценивали ее как буржуазную, типа французской революции, и эта аналогия до сих пор находит сторонников в их рядах. Вся социальная сущность в русской революции, по их мнению, сводилась к уничтожению остатков старого феодального строя, к укреплению позиций третьего сословия, в результате чего Россия превращается в мощную капиталистическую страну с соответствующей капиталистической формой, после чего она вступает в новую фазу социалистической революции. С нашей точки зрения, русская революция носит в себе глубокие социальные начала, противоречащие существу чисто буржуазной революции. Мы находим, что историческое наследие неразрешенных социальных вопросов чрезвычайно велико, и что российская революция принадлежит к типу революции переходного характера от капиталистического к социалистическому строю. Этим, в сущности, и обосновывалась наша программа отмены частной собственности на землю и социализация земли, с чем так долго не могли мириться с.д. Правда, социализация земли не была социализмом, но отмена частной собственности на землю уже является ощутительным ударом капиталистическому обществу. История наших дней доказала не только правильность наших основных программных положений, но и правильность оценки основных тактических вопросов. Наш подход и наше разрешение этих вопросов наложили печать и на нашу организацию.

Прежде всего, наше мировоззрение не придало нашей организации сугубо этический характер. В этом отношении мы получили от наших предшественников богатое наследство, и от Желябова²⁰ и Перовской²¹ до Каляева и Сазонова народнический социализм достаточно ярко выявил тот этический лик социалиста и революционера, который является нашей партийной этикой. Каковы бы ни были условия нашей работы в будущем, ПСР должна стремиться, чтобы была восстановлена и сохранена эта этика, которая может быть формулирована так: максимальная разборчивость в средствах борьбы и активность действия. Говорить о том, что одной из основных причин на-

шего организационного развала в настоящее время является именно забвение этой этики, я считаю излишним.

С другой стороны, наше мировоззрение в своей оценке самоценной личности внесло в систему нашей организации принцип самостоятельности, инициативы, чем придало ей глубокий, демократический характер. Таким образом, децентрализм не есть выдумка наших организаторов, а является следствием нашей оценки личности. Если наше мировоззрение так подействовало на нашу организационную сущность, то наша оценка русской революции придала ей сугубо революционный характер. ПСР была не только в действии, но и в своем мышлении революционной партией. Революционность была как бы чертой характера партии. Вот те три основных принципа организационного вопроса, на которых должна быть построена вся система нашей организации и в будущем.

Говорить о конкретных пунктах организационного вопроса, применительно к моменту нашего возвращения в Россию — я не считал возможным; если путем учетных опытов западно-европейских социалистов можно наметить те или иные изменения в области программных положений, то в организационном вопросе, кроме общих принципов, ни о чем конкретно говорить невозможно. Все это зависит от того, в какую политическую ситуацию мы попадем: будем ли мы иметь отношение к власти или будем в оппозиции, будем ли на положении легальной или нелегальной партии и т.д. Поэтому в тезисах я ограничился исключительно вопросами заграничной организации. В них я стремился сохранить общий дух и смысл тех принципов, о которых я говорил. Принцип выборности, необходимость развития самостоятельности низовых органов организации, необходимость соблюдения революционной этики и дисциплины путем взаимного понимания и добровольного соглашения мною подчеркнуты в разных пунктах тезисов. При составлении их я пользовался всеми проектами тезисов Берлинского съезда²², просмотрел протоколы съездов Партии по организационному вопросу, учел постановления высших правомочных органов, а точно также и опыт нашей работы в последнее время. В общем, я скорее сделал выборку из уже готовых положений, чем составил новые, но есть некоторые существенные изменения, на которые обращаю ваше внимание. В конструкции ЗО констатируется факт распада ЗД. Я, конечно, признаю существование «меньшинства» и «большинства», не закрываю также глаза на вопрос об ответственности за распад, но эти части бывшего коллектива лишены формально организационного значения, и поэтому ЗД может быть включена в общую конструкцию ЗО в будущем при условии, если, конечно, восстановится и проявит работоспособность. Наряду с этим особо подчеркнуто первенствующее значение и несколько расширенные функции основных групп. Это объясняется положением вещей в заграничной организации в настоящее время. С одной стороны, распад ЗД, с другой, — бездеятельность ОК местные группы поставили перед дилеммой: или разложиться, как разложились верхи, или же путем самостоятельности пережить кризис и выйти из состояния депрессии. С удовлетворением можно констатировать, что группы не разложились и постепенно восстанавливаются. Они через голову ОК вступили между собою в непосредственную связь и путем взаимной

поддержки проявляют на местах деятельность. На нашей практике я убедился в продуктивности такого непосредственного общения между отдельными группами. § 6 тезисов в этом отношении хотя и выходит из обычных пределов компетенции местных групп, но ввиду нашего положения является существенной необходимостью.

Несколько расширены также прерогативы ОК по вопросу о представительстве партии за границей. Прежде это право было ограничено сферами действий ОК и ЗД. В настоящее время право представительства в эмиграции должно быть возложено на ОК.

Особо стоит вопрос о представительстве партии. Этот вопрос имеет существенное организационное значение. Как бы мы не расценивали отношение Соц. Интернационала к России, нужно все же признать, что с уходом из него нашего представителя в процессе развала был нам нанесен ощутительный удар. Если развал ЗД нас разложил перед широкой общественностью в эмиграции, то этот факт нас изъяс из сферы социалистического мира. Разумеется, восстановление представительства для нас является существенной необходимостью. Как местные группы, так и ОК к этому делу должны приложить все усилия, причем я предвижу два выхода из положения: вопрос может быть разрешен или на почве Берлинского постановления комиссии Исполкома Интернационала, или через посредство объединительного съезда. Чистым «итальянским» способом разрешения, т.е. путем созыва обычного съезда и выбора представителя, вопроса разрешить не удастся, ибо другая часть ЗД не снимет своего протеста и откажется признать полномочия съезда по вопросу, во-первых, по мотивам формальным, во-вторых, ссылкой на то, что вопрос был разрешен без их участия. Из двух вышесказанных положений практически осуществимым я считаю первое, т.е. восстановление представительства на почве Берлинского соглашения, т.к. в возможность созыва объединительного съезда при данном взаимоотношении частей ЗД вряд ли кто всерьез верит. Но, в принципе, я, конечно, не против посылки представителя в Исполком Интернационала, если бы это было возможно путем созыва съезда 30 ПСР.

Наиболее существенным является вопрос об изживании междуфракционной борьбы и создания соответствующей атмосферы для работы. Я глубоко уверен, что основная причина всех неудач с.р. в эмиграции, а перед тем и в России, кроется в разлагающей нас склоке. И тот, кто положил начало этой распри в партии, тот и является ответственным за все. Разногласия по разным вопросам в партии были и прежде, и дело не в них. Наши же «разногласия» в эмиграции в настоящее время процентов на 90 уже изжиты и лишены не только социальной, но и идейной почвы. Вот почему создание моральной атмосферы является основой разрешения всех наших наболевших вопросов. Об этом я говорю в §§ 1 и 2 раздела IV тезисов.

О задачах 30 говорить не буду. О них говорится в уставах местных групп и в других проектах по организационному вопросу. Задача моя заключалась в том, чтобы из многочисленных предложений в этой области выбрать и оставить те пункты, которые являются существенными. Но я бы хотел сказать еще несколько слов об общественно-политической работе с.р. в эмиграции. Наша эмиграция существенно отличается от политической дореволюционной эмиграции. Она

количественно во много раз превосходит дореволюционную эмиграцию, ибо к ней присоединились, ... существенно увеличилась совокупность всех задач, которые ставила себе прежняя эмиграция. Вопросы материального устройства, общеполитического, культурного характера стали теперь очередной задачей партии и организаций в эмиграции. К чести нашей партии следует сказать, что она приняла деятельное участие в этом движении, везде создала целый ряд учреждений, многие из которых функционируют и до сегодняшнего дня. Конечно, как во всяком деле, так и здесь, работа имела дефекты и ошибки, но отрицать ценность этой работы было бы несправедливо. Вместе с тем следует признаться, что мы увлеклись этой работой. Чисто партийное приносили в жертву общественному, игнорируя партийный лик, забывая славное прошлое партии и, таким образом, расплываясь в беженской общественности. Этому существенно способствовали наши внутренние раздоры, ибо многие из нас, не находя место для приложения своей энергии в партийном деле, отдались на служение широкой общественности. Такое положение вещей я считаю ненормальным и подлежащим изменению. Необходимость соблюдения минимума дисциплины в смысле исполнения постановлений и указаний правомочных органов должна быть признана обязательной. Как сказано в тезисах, я считаю вредным для общественно-политической работы мелочную регламентацию; такая регламентация не достигнет цели потому, что просто не будет исполняться, а, во-вторых, запутает работу наших товарищей в этой области. Но я нахожу подлежащей регламентации эту деятельность в двух основных случаях. Это, во-первых, когда политическая акция отдельных с.р. или групп ангажирует партию. Для данного случая я признаю удовлетворительным постановление первого съезда ЗО, текст которого... Но очень часто нам приходится сталкиваться с «казусами» такого свойства: часто товарищи своими выступлениями, противоречащими постановлениям партии, оправдываются тем, что выступали в личном порядке, причем в таких случаях забывали, что эта оговорка никакого значения для широкой общественности не имеет, и такие выступления приписываются партии. Указывать на примеры и случаи я не буду, но они всем известны. Такой порядок вещей также считаю ненормальным и подлежащим изменению.

Т. Л а з а р е в. Основной недостаток тезисов т. Минахорьяна заключается в том, что он при составлении их руководился психологией партии с.р., действовавшей во времена царизма, по необходимости, подпольно, в качестве тайной организации, требовавшей совершенно исключительных условий не только для явных, но и для тайных выступлений отдельных членов. Специальная централистическая и строго дисциплинированная деятельность, естественно, является характерной для всех подпольных организаций. Поэтому и прием в партийную организацию, и выход из нее обставляется особенно строгими условиями, прямо отрицающими нормальное требование для существования всех политических партий.

Нормальная же, т.е. открытая политическая партия, принадлежит к свободным и добровольным организациям, действующим по своим, свободно и добровольно принятым уставам, исключаящим какие бы то ни было насилия или наказания. Вступление и выход из

таких свободных организаций их членов всегда свободны и добровольны. В тех случаях, как член в нарушение уставов идет вразрез с целями и постановлениями организации, принявшая его организация может исключить нежелательного члена без всякого наказания. Исключить же совершенно из партии не может даже ЦК партии, вопреки его желанию. ЦК партии может только временно исключить члена, но последнему всегда предоставляется право обжаловать постановления ЦК очередному партийному съезду. Исключения из этого правила составляют только случаи открытия провокатора, явно вредной деятельности, направленной прямо против целей партии. При чем поводами к исключению из партии могут быть не столько идейные расхождения, сколько чисто моральные мотивы.

Между тем, в практике нашей партии, как пережиток подпольной организации, установился чуть ли не обычай исключать из партии за несогласие идейное с «главной линией», установленной «вождями», т.е. практика, которую проводит теперь Сталин со всей последовательностью. Я бы сказал громко всем партийным людям: «бойтесь не расхождения в мнениях своих членов, а абсолютного их тождества». Истина рождается из дискуссий и разногласий. Съезды для того и собираются, чтобы сообща установить линию наиболее целесообразного поведения. При этом часто, даже всегда, создается большинство и меньшинство. Большинство определяет поведение на будущее, но это не значит, что меньшинство обязано перестать думать так, как оно думает, как оно внутренне убеждено. Так всегда и делается в государственной практике: правительство, оставшееся в меньшинстве, уступает место руководителям большинства. Оставшиеся в меньшинстве просто переходят в лояльную оппозицию, в расчете на то, что будущее их оправдает, и их меньшинство на следующем партийном съезде станет большинством.

Партия не секта и не полицейская организация, создающаяся специально для поддержания однообразного и установленного порядка при помощи силы, угроз и наказаний. Это свободная и добровольная организация, объединяющая людей однородных убеждений и моральных настроений. А эти последние являются самой мощной двигательной силой партии. Поэтому подавлять внутренние убеждения членов партии, заставлять их подчиняться насильственно, угрозой исключения из партии, отлучения от массы родственно мыслящих товарищей, значит не понимать величия свободной и добровольной организации, в которой многие готовы отдать свою жизнь за «друзья своя». Все руководящие институты в партии, все эти ЦК, местные, областные и заграничные комитеты избираются не для наблюдения за товарищами, членами партии, а для организованного содействия работе каждого члена. Поймите: **ДЛЯ ПОМОЩИ** всем своим членам и товарищам, а не для полицейского надзора за их **ВЗГЛЯДАМИ, МНЕНИЯМИ И УБЕЖДЕНИЯМИ**.

Между тем, тезисы т. Минахоряна говорят не об обязанностях избранных власть имущих, правах избравших их членов, а о правах и власти партийного начальства — казнить и миловать простую шпанку и всех «инакомыслящих». Ленин и Сталин являются самыми последовательными сторонниками такой сектантской или полицейской организации политической партии.

На основании вышесказанного я советовал бы:

Отдел I — назвать «местные группы» вместо «основные группы».

§ 1 изложить так: «Товарищам, живущим за границей, рекомендуется организовать местные группы или ячейки для планомерной работы на местах».

§ 2 — совсем выбросить.

§ 3 изложить так: «Местные группы выбирают комитет для помощи в работе членов на местах и для поддержания партийной связи с другими организациями».

§§ 4, 5 и 6 — совсем выбросить.

§ 7: «для содействия в РАБОТЕ, а не «предначертаниям» ОК, местные группы и их комитеты изыскивают материальные средства, как путем самообложения, так и устройством специальных сборов».

§ 8: «в числе неотложных задач местных групп и их комитетов являются, кроме пропаганды и защиты основных идей партии в окружающей среде, коллективное обсуждение и выяснение настоящего положения партии и всякое содействие ОК в его стремлении восстановить правильное представительство партии в Соц. Интернационале».

Отдел II можно оставить без изменений.

В § 2 III отдела тезисов из числа задач ОК выбросить пункты: а), б) и г). Начиная с пункта д), изложить так: «установление и поддержание с партийными организациями в России и за границей; е) всемерное содействие восстановлению и оживлению партийной деятельности среди организаций и отдельных лиц, как в России, так и за границей; и) представительство заграничной части ПСР перед национальными социалистическими партиями и иными общественными и политическими организациями разных стран, равным образом и перед социалистическим интернационалом».

§ 3: «ввиду невозможности примириться с фактом лишения прав представительства партии в Интернационале ЗОК должен принять все меры для восстановления правильного представительства в СОЦ. Интернационале через избранного на съезде ЗО партии с.р. специального представителя, который должен вести свою работу в полном контакте с ОК партии».

§ 4: «для выбора этого представителя и для обсуждения всех идеологических и организационных вопросов ОК примет все меры к скорейшему созыву съезда, III съезда ЗО, проведя программу съезда через предварительное обсуждение ее на местных партийных конференциях».

§ 5: здесь следует поместить § 4 в тезисах т. Минахоряна о общении к партийной организации разбросанных всюду «одиночек».

Что касается § 5 в тезисах т. Минахоряна, в коем он ставит представительство партии в Интернационале в зависимость от разрешения спора между частями ЗД, такая постановка вопроса о представительстве в Интернационале в настоящее время положительно невозможна, ибо в высокой степени для всей партии с.р. УНИЗИТЕЛЬНА. Мы уже официально заявили, что наша партия, оставаясь самой мощной оппозиционной партией в Советской России, не может организоваться в правильно функционирующую партию с ЦК во главе, через который она могла бы санкционировать правильное представительство за границей в форме ли заграничной делегации для сно-

шения партии с Интернационалом, или для выбора и назначения редакции общепартийного органа печати. Эта невозможность какой-либо партийной организации распространяется на всевозможные политические партии в Сов. России. З.Д. с.д. партии меньшевиков составляет такую же фикцию, как и ЗД нашей партии. И, однако, ввиду того, что у с.д. господствует мир и согласие в ЗД, эта организация вертит голову всему Интернационалу. Наша обширная заграничная организация много лет терпела фикцию ЗД нашей партии, которая (ЗД) узурпировала себе власть вмешиваться в дела заграничной обл. организации и мешала деятельности ОК. Часть ЗД с Черновым во главе, пользуясь этой фикцией, стала огулом отлучать от партии всю заграничную организацию с ОК, присвоила себе титул редакторов центрального партийного органа и стала систематически разрушать единство партии с.р., соединяя с шовинистами всех национальностей, входящих в состав Российского государства.

Для заграничной организации и для ОК дело идет не о примирении между членами ЗД, которая является теперь простой фикцией; спор идет между группой Чернова и всей загр. организацией и ОК. Поэтому нелепо «принимать меры для восстановления представительства впредь до окончательного разрешения спора между частями ЗД»... «Восстановленный в правах представитель партии ведет свою работу в Интернационале в контакте с ЗД»...

Спрашивается — кто имеет право восстанавливать представителя фиктивной ЗД партии с.р.? Меньше всего это имеет право И.К.С. Интернационала. После всего, что проделала группа Чернова, Сухомлин и Минор в Берлине не имели права подписывать соглашение с Гуревичем²³ и Русановым — даже не предупредив о том остальных членов ЗО — публично, на весь свет ошельмованных «четверкой» членов ЗД в знаменитом и позорном «меморандуме четырех»!!! Самочинное соглашение в Берлине Сухомлина и Минора становится особенно неприемлемым, когда приехавший из Америки Чернов стал ставить и этому соглашению всяческие препятствия. ИК Интернационала не имеет права брать на себя роль правильно организованной ПСР. Он должен разоблачить препирательства не между членами несуществующей ЗД, а отношение между группой Чернова, с одной стороны, и заграничной организацией и ОК ПСР — с другой. Поэтому я настаиваю на том, чтобы был созван III заграничный съезд для выбора представителя партии с.р. в ИК Интернационала. До спора же между частями ЗД нам никакого дела нет, кроме утверждения, что никакой ЗД больше не существует. Что касается предложения ИК Интернационала об участии представителей ПСР в предстоящем Соц. Международном Конгрессе в Вене, то нам следует этим воспользоваться, не оставляя мысли о созвании загр. съезда для обсуждения положения партии и выбора постоянного представителя в ИК Соц. Инт.

Отдел IV — Центральный орган З.О. § 3 этого отдела сократить так: «очередные проблемы парт. мысли в сфере программы и тактики должны получать на страницах органа всестороннее освещение широким допущением товарищеской дискуссии».

Отдел II — Задачи ЗОПСР. § 1: «в своей деятельности ЗО исходит из признания подчиненного значения ЗО в отношении организации Российской... Но, ввиду признанной невозможности в настоя-

щее время создать правильную парт. организацию, при наличии целого ряда возможностей в эмиграции, отсутствующих в России, и значительного числа квалифицированных работников партии за границей, перед 3О ставится не только задача обслуживания российских товарищей, но и обязанность деятельной работы для восстановления партийной организации в России, и впредь до этого восстановления — представлять партию в Интернационале».

Отдел III — «Общественно—политическая деятельность с.р. в эмиграции» — следует решительно целиком отвергнуть. Он связывает по рукам и ногам всякую самостоятельную мысль и деятельность, требуя всегда оглядываться на постановления прежних конференций самим же авторам тезисов, признанных подлежащими тщательному пересмотру. Кто пойдет работать в партию, которая лишает свободы мысли и действия согласно своему убеждению. Разве можно при таких требованиях создать массовую партию, каковой стала и должна оставаться партия с.р.?

Собрание закрывается в 8 1/2 часов вечера.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955) — министр торговли и промышленности Временного правительства. Экономист, публицист, один из лидеров партии кадетов. Автор книги «К рабочему вопросу в России» (СПб. 1905). Выслан из России в 1922 году.
2. Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) — большевик, с ноября 1917 г. предс. ВЦИК, одновременно в феврале-марте 1918 г. — предс. Комитета революционной обороны Петрограда, с апреля 1918 г. — предс. комиссии по выработке первой Конституции РСФСР.
3. Керенский Александр Федорович (1881—1970) — депутат IV Гос. думы по списку трудящихся, товарищ председателя Петросовета (1917). Во время Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя исполкома Петросовета. С марта 1917 г. — в партии эсеров. Министр юстиции во Временном правительстве (2 марта — 5 мая 1917 г.). В 1-м и 2-м коалиционном правительствах (май-сентябрь 1917 г.) — военный и морской министр. С 8 июля по 25 октября 1917 г. — министр, председатель Временного правительства, с 30 августа — одновременно Верховный главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции.
4. IV съезд Партии социалистов-революционеров проходил в Петрограде 26 ноября — 5 декабря 1917 года. 215 делегатов с решающим и 120 с совещательным голосами. См.: Краткий отчет о работах 4-го съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917). Пг. 1918.
5. «Дело народа» — газета, центральный орган ПСР в 1917—1919 годах.
6. *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни, способ существования.
7. Первый съезд Партии социалистов-революционеров проходил в Иматре (Финляндия) с 29 декабря 1905 г. по 4 января 1906 года.
8. Рубанович Илья Адольфович (Переславцев, Шевич, Парфинов) (1859—1922) — бывший народоволец, после освобождения из-под ареста в 1882 г. эмигрировал во Францию, учился в Сорбонне, входил в парижскую группу эмигрантов-народовольцев, сотрудничал в «Вестнике Народной воли», член Аграрно-социалистической лиги, с января 1902 г. в партии эсеров, один из лидеров партии, редактор-издатель бюллетеня партии на французском языке «La Tribune Russe», представитель партии в Международном социалистическом бюро, преподавал в Сорбонне. См.: Памяти И.А. Рубановича. Современные записки. 1922, кн. XIII, с. 319—321.

9. Социалистическая Лига Нового Востока — политическая эмигрантская организация, основанная в 1927 г. в Чехословакии. Ее лидерами являлись российские эсеры В.М. Чернов, В.Я. Гуревич, Г. Шрейдер и Ф.С. Мансветов, украинские эсеры М.Ю. Шаповал, Н.Я. Григорьев, С.М. Довгаль и Н.И. Мандрыка, а также белорусские (Т.Т. Гриб, В. Чернецкий, В.И. Захарка, П. Кречевский) и армянские (Н. Никогосьян, О. Акицян) умеренные социалистические—ориентированные политики. В 1928—1929 гг. в Праге вышло два номера «Вестника Социалистической Лиги Нового Востока». О реакции группы В.В. Сухомлина см.: Лига Нового Востока. — Социалист-революционер. 1927, № 1, с. 15.
10. Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — российский военный деятель, ученый, писатель. Участник полярных экспедиций 1900—1903 и 1908—1911 годов. Во время русско-японской войны командовал эсминцем и батареями в Порт-Артуре. Участник первой мировой войны. После Октябрьской революции — один из лидеров Белого движения: установил в Сибири военную диктатуру и принял титул «Верховного правителя Всероссийского правительства» в Омске (ноябрь 1918 г. — декабрь 1919 г.). Бежал из Омска в Иркутск. Расстрелян по приговору Иркутского Ревкома, санкционированному большевистским центром.
11. Колчак и Финляндия. — Красный архив. 1929, № 2 (33), с. 82—144.
12. Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — генерал, в 1915—1916 гг. — командующий Кавказской армией, в 1917 г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Став в 1919 г., при поддержке англичан, во главе армии Северо-Западного Правительства (Правительства Русской Северо-Западной области), созданного на территории Эстонии, дважды пытался занять Петроград. С конца 1919 г. в эмиграции.
13. Мохандас Карамчанд Ганди (1869—1948) — известный как Махатма Ганди, один из руководителей и идеолог национально-освободительного движения Индии. В 1931 г. Ганди принимал участие во второй конференции «Круглый стол» в Лондоне, где обсуждалось политическое будущее Индии.
14. Сазонов (Сазонов) Егор Сергеевич (1879—1910) — русский революционер. Родился в Вятской губ. в семье лесоторговца. За участие в студенческом движении исключен в 1901 г. из Московского университета. В 1902 г. примкнул к эсерам, вскоре был арестован. В июле 1903 г. сослан в Восточную Сибирь на 5 лет, но в том же году бежал, вступил в боевую организацию эсеров. 15 июля 1904 г. в Петербурге убил бомбой министра внутренних дел В.К. Плеве. Взрывом бомбы был сам тяжело ранен. Приговорен Петербургской судебной палатой к бессрочной каторге, которую отбывал в Горном Зерентуе Забайкальской области. Протестуя против наказания розгами каторжан, принял яд, не допустив тем самым предполагавшегося массового убийства заключенных.
15. Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920) — российский историк культуры и критик. Гл. труд: История русской интеллигенции. Ч. 1—3. СПб. 1906—1911.
16. Натансон Марк Андреевич (псевдоним — Бобров) (1850—1919) — русский революционер, народник. Из мещан. Учился в Петербургской медико-хирургической академии (1868—1871) и земледельческом институте (1871). В студенческом движении 1869 г. выступал против С.Г. Нечаева. Один из основателей общества чайковцев и «Земли и воли», после раскола которой примыкал к «Народной воле». Участвовал в Казанской демонстрации 1876 г., вел пропаганду среди рабочих. В 1869—1877 гг. четырежды арестовывался, был заключен в Петропавловскую крепость, в 1879—1889 гг. отбывал сибирскую ссылку. Основатель и глава «Народного права партии» (1893—1894). Вновь арестован в 1894 г. и выслан в Восточную Сибирь на 5 лет. В 1904 г. уехал в Швейцарию. С 1905 г. — эсер, член ЦК партии эсеров. С 1905 г. стоял на левом фланге партии. С 1907 г. до Октябрьской революции 1917 г. — в эмиграции. В годы первой мировой войны занимал интернационалистские позиции, участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. В 1917 г. примкнул к левым эсерам, от которых отмежевался после их выступления в июле 1918 года. В 1918 г. организовал группу «революционных коммунистов», выступавшую за сотрудничество с большевиками. Был членом Президиума ВЦИК. См.: МИХАЛКИНА Т.А. М.А. Натансон в российском освободительном движении (1889—1919 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. М. 2003.

17. Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890—1937) — большевик. Из дворян, сын инженера, владельца сахарного завода. Учился в реальном училище (был дважды исключен) и на юридическом факультете Петербургского университета. С 1905 г. — анархист, террорист. С 1910 г. в РСДРП, большевик. В 1911 г. сослан в Восточную Сибирь навечно. В 1914 г. бежал в Америку. Вернулся в Россию в 1917 году. Участник Демократического совещания, член Предпарламента. Избран в Учредительное собрание от Киевского и Черниговского округов, участник заседания 5 января. Депутат Украинского Учредительного собрания. Председатель Киевского Совета и ВРК. Председатель Украинского СНК в Судже (ноябрь 1918 — январь 1919). Член РВС ряда армий. В советское время возглавлял ВСНХ, находился на других партийных и государственных постах. Председатель суда на процессе ПСР в 1922 году. Активный деятель троцкистской оппозиции. Репрессирован. Реабилитирован в 1958 году.
18. Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — большевик. Из мещан, сын учителя. Учился на юридическом факультете Московского университета, исключен в 1911 году. В РСДРП с 1906 года. Был выслан в Архангельскую губернию. Эмигрировал, учился в Венском университете, с 1916 г. — в США. В 1915 г. опубликовал работу «Мировое хозяйство и империализм». Вернулся в Россию в 1917 году. Редактор газеты «Социал-демократ». Делегат VI съезда РСДРП(б), I Всероссийского съезда Советов РСД, участник Демократического совещания. Избран в УС в Москве, Воронежском и Рязанском округах. Участник заседания 5 января, в своей речи объявил «смертельную войну буржуазно-парламентарной республике». С 1919 г. входил в Политбюро, занимаясь, в основном, вопросами теории. Участвуя во внутрипартийной борьбе, содействовал возвышению Сталина. Редактор «Правды», автор трудов по экономике и социологии. На судебном процессе в марте 1938 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1988 году.
19. В июле-августе 1931 г. в Вене состоялся IV конгресс Рабочего социалистического интернационала. На нем были рассмотрены три основных вопроса: о борьбе за мир, о противодействии фашизму, о выходе из кризиса.
20. Желябов Андрей Иванович (1851—1881) — русский революционер, народник, член Исполнительного комитета «Народной воли». Один из активных организаторов покушения на Александра II 1 марта 1881, накануне которого 27 февраля был арестован. Казнен 3 апреля 1881 года.
21. Перовская Софья Львовна (1853—1881) — русская революционерка, общественный деятель, член Исполнительного комитета «Народной воли». В 1881 г., после неожиданного ареста А.И. Желябова, возглавила группу, совершившую убийство императора. Приговоренная к повешению Перовская стала первой женщиной в России, казненной по полит. процессу.
22. В декабре 1922 г. в Берлине состоялось частное совещание представителей групп ПСР за границей. См.: Революционная Россия. 1923, № 24—25; 26—27; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М. 2000, с. 928—954.
23. Гуревич Виссарион Яковлевич (1876—1940) — из дворян, сын владельца частной гимназии. Учился в Берлинском университете, окончил юридический и физико-математический факультеты Петербургского университета. Присяжный поверенный. Поднадзорный с 1898 г., эсер. Масон. В 1914 г. пытался объединить неонароднические группы, ездил в Париж для встречи с Авксентьевым, Натансоном, Вороновым, Фондаминским, Оникко и др. В 1917 г. — член Исполкома Всероссийского Совета КД, участник Демократического совещания, член Предпарламента. Делегат III и IV съездов ПСР, член ЦК. Делегат II Всероссийского съезда Советов РСД. Обязательный кандидат ПСР в УС, член бюро фракции, участник заседания 5 января. В 1918 г. входил в состав Комуча. В 1920 г. — министр в правительстве М.С. Бинасика во Владивостоке, гласный городской думы. С 1920 г. находился в эмиграции в Праге, член Заграничной делегации ПСР, председатель эмигрантского Земгора, управляющий Русским заграничным историческим архивом, профессор Русского юридического факультета. См.: ПРОТАСОВ Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М. 2008, с. 286.

Политическая программа Александра I 1801—1812 гг.

К.С. Чернов

По меркам XVIII в. Александр I взошел на престол молодым человеком. Однако нельзя сказать, что он не знал империю или не имел собственного мнения о современном ему внутреннем положении страны. Напротив, еще в царствование Екатерины II у него сложились те политические идеалы, которые в период правления Павла I переросли в осознанную программу. В основе этой программы лежали три принципиальные составляющие: самодержавность императорской власти, крестьянский вопрос и осознанная потребность в реформе государственного аппарата. Объединяла эти три тезиса идея «истинной монархии». «Суть ее заключалась в том, что в правильной монархии верховная власть всецело принадлежит монарху, но в то же время существуют фундаментальные законы, не изменяемые никакой властью, и учреждения, гарантирующие их неизменность»¹.

Идея неукоснительного подчинения государственного строя и законодательной системы «фундаментальным» законам была одной из ключевых для всей европейской правовой философии середины XVIII века². Попав на русскую почву и будучи творчески переосмыслен в «Наказе комиссии уложения» и «Своде государственных установлений», принцип «фундаментальных законов» обернулся, однако, «лишь новой формой всеобъемлющей правовой регламентации *наличного* общественного и политического строя, существующих учреждений и политических установлений»³.

«...нарушение фундаментальных законов, — внушал Александру Ф.Ц. Лагарп, — неизбежно приводит к разрыву между монархом и подданными. Строжайшее соблюдение законов, сохранение в силе установленного государственного устройства, внимание к подданным — таковы наиболее верные гарантии власти монарха»⁴. Основу «истинной монархии» должны были составить «фундаментальные законы», определяющие самодержавность императорской власти, соци-

---

Чернов Кирилл Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент ПМГМУ им. Сеченова.

альные отношения между подданными и структуру государственного аппарата, то есть все три составляющие программы Александра. Именно это в 1809 г. имел в виду М.М. Сперанский, заявляя: «Общий предмет преобразования состоит в том, чтоб правление, доселе самодержавное, поставить и учредить на непремняемом законе»⁵.

Самодержавность и неограниченность верховной власти монарха были отвоеваны русскими царями в многовековой борьбе с феодальной знатью и местным сепаратизмом. В 1722 г. по поручению Петра они были философски осмыслены в «Правде воли монаршей», где Ф. Прокопович в полном соответствии с теорией договорного происхождения верховной власти утверждал отказ русского народа от прав суверенитета и тем самым передавал его в руки Петра, провозглашая императора самодержавным⁶. «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь по своей воле и благонамеренно управлять»⁷. «С Петра I верховная власть становится в полном объеме самодержавной, то есть независимой ни от кого — ни от какой-либо группы населения, ни от государственных учреждений, ни от церкви». Эту независимость мало было провозгласить, ее необходимо было обеспечить стройной системой «непременных законов», которые дали бы в руки монарху механизмы «обережения» своей власти⁸.

Первым делом каждого нового монарха становилось подтверждение незыблемости основного принципа государственного устройства — самодержавия. Не стал исключением и молодой Александр, в Манифесте 12 марта 1801 г. обещавший «управлять Богом нам врученным народом по закону и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великия»⁹. Реакция Александра на проекты преобразования Сената П.В. Завадовского, Г.Р. Державина, Д.П. Троицкого, П.А. Зубова наглядно свидетельствуют о стремлении молодого «реформатора» любой ценой сохранить законодательную власть в своих руках¹⁰.

Принципы социальной регламентации отношений сословий с самодержавным монархом и между собой также были определены еще в XVIII веке. В период «дворцовых переворотов» платой за дворянскую поддержку самодержавия стала серия указов Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Петра III, благодаря которым дворянство превратилось в замкнутый привилегированный класс¹¹. Противостояние титулованной знати и царской власти в правление Екатерины II сменилось политическим компромиссом. Ответом «послужило обнародование Наказа 1767 г., в котором было выражено намерение царицы определить права и обязанности доминирующих сословий России — дворянства» и городов. «Социальные противоречия между сословиями и внутри них, выявившиеся в ходе» работы Комиссии 1767 г., «подтолкнули царицу к... определению статуса городов (1785) и дворянства (1785)...». Таким образом, «было дано ясное и точное определение сословного состава русского общества, определение отношений сословий и власти...»¹².

«Всемиловнейшая жалованная грамота российскому народу» последнее время вновь трактуется в литературе как первый в серии конституционных проектов александровского времени¹³. Однако

внимательный анализ показывает, что пункты А.Р. Воронцова — первоначальный набросок будущего документа — представляют собой «своеобразную феодальную хартию, составленную почти исключительно в интересах господствующего сословия», где «... на первое место были поставлены статьи, подтверждающие дворянские привилегии». В этом плане «показательно, что Воронцов не счел нужным подтвердить Жалованную грамоту городам и Городовое положение», а «крепостное право с безграничным помещичьим произволом оставалось незыблемым». Проект Воронцова рассматривался в Негласном комитете сразу после переворота в мае-августе 1801 г., а в сентябре был вынесен на обсуждение Государственного совета. В результате «“Грамота российскому народу” увековечила феодально-крепостническую систему, построенную на принципах исключительности дворянских привилегий»¹⁴. В литературе совершенно справедливо отмечалось, что одними из основополагающих источников этого документа являлись английские «Magna Charta» и «Habeus corpus act». Именно заимствование механизмов ограничения монархической законодательной власти в пользу высшего аристократического представительного органа — в русских реалиях им должен был стать Сенат — похоронило весь проект «Жалованной грамоты русскому народу». Не менее примечателен тот факт, что именно Лагарп — «последователь учений энциклопедистов», учитель и наставник юного монарха — «заклинал его беречь как зеницу ока свою самодержавную власть», «возражал против малейших попыток уменьшить влияние монарха на течение судебных дел»¹⁵.

В том, что касается регламентации межсословных отношений, «Грамота российскому народу» содержала, в частности, положение о недопустимости конфискации у крестьянина «ни под каким видом и предлогом» движимой и недвижимой собственности, «к званию земледельца относящихся». Иными словами, предполагалось наделить крестьянство собственностью, открыв тем самым путь к его освобождению в дальнейшем. Такой подход трактуется в литературе как безусловное новаторство Александра, составная часть его реформаторской программы, сформировавшейся в результате критического отношения к екатерининскому и павловскому наследию¹⁶. В действительности же идея превращения крестьянства в массу мелких собственников в начале XIX в. уже не была революционной. Еще в 1766 г. Екатерина во втором письме в ВЭО трактовала крестьянский вопрос именно в этом ключе: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны»¹⁷.

Российское дворянство выступило единодушно против идеи крестьянской собственности. Сформулированная в нереализованном проекте жалованной грамоты крестьянству мысль о возможности реформировать отдельно государственную деревню не отвечала потребностям верховной власти, так как противоречила правительственной политике поддержки дворянского сословия, выражавшейся в массовых раздачах земли помещикам. Реформа частновладельческой деревни противоречила интересам господствующего сословия. В силу этого ее реализация могла состояться только при поддержке дворянства. Отсутствие таковой предопределило как неудачу инициативы

Екатерины II в ВЭО, так и рекомендательный характер указа о вольных хлебопашцах 1803 года. Единственной успешной попыткой реализации этой идеи стала остзейская реформа Александра I. Однако успеху реформы в остзейских губерниях способствовали уже имевшиеся там экономические условия, которых не было и не могло быть во внутренних областях России.

В этом смысле Александр уже в первых документах своего царства не погрешил против данного в Манифесте 12 марта 1801 г. обещания править по заветам Екатерины, то есть, основываясь на принципах самодержавия и сословного строя, определивших облик «золотого века» русского дворянства.

Действительным новшеством «Грамоты российскому народу» стала идея о том, что монархическая власть обеспечит российский подданным права. Однако право «вольности», то есть «делать то, что не вредит правам другого», подтвержденное Грамотой, на деле являлось правами феодальных сословий, фиксированными жалованными грамотами. В отношении частновладельческого крестьянства право «вольности» наглядно выразилось в указе 1801 г., запрещавшем продажу крестьян поодиночке: единственно в этом воплотились *droits de l'homme* (права человека) русского крестьянства. Право «равенства» — одинакового отношения всех к закону — обернулось волей самодержавного монарха, ибо речь шла не о равенстве перед законом — для каждого сословия закон был разным, а о равенстве всех сословий перед верховным законом, другими словами, самодержавием. Права «безопасности» и «собственности», являвшиеся необходимыми гарантиями доминирующего положения дворянства в социальной структуре общества, уже только в силу этого оказались направленными на обеспечение «безопасности» дворянской недвижимой и «крещенной» собственности. Право «свободы совести» не означало ничего иного, кроме констатации конфессионального многообразия России¹⁸, формировавшейся как сухопутная империя¹⁹. Лишь только «свобода слова» и «свобода печати» не имели аналогов в русской политической практике XVIII в., хотя, по сути, становились своеобразным декором сословного строя.

Таким образом, ни одно из вышеописанных прав не нарушало принципов сословности и самодержавности. Напротив, вследствие декларации этих прав монарх превращался в их гаранта, и, следовательно, возвышался над сословиями, приобретая надсословный статус. Эта тенденция явно прослеживается уже в пунктах Воронцова, основополагающая идея которых «состояла в том, что самодержавная власть, оставаясь неограниченной, должна была дать обещание не нарушать классовой законности и сама же обязалась следить за тем, чтобы это обещание не было нарушено...»²⁰. Не была она утрачена и в итоговом проекте «Грамоты российскому народу». Более того, стремление к надсословности верховной власти пройдет красной нитью через всю социальную политику александровского царствования. Механизмом приобретения этого статуса в разное время становились различные проекты законов «непременных», или, как их принято трактовать в литературе, конституций, в том числе и «Грамота русскому народу». Иными словами, конституция превращалась в средство, в инструмент упрочения самодержавной власти и ее перерастания в надсословный институт.

В этом плане примечательны два обстоятельства. К надсословности — статусу одновременно и третейского судьи, и гаранта межсословных отношений — самодержавие стремилось с момента возникновения в России самого сословного строя, то есть еще с екатерининских времен. Характерно, что пути достижения одной и той же цели, выбранные Екатериной и Павлом, оказались диаметрально противоположными. В «Учреждении для управления губерниями» Екатерина, следуя в русле европейской традиции, предполагавшей гарантии права равенства перед законом, создала широкую сеть местных сословных судебных инстанций. В основе их деятельности должны были находиться основополагающие принципы организации следственного процесса и судопроизводства: требование в течение трех дней объявить задержанному причину задержания, что должно было обеспечить недопустимость незаконного задержания; невозможность определения человека преступником и применения к нему наказания без решения суда; обязательное наличие в судопроизводстве стороны защиты — то есть те постулаты, которые только и могут обеспечить реализацию принципа равенства перед законом в правоприменительной практике. К слову, именно этими вопросами в значительной мере будут озабочены французские юристы периода консульства и империи ²¹.

При этом императрицу не смущало, что каждое из сословий подчинялось своему особому кодексу правил. Екатерина стремилась основать свое верховенство над сословиями на основе прочного бюрократического регламента. Павел, напротив, посчитал законодательные гарантии излишними, поскольку исходил из принципа, что «каждый подданный имеет значение, поскольку я с ним говорю и до тех пор, пока я с ним говорю» ²². Иными словами, он сам, как носитель верховной власти, то есть верховного закона, брался гарантировать сословиям соблюдение их прав и привилегий. В этом смысле реалии именно павловского правления стали предтечей стремления к тому, чтобы монарх единолично гарантировал соблюдение принципов «классовой законности», что найдет явное отражение в «Грамоте российскому народу». В силу принципиально нового понимания механизмов гарантии Павел уже не нуждался в громоздкой системе местных сословных судебных инстанций, то есть в собственно бюрократических инструментах, а потому поспешил ликвидировать их. Замена бюрократических процедур исключительно личными гарантиями суверена была расценена как проявление деспотизма и добавилась в копилку дворянского недовольства императором, что в итоге привело к дворцовому перевороту.

Александр не мог не учитывать разительного контраста политических последствий для царствующего монарха между екатерининской и павловской моделями обеспечения надсословного статуса монарха. В силу этого он, во-первых, был вынужден вернуться к бюрократическим процедурам обеспечения сословного равенства перед законом. Это наглядно проявилось уже в «Грамоте российскому народу», которая значительное место уделяла декларативным принципам равенства. Во-вторых, Александр во многом предвосхитил ту политическую тенденцию, которая возобладает в постнаполеоновской Европе и получит название легитимизма, когда «конституционализм

становится общепризнанной формой легитимизации всякой власти, в том числе и монархической»²³. Выделение основополагающих принципов и их декларация в законе «непременном» в сочетании с обещанием подкрепить декларацию изданием соответствующих бюрократических процедур — подзаконных актов, регламентирующих деятельность в том числе полицейских и судебных мест империи, — вот путь Александра. Этот путь был предопределен павловским деспотизмом: одних бюрократических процедур оказалось недостаточно, дворянство потребовало сочетания деклараций с процедурами. Это сочетание подтверждало и дворянству, и самодержавию легитимность их прав и привилегий. На наш взгляд, именно потребность в легитимизации своей власти лежала в основе стремления молодого императора к изданию «непременных» законов.

В работе М.М. Сафонова наглядно показано, что основным источником, из которого «Грамота российскому народу» заимствовала перечисленные выше права, является «Декларация прав человека и гражданина». Использование этого источника зачастую становится аргументом тех исследователей, которые рассматривают «Грамоту российскому народу» как свидетельство «внедрения буржуазного права в русские политические документы»²⁴, а политическую программу Александра — как программу, нацеленную на интеграцию европейского буржуазного правопорядка в феодальное русское общество. Однако справедливым представляется следующий вывод Сафонова: «Несмотря на прямые заимствования из “Декларации прав человека и гражданина” в ее термидорианском варианте, “Грамота Российскому народу” оказалась принципиально иным документом — феодальной хартией, определявшей права человека крепостнического общества»²⁵. Обращение авторов «Грамоты российскому народу» к французской «Декларации» и согласие молодого императора с заимствованными положениями было вызвано не его либеральным настроением или стремлением к преобразованиям на основе буржуазных принципов, а тем, что документ «составлялся после завершения Великой французской буржуазной революции и, несомненно, с учетом ее итогов»²⁶.

В период революции политическая мысль обострилась и, в результате, были разработаны новые политические, социальные и правовые механизмы, нацеленные на упрочение верховной власти. Но если в Европе сувереном был провозглашен народ, то в России — самодержец. Механизмы же в равной степени обслуживали идею сильной верховной власти, а потому могли заимствоваться из самых передовых источников. Тем самым на примере «Жалованной грамоты российскому народу» очевиден первый из краеугольных принципов, лежавших в основе политической программы Александра I — стремление к максимально широкому использованию наиболее передовых правовых инструментов, которые в российской действительности надежно и качественно обеспечивали доминирование самодержавия над обществом.

Эта мысль в равной степени относится и к третьей составляющей политической программы Александра — необходимости реформирования государственного аппарата. В отличие от двух первых — самодержавности императорской власти и структуры социальных отноше-

ний, которые непосредственно заимствовались из практики просвещенного абсолютизма и лишь дополнялись современными правовыми механизмами, реформы государственного аппарата не были подготовлены XVIII веком.

Созданная Екатериной II и преобразованная Павлом I административная система управления страдала значительным количеством изъянов. В итоге екатерининской губернской реформы центр тяжести управления был перенесен из центра на места. В результате система управления «во многом основывалась на личных качествах наместников и личном к ним доверии» суверена. Следствием этого стало увеличение доли прямого управления в деятельности наместников и ослабление их возможностей в качестве контролирующей и надзорной инстанции. Это «привело к замыканию на личностях генерал-прокурора и наместников слишком большого количества разнообразных функций, что делало систему органов власти Российской империи недостаточно устойчивой и гибкой». «Упразднение должностей наместников при Павле I сделало губернскую администрацию менее контролируемой, а взаимодействие последней с восстановленными Павлом коллегиями было недостаточно эффективным... Несмотря на усиление единоначалия в коллегиях и даже появления термина “министры”, проблема укрепления центральной исполнительной власти и разграничения отраслей государственного управления оставалась весьма актуальной»²⁷. «Если бы крутые обстоятельства политические постигли Россию в том неустойчивом, когда все гражданское управление состояло в хаосе дел, вверенных почти одному генерал-прокурору, тогда замешательство и затруднение дошло бы до самой высшей степени и не только движение частей не было бы соразмерно быстроте происшествий, но и совсем бы в некоторых отношениях оно остановилось», — писал Сперанский²⁸. Таким образом, в наследство Александру I досталась, прежде всего, проблема административно-территориального устройства империи.

Разбалансированность и неэффективность системы административного управления в начале XIX в. были вызваны историческим процессом становления и развития русской государственности. Сущностную сторону этого процесса прекрасно отражает концепция природно-географического фактора²⁹. В результате, под властью русских царей оказались территории, различные по географическому положению, а значит, и по доминирующему типу хозяйства. На просторах России охотники-собиратели соседствовали с кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами, практиковавшими весь спектр приемов обработки земли: от подсечно-огневого земледелия и перелога в нечерноземье и на русском севере до поливного в Средней Азии и трехполья на западных окраинах. Как следствие, существенно различались и типы господствовавших социальных отношений: родоплеменной строй и различные этапы его разложения сосуществовали наравне с развитым феодализмом и зарождавшимся в отдельных окраинных землях капитализмом. Россия не была едина ни в этническом, ни в конфессиональном отношениях. «... если справедливо утверждение, что империя — это многообразие вер, народов, культур и способов управления, то Россия была подлинной империей задолго до Петра I. Финно-угорские племена, населявшие бассейн Оки и Верхней Вол-

ги, служили еще первым московским князьям. Дальнейшее соби- рание земель привело под руку московского государя народы Повол- жья и Предуралья, не имевшие собственной государственности и по большей части языческие. Со взятием Казани Российское государ- ство окончательно стало полиэтническим и утратило долго и тща- тельно оберегаемое вероисповедное единство»³⁰.

Подобная социальная, экономическая, конфессиональная, обще- ственная, географическая разноликость страны принималась власти- телями и обществом как данность еще и потому, что само по себе историческое ядро государства никогда не было однородным, эконо- мически единым образованием³¹. «Относительная слабость коммер- ции и финансов помогает объяснить, почему Россия очень редко могла контролировать с помощью непрямого экономического воздействия даже прилегающие к ее границам территории. Политическая власть и аннексия с большой вероятностью наступала раньше», чем удавалось установить экономический контроль³².

Еще будучи великим князем, Александр I прекрасно осознавал остроту проблемы административной неуправляемости империи. В 1796 г. в письме к В.П. Кочубею он писал: «В наших делах господ- ствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон; все части уп- равляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, не- смотря на то, стремится лишь к расширению пределов»³³. Неуди- вительно поэтому, что первое, к чему обратился Александр, оказался вопрос о реформе государственного аппарата. Он обсуждался «моло- дыми друзьями» уже в апреле 1801 года. В августе в Негласном коми- тете велась работа над проектом преобразования коллегий в мини- стерства. 8 сентября 1801 г. Высочайший манифест официально объя- вил о реформе центрального управления и провозгласил учреждение министерств. В феврале 1802 г. А.А. Чарторыйский представил запис- ку, к которой прилагалась схема организации государственного уп- равления³⁴. В ее основу был положен принцип разделения властей. Она подробно обсуждалась в Негласном комитете, и результатом ста- ли Указ и Манифест 8 сентября 1802 года³⁵.

Эти акты, «хотя и не вполне последовательно, юридически офор- мляли практически складывавшуюся на протяжении второй половины XVIII в. систему единоличного управления, которая выражала тенден- цию к централизации государственного управления и концентрации его в руках монарха»³⁶. В этом плане примечателен так называемый «сенатский инцидент», результатом которого стала ликвидация права представления, дарованная Александром Сенату в Манифесте 1802 года. Первая же попытка Сената на практике превратиться в орган, хотя бы в минимальной степени претендующий на ограничение за- конодательной власти императора, окончилась фактическим отказом от программы постепенного превращения Сената в выбираемый дво- рянством орган надзора и законосовещания, то есть во властный ин- ститут, независимый от воли и власти самодержца.

«Реформа 1802 года положила начало формированию системы ведомств, предусматривавшей замену господствовавшей в XVIII в. “лучевой” системы подчинения местных учреждений центральным... “линейной”, при которой каждое местное учреждение стало подчи- няться напрямую определенному министерству»³⁷.

В то же время первая министерская реформа обладала рядом недостатков. Создание министерств не привело к устранению коллегий; отсутствовали бюрократические механизмы, позволявшие укрепить принцип ответственности министерской власти, выраженный в Манифесте лишь в виде декларации; ощущалась острейшая нехватка квалифицированных чиновников, способных к отпращиванию возложенных на них обязанностей; не были определены пределы ответственности министров и министерств, отсутствовала четкая внутренняя структура построения министерства; не были созданы местные органы министерств³⁸. «Одновременно... сам император искал определенного противовеса значительно расширившимся и ... задевавшим неограниченность его власти полномочиям министров»³⁹. Необходимость новой кардинальной реформы системы управления была очевидна.

Александр настаивал на том, чтобы новые реформы администрации были основаны на непременной силе законов. «Требование законности, исходившее от российского императора, являлось, в сущности, выражением его стремления полностью подчинить бюрократию своим интересам, а значит укрепить устои своей власти»⁴⁰. Таким образом, стремление Александра к законности в плоскости государственного управления есть, в первую очередь, механизм превращения самодержавия в надгосударственный институт власти. Решать эти задачи предстояло уже не «молодым друзьям», а Сперанскому. В нем император увидел бюрократа, способного разработать схему наиболее рационального политического устройства, в рамках которого устанавливался четкий контроль самодержавия над бюрократическими органами империи и умерялся произвол чиновничества. Сперанский, в свою очередь, сумел не только осознать, но и сформулировать реформаторский вектор: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»⁴¹. В результате, свет увидели Указ 6 августа 1809 г. и манифесты 25 июля 1810, 25 июня 1811 и 20 марта 1812 годов.

«Введение к уложению государственных законов» также рассматривается в литературе как проект «русской конституции». Проект Сперанского воплощал в себе вторую значимую особенность политической программы преобразований императора Александра. Конституционализм этого проекта видится историкам в последовательно проведенном принципе разделения властей и, главное, в создании народного представительства — Государственной думы. Однако отделение различных административных управленческих органов друг от друга, четкое определение их юрисдикции, внутреннего соподчинения, выстраивание иерархии этих органов, основанной на принципе разделения властей, не свидетельствуют о конституционности проекта. Напротив, это говорит о формальном понимании этого принципа и его применении только и исключительно в административной практике. Наиболее четко суть российского понимания теории Монтескье сформулировал сам Сперанский: «Державная власть соединяет в себе силу законодательную, судную и исполнительную и приводит

их в действие посредством государственных сословий, для сего установленных»⁴².

Предложение Сперанского о создании Государственной думы также не свидетельствует об ограничении законодательной власти императора. Государственную думу следует рассматривать в контексте недостатков первой министерской реформы и, прежде всего, недостатка ответственности министров, которая должна состоять в том, чтобы четко выполнять действующий закон. А ответственность министров не могла быть реализована в полной мере до тех пор, пока закон не станет выражать устремление сословий, то есть пока на практике не реализуется идея «истинной монархии», во главе с «мудрецом на троне», разумно, но самовластно правящим страной в интересах всего общества. Узнать интерес общества можно только спросив его об этом — объединив представителей сословий в Государственной думе, наделив ее законосовещательными функциями и, тем самым, превратив в законосовещательный орган выражения сословных интересов при самодержавном монархе. В этом состоит второй существеннейший принцип, лежащий в основе политической программы Александра I, — стремление к реализации в полной мере идеи самодержавного царствования во имя и для блага народа.

Впервые такая модель была апробирована Екатериной в период всесословной Уложенной комиссии, деятельность которой дала огромный социологический материал и стала основой екатерининского законодательства. Однако, как совершенно справедливо отмечают исследователи, влияние французской революции оказалось значительным. Механизмы, заимствованные преимущественно из Франции, и, в первую очередь, принцип разделения властей, на основе которого строилась новая административная система, значительно усложнили схему функционирования управленческой машины империи, а потому потребовали более интенсивных механизмов взаимодействия с обществом. Таким механизмом должно было стать народное представительство. Это, однако, не означало, что император предполагал делиться с обществом своей властью. В силу этого, представительные органы должны были явиться не прообразом парламентаризма, а инструментом «истинной монархии», обеспечивающим доминирование самодержавия одновременно и над обществом, и над бюрократией.

В этой связи характерна точка зрения Д.А. Гурьева: «Исполнительная власть в монархическом правлении важнее законодательной. Первая управляет, действует, вторая соглашается, одобряет и рассматривает действия правления. Сколь ни велика важность мудрых законов, но они останутся бесполезными, если исполнение их будет погрешительно»⁴³.

События 1812 г. и последовавшие за ними заграничные походы не позволили довести до конца выстраивание стройной вертикали власти: разбалансированность систем центрального (построенной по министерскому принципу) и местного (сохранявшей значительные черты коллегиальности) управления стала предметом послевоенного монархическо-федералистического проекта, суть которого состояла в решении трех вопросов. Во-первых, унификации модели построения систем центрального и местного управления. Во-вторых, создании на местах бюрократических механизмов реализации сословиями сво-

их прав, то есть обустройстве местных полицейских и судебных мест. В-третьих, объединении всех элементов политической конструкции в единое целое, то есть законодательном закреплении доминирования самодержавия и над обществом, и над институтами государства, облечения его в форму Уложения. По окончании войны Александр «публично изъяснился насчет нынешнего устройства внутреннего государственного управления» и заявил, что «главнейшие его занятия будут по сему вопросу»⁴⁴.

Таким образом, главным содержанием послевоенного курса внутренней политики самодержавия стал вопрос выработки механизмов управления территориями, создания эффективной модели системы местного управления, построенной на основе принципа разделения властей.

Первые подходы к разработке модели унификации министерской системы и иных органов как центрального, так и местного управления, относятся еще к довоенному времени. 28 марта 1806 г. В.П. Кочубей представил императору записку, содержащую меры по дальнейшему совершенствованию системы министерского управления⁴⁵. В ней впервые была высказана мысль о необходимости организационной унификации министерств, упорядочении их взаимоотношений с Сенатом и Непременным советом. Эта часть записки Кочубея найдет свое воплощение во второй министерской реформе 1810—1812 годов. Развивая свою мысль, Кочубей предлагал «определить в губернии, а особливо отдаленные, генерал-губернаторов, вверяя им по две, три или четыре губернии каждому». «Пребывание генерал-губернатора в провинциях существенную пользу приносить может», — утверждал он, — поскольку «множество дел по средством власти сей получит, не выходя из губерний, окончание и... тем избавится вышнее правительство от большого числа совершенно не нужных хлопот», а «частные люди ограждены будут от проволочек». Тем самым Кочубей предлагал создать единую для всей территории империи систему управления.

Появившееся несколькими годами позднее «Введение к уложению государственных законов» Сперанского умалчивало об институте генерал-губернаторства. Однако по «Плану» Сперанского предусматривалось выделение пяти окраинных областей (Сибири, Кавказа, Новороссии, Оренбургского края и Земли донских казаков), к управлению которыми общие государственные законы должны были применяться «по местному их положению»⁴⁶. «Устройство областей предполагало сохранение в них власти генерал-губернаторов. Но институт генерал-губернаторства в России, в соответствии с планом государственных преобразований Сперанского, должен был существовать лишь на окраинах и на территориях, отличавшихся существенными местными особенностями от основной части империи»⁴⁷.

Таким образом, уже в предвоенный период начали формироваться две точки зрения: сторонников генерал-губернаторского проекта и его противников.

Бурные события 1812—1814 гг. отодвинули внутренние реформы на второй план. В декабре 1814 г. тот же Кочубей подал императору записку, в которой вновь вернулся к идее унификации системы государственного управления⁴⁸. Бегло остановившись на необходимости

более четкого разграничения полномочий между верховными органами (Государственным советом, как законосовещательным органом, Сенатом, как судебным органом, и министерствами, как исполнительными органами), Кочубей сконцентрировал свое внимание на двух вопросах: внутренней логике построения министерской системы и местном управлении. Для решения первого из них, кроме сокращения штатов канцелярий, Кочубей предлагал объединить Министерство полиции с Министерством внутренних дел, соединить Государственное казначейство с Министерством финансов и создать единое Министерство для управления народным просвещением и духовными делами. «...все эти предложения были в дальнейшем осуществлены: в 1819 г. Министерство полиции было присоединено к МВД с передачей в Министерство финансов Департамента мануфактур и внутренней торговли, в 1821 г. Государственное казначейство присоединено к Министерству финансов, а в 1817 г. образовано Министерство духовных дел и народного просвещения (просуществовавшее до 1824 г.)»⁴⁹. В целях унификации министерской системы с устройством местных учреждений Кочубей возвращался к своим же идеям, высказанным в 1806 г., и предлагал, не обременяя генерал-губернаторов текущими делами и бюрократическим делопроизводством, превратить их в надзорный институт верховной власти в губерниях.

1 декабря 1815 г. свою записку подал министр финансов А.Д. Гурьев⁵⁰. Он предлагал «учредить в качестве совещательного при императоре органа Тайный Совет, состоящий только из министров», вручить исполнительные функции Правительствующему сенату, отделить от последнего Судебный сенат, наделив его исключительно полномочиями высшей судебной инстанции⁵¹. «При этом Гурьев предлагал такую организацию местных учреждений, которая предусматривала бы линейное подчинение их соответствующим министрам... эта конструкция была призвана усилить власть министров и не оставляла места для генерал-губернаторов как особой правительственной инстанции»⁵².

Таким образом, по окончании войны два подхода к устройству местных учреждений вновь оказались актуальными. Любопытным представляется то, что в отличие от Сперанского, рассматривавшего генерал-губернаторское управление как чрезвычайный институт, а потому пригодный исключительно для управления окраинными территориями, существенно отличавшимися от внутренних областей России географически, политически, экономически, социально, Гурьев видел в генерал-губернаторах помеху распространению министерской власти на систему местного управления. Впоследствии противостояние сторонников и противников разделения России на генерал-губернаторства станет одной из причин, заставивших Александра I не торопиться с введением «Государственной Уставной Грамоты».

Генерал-губернаторский проект Александра I начался в 1816 г. составлением «Проекта учреждения наместничеств»⁵³. Подготовка проекта 1816 г. «осуществлялась либо под руководством Н.Н. Новосильцова, либо в Министерстве полиции»⁵⁴ по прямому повелению Александра I. Согласно тексту проекта, вся территория империи разделялась на наместнические округа, состоявшие из нескольких гу-

берний⁵⁵. Во главе округа ставился назначаемый императором наместник (§ 2). Он подлежал исключительно высочайшей юрисдикции. «Проектом» регламентировалась делопроизводственная переписка между императором и наместником. Под непосредственным контролем императора находились именные царские указы, данные наместнику, дела, составлявшие государственную тайну, и дела, требовавшие использования воинских контингентов, квартировавшихся на территории округа. Таким образом, эти вопросы не подлежали юрисдикции наместников.

Для сведения императора наместник обязывался представлять рапорты и каждые три года лично докладывать царю о состоянии введенных губерний. Наместник получал право сноситься непосредственно с императором по «всем важнейшим делам и предложениям, надписывая донесения свои по части» министра по принадлежности, а также по своим представлениям, которые «не будут уважены» министрами или Сенатом (§ 50—55).

В обязанности наместнику вменялось охранять права, «разным состояниям присвоенные», внутреннюю безопасность и благосостояние, наблюдать за исполнением земских повинностей, за казенным интересом и за действием правосудия. Иными словами, наместник следил за соблюдением status quo в отношениях помещика и крестьянина (§ 10—13) вплоть до введения опеки за жестокое отношение к крепостным (§ 12) или «мотовство» (§ 16), контролировал дворянские собрания (§ 8—9); нес ответственность за устройство местной полиции (§ 14) и богоугодных заведений (§ 18), занимался попечительством о внешнем виде городов, о развитии торговли, промышленности и земледелия (§ 17), почт, дорог и мостов (§ 20), наблюдал за законностью исполнения рекрутской повинности (§ 21—22). В его обязанности входило также не только блюсти интересы казны и не допускать недоимок по казенным податям (§ 23), но и в случаях стихийных бедствий «входить в состояние» обывателей и делать представления министрам о снижении налогов, ходатайствовать перед Начальником Главного Штаба о переводе расквартированных войск в другой округ или губернию своего округа в случае, «если усмотрит в том пользу казне» (§ 26)⁵⁶; рассматривать жалобы, включая доносы на «губернские правительства», и представлять их министру по принадлежности с собственным мнением (§ 27—28)⁵⁷.

В непосредственном подчинении наместнику находился гражданский губернатор со всеми «зависящими от него местами и лицами» (§ 30). Губернатор должен был ежемесячно представлять наместнику донесения о состоянии дел в Губернском правлении и подотчетных ему местах (§ 61). «Сверх того Губернаторы во всех случаях, требующих высшего разрешения, на основании общего Учреждения Министерств (§ 275, 276), относятся непосредственно к Наместнику» (§ 62).

Исключение⁵⁸ составляли «другие части управления⁵⁹,... как общие, так и частные или особенные начальства», над которыми наместнику предоставлялась лишь контрольная, но не административная власть (§ 31). Право принимать решения по делам этих частей управления «с оною же властью, какая, в подобных случаях, узаконениями присвоена Министрам» (§ 33), предоставлялась наместнику лишь

в исключительных случаях, «когда встретятся дела важнейшие и чрезвычайные⁶⁰, времени не терпящие, и по каким либо недоумениям или затруднениям, власть и способы местного управления превышающим, требующия скорейшего разрешения, которое не может быть отлагаемо без явного вреда или государственного ущерба» (§ 32). В этих случаях власть наместника ограничивалась обязательством донести о происшествии министру по принадлежности (§ 33); а в случаях, если, с точки зрения наместника, представление ему сделанное, не носит чрезвычайный характер, он должен был отправить дело по инстанциям (§ 34).

В обязанности наместнику вменялось лично (§ 40) ревизовать все присутственные и судебные места и особенные начальства (§ 41), следить за соблюдением законности и быстроты делопроизводства в них (§ 42), отстранять чиновников от должности и придавать их суду (§ 43—44). Исключение составляли лишь губернаторы, вице-губернаторы, председатели палат, прокуроры, начальники таможенных округов, военные чины и «все члены, определяемые с Высочайшего утверждения» (§ 45).

Судебные места и решения «по делам судным» не находились в непосредственном ведении наместника, однако он имел право «понуждать судебные места в округе через Губернского Прокурора к скорейшему разрешению дел» (§ 35) и останавливать — до соответствующего решения Сената — исполнение по приговору о лишении чести и жизни (§ 36). Иными словами, в судопроизводственной сфере ему предоставлялись контрольно-надзорные функции, что, безусловно, являлось отражением позиции, изложенной в записках Кочубея 1806 и 1814 годов.

Советы, создававшиеся в наместничествах, составлялись из наместника и шести членов (§ 66), кандидатура каждого из которых представлялась на рассмотрение и утверждение⁶¹ императору министром по принадлежности. Исключение составлял управляющий письмоводством, которого императору представлял наместник (§ 68). Члены совета обладали исключительно совещательными голосами, в исполнение же должно было приводиться единоличное решение наместника, принятое по итогам обсуждения дела в совете (§ 85). Решение наместника только тогда приобретало законную силу распоряжения, когда оно было подписано членом совета по принадлежности (§ 90). За членами совета, однако, было закреплено право записать в журнал заседания особое, отличное от точки зрения наместника, мнение (§ 86), что освобождало члена совета от ответственности за решение наместника, с которым он не был согласен (§ 88). Наместник же, в свою очередь, обязан был отразить несогласное мнение в ежемесячном донесении (§ 86).

Ведению совета подлежали дела «по общей полиции, по части медицинской, по богоугодным заведениям, народонаселению, промышленности по водяным и сухопутным сообщениям..., по общественным денежным повинностям, недоимкам и другим предметам, до казенного интереса относящимся..., по части судебной..., по народному просвещению и иностранным вероисповеданиям» (§ 67), то есть по всем тем отраслям управления, которые подлежали и министерской юрисдикции. Каждый из членов совета, поскольку назна-

чался по принципу министерского представления, отвечал лишь за определенный участок работы, соответствующий профилю представившего его министерства (§ 67).

Согласно положением «Проекта», наместники не должны были подчиняться министрам, они представляли собой инстанцию, подотчетную исключительно императору, и полностью независимую от министерской вертикали власти. Дела об отрешении наместников от должности рассматривались императором по представлениям министров (§ 46—49). Более того, наместникам предоставлялось право, «взяв на свою личную ответственность, ... остановить исполнение указов Правительствующего Сената и предписаний Министров, коль скоро усмотрит, что, по местным особенностям края, может произойти от исполнения оных явный вред казне или народу, или что оными отменяются законы, учреждения или Высочайшие повеления. В таких случаях он обязан немедленно представлять о сем на Высочайшее разрешение Его Императорскому Величеству, с подробным изложением причин, его к тому побудивших, и в то же время донести о том Сенату, буде по его указу остановлено исполнение, или до сведения того Министра, от которого последовало предписание» (§ 38). Одновременно, если «исполнение таковых предписаний навлекает токмо некоторые неудобства», наместник сносится с министром или Сенатом и, в случае подтверждения решения, наместник «поступает сообразно с оным» (§ 39). Взаимоотношения министров и наместников носили характер *ad hoc*⁶², поскольку введение окружного территориально-административного деления империи и наместнической власти на местах «не изменяет течения дел в порядке, ныне существующем»⁶³, посему Правительствующий Сенат и Министерства имеют посылать предписания свои по прежнему присутственным губернским местам и лицам, по принадлежности» (§ 56). Сенат же обязан был присылать наместнику все необходимые для его сведения государственные акты (§ 60).

Таким образом, не имея возможности влиять на действия наместников, министры сохраняли свою власть над губернскими властями, но даже приобретение контроля над персональным составом наместнического совета не давало министрам возможности влиять на течение дел в наместничествах. Эта мысль подтверждается и определением обязанностей наместника в Совете, которые состояли в «наблюдении, Именем Его Императорского Величества, за действием и исполнением законов в губерниях» (§ 75). Такое положение дел должно было уравновешивать власть министров, которая стремилась к расширению (в этой связи уместно вспомнить вызвавшую недовольство Александра записку А.А. Аракчеева «О министерском комитете», в которой предполагалось существенное расширение полномочий председателя Комитета Министров⁶⁴) и грозила ограничить самодержавность императора. Позднее в разговоре с А.Д. Балашовым император указывал на это обстоятельство, говоря, что в должности генерал-губернатора он видит противовес всевластию министров⁶⁵.

«Проект учреждения наместничеств» достаточно широко обсуждался в среде высшей бюрократии: от 1817—1819 гг. сохранился ряд записок по этому поводу. Во-первых, записка Ф.П. Ключарева «О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления»⁶⁶, кото-

рую сенатор составил в 1817 г., «исполняя с благоволением высочайшую волю вашего императорского величества»⁶⁷. В записке развивалась мысль, высказанная Кочубеем в 1806 и 1814 гг., о том, что главным средством исправления дел в губерниях является назначение генерал-губернаторов, каковыми должны были стать сановники, удостоенные наибольшего доверия императора.

Во-вторых, «Проект образования округов из Губерниев и областей», составленный бароном Б.Б. Кампенгаузенем в 1818 г. и переданный императору 15 января 1819 года⁶⁸. В нем государственный контролер усматривал «главнейшие недостатки настоящего нашего Управления» в оторванности министров, «в столице живущих», от «местных нужд и обстоятельств» при одновременной перегруженности министерских департаментов «разными по губерниям распоряжениями», которые стесняют «самое действие местного исполнения». При этом, «когда какое-либо предписание уже сделано, то редко заботится кто, как оно исполнено». Поэтому действия местной администрации «не должно бы стеснять, но подвергнуть оное строгой проверке, не ожидая доносов и жалоб». Та же ситуация, по мнению автора, наблюдалась и применительно к судебной части. Самому губернскому управлению не хватало единого центра, объединившего бы в своих руках «Таможенные, Горные, Дорожные, Почтовые и другие ведомства», руководимые министерствами, с собственно губернским управлением. Для устранения этих недостатков Кампенгаузен предлагал по примеру Пруссии разделить Россию на 12 областей, верховную власть в которых передать «Главным областным Начальникам», «областным Сенатам» и «Главным областным Судам». Примечательно, что в этом «Проекте» впервые появилась мысль о создании местных сенатов и областных судов, которая впоследствии получили свое развитие в «Государственной Уставной Грамоте» в виде местных отделений Сената и Верховных судов наместнической области.

В-третьих, в августе 1818 г. «кто-то из лиц, несомненно, близких к правительству», подал Александру проект реформы внутреннего управления⁶⁹. Отличительной чертой этого проекта являлось необходимое, по мысли автора, создание «“губернских комиссий”, состоящих из депутатов от дворянства и купечества». Эти комиссии не должны были иметь «исполнительной власти», они стали бы «совещательными органами. Свои мнения они представляют местным губернским властям, если вопрос относится к компетенции местных органов, и министру внутренних дел, когда затрагиваются вопросы, требующие разрешения центрального правительства»⁷⁰. Впоследствии эти «губернские комиссии» приобретут на страницах «Государственной Уставной Грамоты» вид Наместнических сеймов.

В-четвертых, комплекс материалов Д.А. Гурьева, состоявший из редакции «Проекта» (не датирована)⁷¹, «Мнения министра финансов о Проекте Учреждения о Наместниках, сообщенном ему по Высочайшему повелению»⁷² и приложенной к «Мнению» записки на французском языке⁷³ от 16 декабря 1817 года. Из этих материалов со всей очевидностью следует, что Гурьев был противником самой идеи учреждения генерал-губернаторств, рассматривая ее как развитие созданной «Учреждением о губерниях» «лучевой» системы подчинения местных учреждений центральным. Являясь, по-видимому, вырази-

телем мнений министерского корпуса, Гурьев был сторонником «линейной» системы подчинения, при которой каждое местное учреждение подчинялось напрямую определенному министерству. В силу этого министр финансов, не имея возможности прямо отвергнуть «Проект», выступил с предложением «ряда поправок, клонящихся к преобладанию у наместников надзорных функций и ограничению их административных полномочий, а также сохранению властных полномочий министров». Характерно и то, что приложенная к «Мнению» записка на французском языке «содержит более решительные возражения против проекта учреждения наместничеств»⁷⁴. Показательно, что идея укрепления «линейной» системы управления найдет в «Государственной Уставной Грамоте» свое гипертрофированное воплощение в виде двух министерских вертикалей власти: Комитет министров — Правительный совет Наместничества — Общее Собрание губернского начальства и министерства — отделения Правительного совета Наместничества — экспедиции Общего Собрания губернского начальства.

В-пятых, «Примечания на мнение Графа Гурьева по предмету устройства Наместничеств»⁷⁵, составленные Аракчеевым⁷⁶. Этот документ представляет собой попытку найти компромисс между противниками и сторонниками генерал-губернаторского проекта. Точку зрения Гурьева автор записки рассматривает как «изложение чувств Министра, встревоженного мыслию, что единоначалие его над частью, ему вверенной, перейти может в руки Наместников, или, по крайней мере, разделено быть между им и Наместниками, и опасаящегося, что от сего постигнут Россию ужасные бедствия. Я с своей стороны считаю заключение таковое весьма увеличенным и неправильным... Но, впрочем, говоря о Наместниках, или областных Генерал-Губернаторах, я нисколько не полагаю, как думает Граф Гурьев, чтобы в предположении у правительства было правление заводить в Наместничествах, отдельным, подобно Польше и Финляндии. Если бы сие было, тогда я согласно с ним, предвидел бы большое неудобство для управления государства... Мое мнение, согласно с его, состоит в том, что правлению должно быть сосредоточено в частях государственного управления или ветвях онаго, и соблюдать единство своей части. Надзор за правлением необходим, но не в отклонение распорядков, а в подкрепление оных... Я, с своей стороны, не нахожу нисколько вредным установление областей или наместничеств, но не нахожу также нисколько излишним и того, что Министерства у нас учреждены, не могу между тем не заметить однако же того, что Министерства наши до сих пор на твердую ногу еще не столько основательно поставлены, как были Коллегии».

Таким образом, в ходе обсуждения генерал-губернаторского проекта в 1817—1819 гг. были высказаны три основополагающих принципа организации системы взаимоотношений местного и центрального управления — создание региональных отделений Сената, местных выборных представительных совещательных органов и укрепление «линейной» системы министерского управления. Связующим звеном, казалось бы, противоречащих друг другу позиций стала точка зрения Аракчеева, дававшая возможность соединить теорию общественного договора в виде сословного представительства с принципом разделе-

ния властей в виде сочетания «линейной» системы министерского управления с наместнической контрольно-административной властью. В полной мере все эти идеи нашли свое воплощение в «Государственной Уставной Грамоте».

«Государственная Уставная Грамота», таким образом, есть пример применения теории общественного договора и принципа разделения властей с целью реализации самодержавных прав русских императоров. Иными словами, управленческая система, в понимании авторов Грамоты, включала в себя все сферы государственного управления: судебные, законосовещательные и исполнительные органы во всем их многообразии. Однако ни один из управленческих органов не был наделен даже подобием власти. Об этом красноречиво свидетельствует не только анализ положений самой Грамоты, но и дискуссия 1817—1819 гг. о судьбе генерал-губернаторского проекта Александра I, развернувшаяся не по вопросу о властных полномочиях соответствующих органов, а вокруг проблемы функционального разграничения обязанностей между центральными и местными управленческими инстанциями, в равной степени подчиненных верховной самодержавной власти. Все они создавались с единственной целью — предоставить в распоряжение самодержца механизм реализации его и только его неограниченной власти. Реальная власть была сконцентрирована у верховного самодержавного правителя. В отношении органов управления Грамота фактически подменяла понятие власти различными функциями, которыми в большем или меньшем объеме наделялись различные административные органы.

«Государственная Уставная Грамота», первая и вторая редакции которой создавались в 1819—1820 гг., должна была объединить воедино реформаторские начинания первой половины царствования — принцип самодержавности власти и сословное понимание теории общественного договора — с послевоенными теоретическими изысканиями правительства в области бюрократизации системы административного управления империи. Иными словами, «Государственная Уставная Грамота» представляет собой Уложение государственных законов, о необходимости которого говорил Сперанский. Невозможность создания такого Уложения в довоенный период объясняется отсутствием разработанной модели администрирования территорий, основанной на принципе разделения властей, то есть разграничения управленческих функций между различными уровнями административных органов. Только к концу 1819 г. эта модель была создана. В силу этого, лишь с 1819 г. началась разработка полномасштабного «непременного» закона, Уложения — «Государственной Уставной Грамоты».

В 1819 г. бывший министр полиции А.Д. Балашов был назначен генерал-губернатором нескольких центральных губерний. Однако только 2 марта 1823 г. он получил разрешение приступить к проведению реформы в жизнь⁷⁷. Столь длительная задержка была вызвана тем, что в 1821—1822 гг. Сперанский, известный своим талантом систематизатора разрозненных идей, занимался структуризацией материалов дискуссии 1817—1819 годов. Результатом этой работы стал «Проект учреждения областного управления» 1822 года. 1823—1824 гг. были потрачены на апробацию теоретических построений. 1 сентяб-

ря 1823 г. «Начальные основания для приспособления управления губернского в Рязани к общему ходу дел, ныне вводимому» Балашова были высочайше утверждены⁷⁸. В 1824 г. новое устройство губернских учреждений было введено в Рязани. «В том же году Александр I посетил Рязань, был в губернском совете, а также губернском правлении, казенной палате и т.д. и одобрил все, что осмотрел»⁷⁹. Тогда же (в 1824 г.) началась работа по адаптации результатов генерал-губернаторских опытов Балашова к «Государственной Уставной Грамоте». Была создана третья редакция Грамоты, основным отличием которой от предшествующих редакций стала более детальная проработка вопроса об организации местного управления при сохранении самодержавного характера верховной власти и сеймовой модели управления сословиями, обеспечивавшей надсословный статус самого самодержавия.

Таким образом, в 1824 г. реализация политической программы Александра близилась к завершению. Две из трех задач, отложенных императором до окончания войны, были решены: создана модель управления территориями и проект Уложения. Однако прежде чем вводить Грамоту в жизнь, необходимо было разработать последнюю составляющую политической конструкции — систему бюрократических механизмов реализации сословиями своих прав, то есть создать модель местных полицейских и судебных мест.

В январе-ноябре 1825 г. Балашов представил на рассмотрение императору комплекс документов, регламентировавших, в первую очередь, роль, место и функции различных полицейских учреждений, — «Проект устава общего губернского управления» (16 января 1825 г.), «Проект устава общего уездного управления» (16 января 1825 г.), «Предложения Генерал-Адъютанта Балашова по предмету распределения полицейского управления» (не датированы), а также подписанные императором 1 мая 1825 г. «Начальные правила краткой инструкции начальнику губернской полиции», «Инструкцию помощникам начальника губернской полиции», «Наставление сотскому в селениях», «Наставление десятскому в селениях», «Наставление каждому хозяину двора в селении»⁸⁰. 10 ноября 1825 г. датирован последний документ — «Распорядок о назначении впредь сотских и десятских»⁸¹.

Таким образом, реформа губернского управления, в том числе и местные полицейские инстанции, были снабжены необходимым пакетом нормативных документов. Последнее препятствие на пути окончательной реализации политической программы Александра I, описанной в «Государственной Уставной Грамоте», было устранено. Однако 19 ноября 1825 г. император скончался, так и не успев довести дело своей жизни до логического завершения.

В результате восстания декабристов политическая модель абсолютистской государственности, воплотившаяся в проекте «Государственной Уставной Грамоты», оказалась отброшена. В николаевское время была реализована модель, основанная на иных механизмах. Общее между ними то, что обе они базировались на одних и тех же принципах — самодержавности института верховной власти, его надсословности и надгосударственности, то есть являлись моделями абсолютизма.

Примечания

1. САФОНОВ М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л. 1988, с. 128.
2. MONTESQUIEU CH.-L. De l'esprit des lois. T. 1. Amsterdam. 1764; Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences. T. IX. Neufchâtel. 1765; ЮСТИ И.Г. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов. М. 1770.
3. ОМЕЛЬЧЕНКО С.А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М. 1993, с. 339.
4. СУХОМЛИНОВ М.И. Фридрих-Цезарь Лагарп — воспитатель императора Александра I. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб. 1889, с. 198.
5. СПЕРАНСКИЙ М.М. Руководство к познанию законов. СПб. 2002, с. 350.
6. ЧЕРНОВ С.Л. К вопросу о времени возникновения абсолютизма в России в XVIII—XX веках.
7. ПСЗ-1, № 3006.
8. ЧЕРНОВ С.Л. Ук. соч., с. 38.
9. ПСЗ-1, № 19779.
10. САФОНОВ М.М. Ук. соч., с. 146—164.
11. LE DONNE J.P. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism 1762—1796. Princeton. 1984; YANEY G. The systematization of Russian Government. Urbana. 1973.
12. БЕРТОЛИССИ Л. Введение к изучению конституционных проектов в России XVIII—XX вв. Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX века. М. 2000, с. 81—82.
13. ЗАХАРОВ В.Ю. «Всемиловейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII — начале XIX вв. М. 2002.
14. САФОНОВ М.М. Ук. соч., с. 165.
15. Там же, с. 162—163.
16. МИНАЕВА Н.В. Век Пушкина. М. 2007, с. 16—17. Текст «Жалованной грамоты российскому народу» см.: Там же, с. 149—160.
17. О Вольном экономическом обществе и конкурсе 1765—1767 гг. см.: ОРЕШКИН В.В. Вольное экономическое общество в России. М. 1963; БЕЛЯВСКИЙ М.Т. Крестьянский вопрос в России. М. 1965; ПЕТРОВА В.А. Вольное экономическое общество как проявление просвещенного абсолютизма. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л. 1980.
18. ЦИМБАЕВ Н.И. Идеи федерализма и федеративного устройства России в общественной мысли. Очерки русской культуры XIX века. М. 2003, с. 469—470.
19. ЛИВЕН Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада. Российская империя в сравнительной перспективе. М. 2004, с. 78.
20. САФОНОВ М.М. Ук. соч., с. 130—131.
21. Constan de M. Benjamin. Cour de politique constitutionnelle. Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la Constitution actuelle de la France, formant une espèce de Cour de Politique Constitutionnelle. Vol. 2. P. 1818, p. 73.
22. Mémoires posthumes du feld-marechal comte de Stedingk. Vol. 2. P. 1845, p. 10—11; КЛОЧКОВ М.В. Очерки правительственной деятельности Павла I. Пг. 1916, с. 142.
23. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Конституционные проекты в России. В кн.: Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в. М. 2000, с. 111.
24. ЗАХАРОВ В.Ю. Ук. соч., с. 6.
25. САФОНОВ М.М. Ук. соч., с. 140.
26. Там же, с. 139.
27. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб. 2001, с. 61—62.
28. СПЕРАНСКИЙ М.М. Проекты и записки. М. 1961, с. 201.
29. ВЕСЕЛОВСКИЙ К. О климате России. СПб. 1857; ВОЕЙКОВ А.И. Климаты земного шара, в особенности России. СПб. 1884; ДУЛОВ А.В. Географическая

- среда и история России. Конец XV — середина XVI в. М. 1983; МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998.
30. ЦИМБАЕВ Н.И. Ук. соч., с. 469.
  31. Подробнее см.: КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., МИЛОВ Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М. 1974.
  32. ЛИВЕН Д. Ук. соч., с. 78.
  33. Цит. по: ШИЛЬДЕР Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб. 1897, с. 44.
  34. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1278, оп. 1, д. 14, л. 57.
  35. ПСЗ—1, № 20405, 20406.
  36. САФОНОВ М.М. Ук. соч., с. 229.
  37. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 67.
  38. ЧИБИРЯЕВ С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М. 1989, с. 64—65.
  39. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 67.
  40. ТОМСИНОВ В.А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М. 1991, с. 79.
  41. СПЕРАНСКИЙ М.М. Руководство к познанию законов. СПб. 2002, с. 342.
  42. Там же, с. 395.
  43. Сб. ИРИО. Т. 90. СПб. 1894, с. 71.
  44. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М. 1957, с. 369.
  45. Сб. ИРИО, т. 90, с. 210—211.
  46. СПЕРАНСКИЙ М.М. Проект уложения государственных законов. Историческое обозрение. Сборник исторического общества при императорском Санкт-Петербургском университете. Т. 10. СПб. 1989.
  47. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 69.
  48. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1167, оп. 1, д. 64, л. 7.
  49. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 70.
  50. Сб. ИРИО, т. 90, с. 39—107.
  51. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А.В. Ук. соч., с. 369
  52. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 71.
  53. Материалы, собранные для Высочайше учрежденной Комиссии по реформе губернских и уездных учреждений. Т.1. Ч.1. СПб. 1870, с. 2—45. (Материалы Комиссии).
  54. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 72.
  55. «Проект», как впоследствии первая и вторая редакция Грамоты, предусматривал наличие приложения с росписью округов по губерниям и определением местопребывания каждого наместника (§ 5), однако, ни архивный, ни опубликованный текст «Проекта» этого приложения не содержит.
  56. Этим военная власть наместника ограничивалась.
  57. «Проект» предусматривал иерархию подачи жалоб: власть, «до которой жалоба принадлежит», губернатор, наместник, министр (§ 29).
  58. В чрезвычайных обстоятельствах наместник получал всю полноту исполнительной и административной власти (§ 37).
  59. Делопроизводственные сношения между всеми губернскими властями, судебными местами и особыми начальствами в губернии осуществлялись через Губернское Правление (§ 63—64). Наместник получал лишь право требовать объяснений и сведений о прохождении дел непосредственно от губернских властей (§ 65), управление же губернскими властями возлагалось, как и ранее, на губернатора.
  60. Определение «дел чрезвычайных» дано в § 102—107 «Общего учреждения министерств».
  61. Утверждение оформляется именными императорскими указами.
  62. Министры и наместники получали право обращаться непосредственно друг к другу только «в случаях чрезвычайных» или, если наместник найдет необходимым

довести до сведения министерства какие-либо сведения, способствующие улучшению местного управления или «успешнейшему исполнению» министерских распоряжений (§ 57—59).

63. Этот порядок регламентировался «Общим Учреждением министерств» (§ 270—288).
64. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А.В. Ук. соч., с. 370.
65. РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4074, л. 91—102.
66. Сборник исторических материалов. СПб. 1895, с. 217—228.
67. Цит. по: ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А.В. Ук. соч., с. 373.
68. РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4484, л. 23—36об. Опубликовано: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. СПб. 2003.
69. Сборник исторических материалов, с. 115—142.
70. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А.В. Ук. соч., с. 380—381.
71. Материалы Комиссии, с. 2—45.
72. РГИА, ф. 1167, оп. ДАГС, т. XVI, д. 93, л. 80а—120. Опубликовано: Материалы Комиссии, с. 46—59.
73. Там же, с. 60—65.
74. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 75.
75. Материалы Комиссии, с. 66—67.
76. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 75.
77. Материалы Комиссии, с. 116—117.
78. Там же, с. 86—112, 146—151.
79. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, с. 88.
80. Материалы Комиссии, с. 152—212.
81. Там же, с. 194—195.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Епископ Альберт

А.Н. Нестеренко

Даже на фоне своих незаурядных предшественников этот человек выделялся выдающимися качествами. Благодаря его усилиям родилось новое государство — Ливонская конфедерация. Обычно скупой на похвалы С.М. Соловьёв писал о нем так: «Альберт принадлежал к числу тех исторических деятелей, которым предназначено изменять быт старых обществ, полагать твердые основы новым: приехавши в Ливонию, он мгновенно уразумел положение дел, нашел верные средства упрочить торжество христианства и своего племени над язычеством и туземцами, с изумительным постоянством стремился к своей цели и достиг ее»¹.

Совсем по-другому оценивали роль Альберта советские историки. Например, авторы «Истории Эстонской ССР» утверждают, что «в течение тридцати лет Альберт являлся главным и непосредственным организатором жестокого подавления, истребления и порабощения ливов, эстонцев и латышей. Альберт был злейшим врагом русского и прибалтийских народов»².

Не так много в истории человечества персонажей, которым удалось в одиночку изменить судьбы целых народов. Что нам известно о человеке, который, по удачной оговорке советских историков, «самостоятельно» смог организовать покорение Прибалтики? О деятельности Альберта на посту епископа Ливонии подробно рассказывается в Ливонской хронике Генриха Латвийского. Благодаря этому труду потомки могут оценить подлинный масштаб этой личности.

Но хроника не сообщает ничего о жизни епископа до его назначения на должность. И, хотя Генрих достаточно подробно описывает двадцать восемь лет деятельности Альберта, его повествование заканчивается 1227 годом. События последних трех лет жизни епископа, скончавшегося в 1229 г., когда «Ливония лишилась своего великого Альберта»³ тоже неизвестны.

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Альберт посвятил свою жизнь созданию новой цивилизационной модели. Это был первый в истории социальный эксперимент, в ходе которого в короткий исторический срок язычники, пребывавшие на стадии родоплеменного строя, должны были стать веропослушными гражданами идеального феодально-церковного государства. Опыт Альберта наглядно продемонстрировал диалектическую природу социальных взаимоотношений: решая одни проблемы, он создавал новые, еще более сложные. Создав институт, призванный защищать миссионеров в лице рыцарского Ордена, он породил конфликт интересов между братьями-рыцарями и церковной властью. Обратившись к датскому королю за помощью в покорении Эстонии, пытаясь удержать Орден, он вызвал раздел Ливонии между Данией, ливонской Церковью и Орденom. Создав процветающую купеческую колонию во главе с Ригой, он спровоцировал многовековой конфликт между бюргерами, с одной стороны, Церковью, феодальными сеньорами и Орденom, с другой. И так далее.

В итоге, Церковь, которая должна была, руководствуясь христианскими заповедями, осуществлять мудрое правление народом-паствой, разрешая с высоты своей божественной власти все противоречия, оказалась в центре острого социально-политического конфликта, в результате которого в эпоху реформации католические государства в Ливонии потерпели сокрушительное поражение: преобразовались в светские княжества или попали под власть других государств.

Альберт родился около 1165 года. Поскольку в Хронике Генриха брат Альберта упоминается как Иоганн из Аппельдерна, некоторые исследователи утверждают, что и он принадлежал к этому роду. Путаница с фамилией епископа объясняется тем, что его мать была замужем дважды. Всего у нее было шестеро сыновей. Начиная с XV в., Альберта причисляют к роду Буксгевденов ⁴.

Бременский каноник Альберт был посвящен в сан в 1198 г., став третьим по счету епископом ливонским. Его предшественник, епископ Бартольд, пал в бою с ливами. Из Ливонии поступали тревожные сведения о том, что ливы ограбили и прогнали священников, пригрозив убить тех из них, кто осмелится остаться. Хотели ливы убить и немецких купцов, но те спасли жизнь, преподнеся дары их старейшинам ⁵.

В силу указанных обстоятельств Альберт не поспешил в Ливонию, как его героический предшественник, а приступил к созданию организационных и политических условий для поддержки деятельности по распространению слова божьего среди прибалтийских язычников ⁶. Он провел переговоры с датским королем Кнудом VI и германским Филлипом Швабским и добился того, что пилигримы в Ливонии получили те же права, что и участники крестовых походов в Палестину (охрану имущества и отпущение грехов через год несения службы).

Только в 1200 г. Альберт прибыл к ливам с отрядом пилигримов в пятьсот человек, который он набирал в течение года, — больше желающих рисковать своими жизнями ради распространения христианских ценностей не нашлось. В качестве своих ближайших помощников Альберт взял своих братьев и других родственников, полагая, что родственные связи — самый надежный инструмент в управлении

кризисной ситуацией. В течение всей своей деятельности на посту епископа ливонского он назначал своих родственников на ключевые посты. Так, один из братьев, Энгельберт, стал пробстом Рижского конвента, второй — Герман — первым Дерптским епископом, третий — Ротмар — настоятелем монастыря в Дерптском епископстве. Сводный брат Иоганн упоминается Генрихом Латвийским как «весьма славный рыцарь». Свояк Энгельберт из Тизенхузена получил в лен округ с замком в Отепя, став родоначальником могучего ливонского рода Тизенгаузенов.

Предусмотрительность Альберта не полагаться на мирную проповедь, а подкрепить ее силой оружия, спасла ему жизнь. К его прибытию в Ливонию католики удерживали на Западной Двине два укрепления: Гольм и Икшкиле. Уже по пути по Западной Двине от Гольма к Икшкиле на караван Альберта напали ливы. Нападение было отбито, пилигримы, потеряв нескольких человек убитыми, прибыли в Икшкиле. Тогда ливы заключили мир. Полагаясь на него, Альберт вернулся в Гольм. Но уже через три дня ливы нарушили заключенный договор и осадили этот замок. По счастью для пилигримов, в Гольме обнаружили запасы съестных припасов, достаточные для того, чтобы прокормить скопившуюся там массу людей. Осада затянулась. Тем временем в Двину вошел корабль с фризами. Они стали жечь нивы аборигенов. Ливы, испугавшись того, что за этим кораблем следует целый флот, снова предложили заключить мир. Альберт, убедившись в их вероломстве, в ответ потребовал от старейшин заложников. Не полагаясь на то, что ливы выполнят это условие, епископ пригласил их вождей на пир, где их схватили, и не отпускали до тех пор, пока ему не выдали три десятка сыновей знатных аборигенов. Заложников отправили в Германию, а Альберт, «поручив страну господу» отбыл туда же набирать новых пилигримов взамен павших в стычках с ливами. Своего соратника Теодериха он послал в Рим просить Папу, чтобы тот подтвердил грамотой крестовый поход. Но Рим остро нуждался в средствах и людях для продолжения крестовых походов в Святую Землю. В 1184 г. Саладин занял Иерусалим. Организованный для его «освобождения» Третий крестовый поход закончился поражением. Стотысячная армия Фридриха Барбароссы была разгромлена, а сам он утонул во время переправы (1190 г.).

Полным ходом шла подготовка Четвертого крестового похода, поэтому Иннокентий III хоть и вручил Теодериху просимую грамоту, но в своем послании к архиепископу бременскому он предложил «посылать против варваров в Ливонию» тех клириков и мирян, «которые по бедности или слабосилию не могут ехать в Иерусалим»⁷. То есть папа разрешил Альберту набирать в Ливонию безоружных (бедняки не могли приобрести доспехи и оружие) и больных. С таким войском не то, чтобы войну выиграть, а вообще воевать нельзя.

Не находил поддержки Альберт и у светских правителей Германии. Например, в 1207 г. он обратился к наиболее влиятельному на тот момент немецкому властелину — королю Филлипу Швабскому. «...Блаженной памяти король Филипп обещал давать ему каждый год пособие в сто марок, но от обещаний никто богатым не бывает»⁸.

Дарованное папой прощение грехов за год пилигримства в Ливонии, по сути, означало амнистию за совершенные преступления.

Поэтому «принимали крест», прежде всего, люди, опороченные у себя на родине, и преступники. А также авантюристы, потерявшие дома надежду на успех, и рассчитывавшие обогатиться в Ливонии. Даже некоторые епископы, оказавшиеся в Ливонии, имели темное прошлое. Например, Бернард из Липпэ, епископ семигаллов, в молодости «в своей стране был виновником многих битв, пожаров и грабежей», за что и был «наказан богом»⁹.

Альберту непросто было управлять такими «защитниками Церкви». Неповиновение и своеволие среди них было обычным явлением. Генрих однажды удивленно отмечал, что «пилигримы этого года готовы были послушно участвовать в работах по постройке стены и в других, где могли служить богу»¹⁰.

Вопреки утверждениям поколений отечественных историков о немецком «натиске на восток», в реальности наблюдался упорный натиск на запад епископа Альберта. И цель его была — заставить хоть кого-нибудь из немцев сменить сытую и комфортную жизнь на сомнительное удовольствие получить отпущение грехов, пав в бою с воинственными прибалтийскими язычниками. Поэтому Альберт ежегодно отправлялся в Германию и уговаривал, убеждал, заманивал людей последовать за ним и переселиться на обойденных европейской цивилизацией берегах Западной Двины. Год за годом он занимался тем, что «обходил в Тевтонии каждый квартал, улицу и церковь, ища пилигримов»; «жаловался там добрым и богобоязненным людям на убыль своих, ища везде по городам и замкам, кварталам и улицам тех, кто стеной стал бы в защиту дома господня, кто, возложив на себя знак креста, переплыл бы море и отправился в Ливонию на утешение немногим, там оставшимся»¹¹.

Но результаты этой деятельности были настолько скромны, что хронист радостно сообщает о каждом вновь прибывшем поселенце: «в это время присоединились к епископу благородный Даниил и Конрад из Мейендорфа» (1201 г.), а «на пятый год своего епископства, возвращаясь из Тевтонии, епископ взял с собой благородных Арнольда из Мейендорфа, Бернарда из Зеэгаузена, брата своего Теодериха, а также многих других почтенных людей и рыцарей» (1203 г.). «В то же время, в утешение своей Церкви бог послал на Двину много монашествующих: Флоренция, аббата цистерцианского Ордена, Роберта, каноника кельнской Церкви, Конрада бременского и некоторых других» (1208 г.). «И, услышав обо всех бедах, причиненных русскими и эстами ливонской Церкви, граф Альберт из Левенборха принял крест в отпущение грехов и отправился в Ливонию с рыцарями своими, а также людьми предприимчивыми и благородными. Прибыли с ним и аббат Бернард из Динамюндэ и пилигримы, правда немногочисленные» (1217 г.)¹².

Складывается впечатление, что если бы не многочисленные братья и прочие родственники, то и проповедовать христианские заповеди Альберту было бы просто не с кем. Не говоря уже о том, чтобы обороняться от непрестанных набегов воинственных соседей: ливов, леттов, эстов, литовцев и русских, особенно учитывая тот факт, что задержаться в Ливонии больше, чем на год, достаточный для отпущения грехов, желающих среди пилигримов, привлеченных Альбертом, не находилось.

К тому же Альберт на опыте своих предшественников убедился, что силами одних пилигримов ливонскую Церковь не отстоять. Стоило только крестоносцам сесть на корабли, как аборигены отказывались от крещения и начинали мстить оставшимся без защиты миссионерам.

Нужно было действовать не временными натисками, а создать сильную немецкую колонию, которая могла бы стать надежной защитой католической Церкви в этих местах. С этой целью Альберт, вернувшись из Германии (1200 г.) в устье Западной Двины «на обширном поле» силами вновь набранных пилигримов, о которых Генрих пишет так: «каких сумел собрать», начал строить город. Место для него было указано ливами еще перед поездкой Альберта в Германию. Город назвали Ригой, «либо по озеру Рига, либо по обилию орошения, так как место омывается и свыше и внизу. Внизу — в том смысле, что там много воды и орошенных пастбищ или что там дается грешникам полное отпущение грехов, а тем самым, следовательно, омываются они и свыше, удастаясь царства небесного; или Рига значит орошенная новой верой, откуда окрестные народы орошаются святой водой крещения»¹³.

Для того, чтобы обеспечить городу условия для быстрого роста, Альберт добился, чтобы все купцы вели торговлю только в рижской гавани, и запретил купеческим кораблям спускаться вниз по Двине. Немецкие купцы это решение поддержали. Когда два года спустя команда одного корабля попыталась нарушить данный запрет, за ним была организована погоня. Капитана и лоцмана судна-нарушителя схватили и предали «жестокой смерти»¹⁴. За счет введения монополии на торговлю Рига стала стремительно развиваться.

Но первые горожане появились в Риге только через два года после ее основания. Слишком трудно было набрать желающих жить в городе, из которого нельзя было выйти, в страхе быть убитым враждебными аборигенами. Пилигримы могли обеспечить защиту только на год, поэтому нужна была постоянная военная сила, находящаяся в подчинении епископа. Альберт попытался привлечь к себе на службу рыцарей, раздавая им ленные владения, чтобы они строили на них замки. Во время своей первой поездки в Германию (1200 г.) ему удалось уговорить двух немецких феодалов — «благородных» Даниила и Конрада присоединиться к нему. Они стали его первыми феодальными вассалами.

Но это не решало проблемы. Заставить рыцаря служить было сложнее, чем пилигримов. Кроме того, те феодалы, которые имели средства для постройки замка, не спешили в Ливонию. Добывать воинскую славу они предпочитали в Палестине. Именно там находился весь цвет европейского рыцарства.

Альберт нашел другое решение проблемы безопасности — создать рыцарско-монашеский Орден — военный институт, который хорошо зарекомендовал себя в Палестине. В 1202 г., «предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения Церкви среди неверных» им было основано «некое братство рыцарей христовых»¹⁵. Новому Ордену папа дал устав Тамплиеров. Эмблемой Ордена стал красный тамплиерский крест и меч. За эту эмблему Орден и

вошел в историю под названием Орден рыцарей Меча (Меченосцев). Возможно, Альберт взял за основу устав Тамплиеров и его символику, надеясь на то, что этот могущественный Орден примет участие в судьбе своего прибалтийского клона.

Восемь лет инициатива Альберта по учреждению Ордена не находила поддержки в Риме и была официально оформлена папой Иннокентием III только в 1210 году.

Впрочем, будет неправильным утверждать, что в деле распространения христианства Альберт отдавал предпочтение военной силе, а не мирной проповеди. Надо отдать ему должное, он прибегал ко всем возможным мерам убеждения,

которые в будущем будут применяться в подобных цивилизаторских миссиях: от раздачи подарков до организации ознакомительных поездок вождей аборигенов в центры цивилизации. Последнее было дорогим, но зато весьма действенным методом убеждения. Так, ливский старейшина Каупо после посещения Рима, где удостоился аудиенции понтифика (1203 г.), «стал преданнейшим человеком»¹⁶, причем настолько, что вынужден был бежать от своих соплеменников и скрываться в Риге. В дальнейшем Каупо был верным союзником Ливонии. Например, в 1210 г. он со своей дружиной участвовал в обороне Риги от нападения куршей, а затем принял самое активное участие в покорении эстов, где в одном из сражений и получил смертельную рану (1217 г.).

Одним из примененных Альбертом новшеств стало использование силы театрального искусства в наглядной агитации за библейские ценности. В 1205 г. в Риге «было прекраснейшее представление о пророках для того, чтобы язычники учились начаткам христианской веры»¹⁷. Переводчик тщательно передавал присутствовавшим новообращенным и язычникам содержание представления. Правда, не обошлось без курьеза — во время батальной сцены, изображающей битву воинов Гедиона с филистимлянами, зрители, испугавшись, того, что их собираются убить, разбежались.

Альберт понимал, что главной угрозой немецкой колонии на Двине были не разрозненные племена аборигенов, а получающее с них дань Полоцкое княжество. Если бы ему удалось договориться с полоцким князем Владимиром, то с враждебными прибалтийскими племенами немецкие колонисты смогли бы справиться. Во-первых, балтийские племена враждовали и охотно прибегали к помощи католиков для сведения счетов друг с другом. Во-вторых, построенные

немцами замки были достаточно надежным убежищем от их нападений. В-третьих, несмотря на то, что католиков было в десятки раз меньше, чем их врагов, немцы абсолютно превосходили противника по организации и вооружению. У прибалтийских племен (за исключением литовцев) не было конницы, а пешие воины были бессильны против защищенных металлических доспехами всадников. Арбалеты и метательные орудия позволяли немцам расстреливать противника с безопасного расстояния.

Миротворческую активность Риги подстегнули слухи о том, что ливы договариваются с русскими о совместных действиях. В начале 1206 г. «желая снискать дружбу и расположение Владимира, какие тот проявлял к его предшественнику, епископу Мейнарду», Альберт послал в Полоцк посла с подарками¹⁸. Эта ответственная миссия была возложена на опытного переговорщика — Теодериха. Этому пастору сопутствовала фантастическая удача. Он уже избежал смерти от рук ливов, которые решили принести его в жертву в связи с неурожаем. Воля богов о жертвоприношении определялась по тому, с какой ноги конь переступит лежащее перед ним копьё. Конь дважды переступил его с «ноги жизни». И в этот раз удача не изменила Теодериху. По пути в Полоцк на него напали литовцы. Но не убили, а только ограбили: отобрали предназначенные в подарок Владимиру боевого коня, и оружие, и все, что было у посланника и его спутников.

Но на этом злоключения Теодериха не закончились. В Полоцке он застал ливонских послов, «которые, стараясь склонить короля к изгнанию тевтонов из Ливонии, в лстивых и лживых словах сообщали ему все, что только могли коварно придумать или сказать против епископа и его людей. Они утверждали, что епископ с его сторонниками — для них великая тягость, а бремя веры нестерпимо»¹⁹. Полоцкий князь уже дал приказание готовиться к походу на Ригу, но не хотел, чтобы его намерения стали известны Теодериху. Однако, тому удалось подкупить одного из княжеских советников, и он открыл ему планы Владимира. Альберт, собиравшийся отплыть в Германию с отбывшими свой срок пилигримами за новой партией защитников веры, получив известие о том, что ливы с русскими готовят совместный поход на Ригу, отложил свой отъезд. Ему удалось убедить остаться и многих из пилигримов, собиравшихся отплыть за море.

В свою очередь, полоцкий князь, узнав о том, что Рига предупреждена о предстоящем нападении, решил прибегнуть к хитрости: он отправил послов, которые должны были собрать конфликтующие стороны и решить, кто прав в споре между немцами и ливами. Генрих в своей хронике утверждает, что под этим предлогом ливы и русские задумали выманить епископа и его людей за стены укреплений и напасть на них. Он писал о том, что одновременно с посольством в Ригу другие посланники полоцкого князя, «рассыпавшись во все стороны по области, стали звать ливов и лэттов явиться при оружии», подкрепляя свои просьбы подарками²⁰.

Альберт, посоветовавшись со своим окружением, отказался выйти на встречу с полоцким князем, ответив, что во всех странах существует обычай, по которому послы приходят на встречу к государю, а не он к ним. «Поэтому и послам и их гонцам надлежит искать нас в

нашем городе, где мы со своими могли бы и принять и содержать их с большим почетом»²¹.

Тем временем, к назначенному полоцким князем дню собрались вооруженные ливы. К ним на помощь подошли и литовцы. Ливы захватили замок Гольм, схватили своего священника Иоанна, отрубили ему голову, а тело изрезали на куски. Альберт, получив известие об этой трагедии, собрал горожан, пилигримов и братьев-рыцарей на совет о том, что предпринять против ливов. «Все решили, что лучше, воззвав к помощи всемогущего бога и поручив ему вновь учрежденную Церковь, вступить в бой с ливами в Гольме и лучше всем умереть за веру христову, чем по одиночке что ни день гибнуть в мучениях»²². Самые отважные немцы вместе с теми ливами, которые не поддержали своих соплеменников, погрузились на два корабля и выступили к Гольму. Мятежные ливы, завидев их, бросились на берег, чтобы помешать высадке. Католиков было всего сто пятьдесят человек, но, несмотря на численное превосходство врагов, они вступили в бой, который начался прямо в воде. Храбро сражаясь, христиане сумели овладеть берегом. Ливы, не защищенные броней, несли большие потери от стрел. Ряды их сбились, и после того, как был убит их вождь Ако, началось паническое отступление.

В Риге «со страхом божьим и молитвой», поскольку оборонительные сооружения города еще не были закончены, ждали вестей из-под Гольма. Тут появилось суденышко, на котором доставили раненных и голову Ако в знак победы. «Радуюсь со всеми, кто оставался дома, епископ возблагодарил бога, даровавшего Церкви своей спасение силами немногих защитников»²³.

После этих событий Альберт отправился в Германию вместе с отбывающими домой пилигримами, чтобы набрать новых. А в это время ливы, «упорствуя в коварстве», позвали на помощь полоцкого князя, сообщив ему, что в Риге осталось немного людей, а остальные уехали с епископом. «Слушаясь их зова и советов, король собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей, своих друзей, и с великой храбростью спустился вниз по Двине на корабле». Союзники осадили замок Гольм. Немцы, которых в замке было всего двадцать, «боясь предательства со стороны ливов, которых много было с ними в замке, днем и ночью оставались на валах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри и от врагов извне». Генрих констатирует, что в данной ситуации «если бы продолжились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма, при своей малочисленности, могли бы защититься». Но, рижанам сопутствовало везение, потому что их противник проявил нерешительность. Разведчики донесли Владимиру, что «все поля и дороги вокруг Риги полны мелкими железными трехзубыми гвоздями; они показали королю несколько этих гвоздей и говорили, что такими шипами тяжело исколоты повсюду и ноги их коней и собственные их бока и спины. Испугавшись этого, король (полоцкий князь) не пошел на Ригу». А тут еще в море появились корабли. Опасаясь, что это идет подмога немцам, полоцкий князь снял осаду с Гольма, который безуспешно осаждал одиннадцать дней, и возвратился в свои владения. Рижане «радовались, благословляя бога за то, что он неизменно сохраняет Церковь свою среди язычников при столь малом числе защитников»²⁴.

После того, как дружина полоцкого князя покинула своих союзников, ливы отправили послов в Ригу просить о мире. В мире было отказано, «так как, не умея быть сынами мира, они всегда только нарушали его». Но ливы настоятельно просили пощады, «обещая принять священников и во всем им повиноваться»²⁵.

В первые годы существования Ливонии вопрос ее выживания целиком зависел от успешности деятельности Альберта по найму новых пилигримов. Насколько непрочным было положение Ливонии свидетельствуют события 1207 года. Кукенойский князь Вячко, которому Альберт послал двадцать человек рыцарей и каменщиков для оказания помощи по укреплению его замка, решил воспользоваться очередным отбытием епископа в Германию для уничтожения Риги. Его люди вероломно напали на немцев, которые безоружные работали на стройке, убив семнадцать человек. Захваченных коней, оружие и доспехи, отправили полоцкому князю, предложив ему собрать войско и как можно скорее выступить на Ригу, где осталось мало народу: лучших убил Вячко, а прочие ушли с епископом.

Но, по счастью для рижан, епископ не успел уплыть далеко из-за неблагоприятного ветра. Узнав о гибели своих людей, Альберт собрал всех пилигримов и «со слезами» рассказал им о трагедии в Кукенойсе и угрозе, нависшей над Ригой. Епископ уговаривал их остаться, «обещая за большие труды их долгого пилигримства большее отпущение грехов и вечную жизнь». Альберту удалось убедить вернуться в Ригу триста человек, готовых «стать стеной за дом господень»²⁶. Других наняли за плату. В Ригу собрали и союзных ливов.

Узнав о том, что епископ с большим числом немцев вернулся в Ригу, Вячко, так и не дождавшись подмоги из Полоцка, поджег Кукенойс и вместе со своими людьми ушел на Русь, «чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство»²⁷.

В 1209 г., в очередной раз вернувшись из Германии с новым отрядом пилигримов, Альберт, «неизменно озабоченный развитием и защитой ливонской Церкви», собрал совет, на котором решали «каким образом избавить молодую Церковь от козней литовцев и русских». На этом совете постановили, что главная угроза Ливонии исходит от князя Всеволода из Герцике, который был женат на дочке одного из наиболее могущественных литовских князей. Всеволода обвиняли в том, что он был для литовцев своим и «часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию». Постоянные набеги литовцев держали в страхе все соседние народы. По словам хроники, в лице Альберта они «получили избавление от пасти волчьей» в лице союзника литовцев Всеволода²⁸.

Ливонское войско выступило к Герцике. Увидев приближающихся к городу врагов, Всеволод вывел своих людей им навстречу. Не выдержав удара ливонцев, русские обратились в бегство. Преследуя отступающих, ливонцы «ворвались за ними в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством; женщин и детей, взяв город, пощадили и многих взяли в плен»²⁹. Всеволоду удалось переправиться в лодке через Двину. Но его жена была захвачена. Разграбив город, ливонцы сожгли его и ушли вместе с пленными.

Всеволоду, если только он хочет заключить мир и получить плен-ных обратно, предложили прийти в Ригу. «Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных»³⁰.

Условия мира были предложены следующие: избегать общения с язычниками; не воевать против Ливонии; не нападать вместе с литовцами на русских и принести Герцике в дар Ливонской Церкви. Если Всеволод на них согласен, то ему вернут его удел, отпустят всех пленных, и будут оказывать помощь.

Всеволод эти условия принял, «признал епископа отцом» и пообещал, что «впредь будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев»³¹. Ему вернули жену и всех пленных, после чего он вернулся на пепелище, собрал разбежавшихся людей и отстроил поселение заново.

Описывая события 1210 г., хронист констатирует, что «ливонская Церковь в то время, находясь посреди множества языческих племен, в соседстве русских, терпела немало бедствий, так как те все имели одно стремление — уничтожить ее»³².

В 1212 г. вновь обострились отношения Ливонии с Полоцком. Полоцкий князь послал епископу Альберту приглашение «прибыть для свидания с ним у Герцике, чтобы дать ответ о ливах, бывших данниках короля; чтобы тут же совместно договориться о безопасном плавании купцов по Двине и, возобновив мир, тем легче противостоять литовцам»³³.

В этот раз Альберт вышел на переговоры из-за стен Риги: у него уже было достаточно сил для того, чтобы сразиться с врагом в чистом поле. Епископа сопровождали рыцари Ордена Меченосцев, старейшины ливов и лэттов, а также изгнанный из Пскова и с почетом принятый в Риге князь Владимир со своей дружиной³⁴. С посольством на своих кораблях шли вооружившиеся немецкие купцы.

Генрих сообщает, что в ходе начавшихся переговоров полоцкий князь пытался «угрозами и лаской» заставить Альберта отказаться от крещения ливов, утверждая, что в «его (Владимира. — А.Н.) власти либо крестить рабов его ливов, либо оставить некрещеными». «Ибо русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег» — прокомментировал это требование полоцкого князя Генрих. На что епископ ответил в том смысле, что бог повелел больше повиноваться царю небесному, чем земному. Что касается дани, то, по словам Альберта, ливы «не желая служить двум господам, то есть русским и тевтонам, постоянно уговаривали епископа вовсе освободить их от ига русских»³⁵.

Н.М. Карамзин так описывает этот диалог: «Князь Полоцкий говорил Альберту, чтобы он не тревожил язычников и не принуждал их креститься; что Немцы должны следовать примеру Россиян, которые довольствуются подданством народов, оставляя им на волю верить Спасителю или не верить. “Нет! — отвечивал с жаром Епископ: — совесть обязывает меня крестить идолопоклонников: так угодно Богу и папе!”»

Владимир, «не удовлетворенный этими справедливыми доводами, вышел из себя и, угрожая предать огню все замки Ливонии и

саму Ригу», выстроил на поле свое войско и двинулся, «будто начинающая войну» на ливонцев³⁶. Те, полные решимости сразиться вместе с купцами и псковской дружиной, вышли ему навстречу.

Когда противники сошлись, чтобы начать схватку, вперед выехал псковский князь и еще несколько переговорщиков от немцев. Они стали убеждать полоцкого князя «не тревожить войной молодую Церковь, чтобы и его не тревожили тевтоны, все люди сильные в своем вооружении и полные желаний сразиться с русскими. Смущенный их храбростью, король велел своему войску отойти, а сам прошел к епископу и говорил с ним почтительно, называя отцом духовным; точно так же и сам он принят был епископом, как сын»³⁷.

После недостижней цели демонстрации силы Владимир был вынужден возобновить переговоры. Трезво оценив свои силы и шансы на военную победу, он вынужден был пойти на уступки. По словам Генриха, «по божьему внушению», полоцкий князь отказался от дани с ливов и «предоставил господину епископу всю Ливонию безданно, чтобы укрепился между ними вечный мир, как против литовцев, так и против других язычников, а купцам был всегда открыт свободный путь по Двине»³⁸.

Вызывает удивление, почему полоцкий князь выступил таким поборником свободы совести язычников? Возможно, он решил воспользоваться жалобами аборигенов для того, чтобы доказать, что является единственным сувереном над всей Ливонией. Возможно, его инспирировали представители православного духовенства, увидавшие в миссионерской деятельности католиков угрозу своим интересам.

Несмотря на то, что Орден внес вклад в разрешении конфликта с Полоцком, к этому времени, стало ясно, что его учреждение было ошибкой. Братья-рыцари не только действовали как самостоятельная сила, неподвластная Риге, но и стали ее конкурентом: они вознамерились создавать свое государство на землях эстов, на которые претендовала и ливонская Церковь. В чем причина возникновения конфликта Ордена и ливонской Церкви? Вот что пишет об этом Соловьёв: «Мы видим, что главным деятелем при утверждении немецкого владычества в Ливонии был епископ рижский, по старанию которого был учрежден рыцарский Орден, необходимо становившийся в служебное отношение к рижской Церкви. Но мир не мог долго сохраниться между двумя учреждениями, из которых у одного были материальные средства, право силы, меча, у другого же — одни права исторические и духовные; первое не могло долго подчиняться последнему; но епископы также не хотели уступить магистрам Ордена своего первенствующего положения, и следствием этого была усобица»³⁹.

Притеснения со стороны Ордена вызывали недовольство подвластных ему племен, которые переносили свою вражду на всех христиан вообще. Первый такой конфликт, описанный в хронике, относится к 1212 г., когда ливы обратились к Альберту с жалобой на Орден: «И пришли в Ригу послы ливов и принесли много жалоб на Родольфа, магистра братьев-рыцарей, рассказывая об отнятых им у них полях, лугах и деньгах». Оправленное к ливам посольство с братом епископа Теодерихом не смогло уладить конфликт. Более того, ливы схватили Теодериха и многих других рыцарей и клириков, участвовавших в переговорах. «Епископ Альберт, желая отделить куколь от пшени-

цы и вырвать с корнем зло, возникшее в стране, прежде чем оно размножится, созвал пилигримов с магистром рыцарства и его братьями, рижан и ливов, еще оставшихся верными». В ходе последовавшей осады замка восставших ливонцы одержали победу. Ливы просили пощадить их и «сжалившись над ними, епископ велел войску не вступать в замок и не убивать просящих пощады, чтобы не предавать гиенне много душ. И послушно повиновалось войско и прекратило бой, полное почтения пред епископом, и пощадило неверных, чтобы стали они верными»⁴⁰.

Вообще созданный Альбертом Орден Меченосцев предсказуемо оказался прибежищем отбросов рыцарского сословия: цвет феодальной знати собрался под более престижными знаменами. Об этом ярко свидетельствует обличительная речь одного из командоров Тевтонского Ордена, который изучал предложение Меченосцев об объединении орденов, которое последний сделал, стремясь избавиться от вассальной зависимости ливонской Церкви. Этот командор охарактеризовал Меченосцев «как людей упрямых, крамольных, не любящих подчиняться правилам своего Ордена, ищущих личной корысти, а не общего блага»⁴¹.

Подчинение Ордена Меченосцев рижскому епископу с самого начала было весьма условным. Не прошло и нескольких лет со дня основания Ордена, как рыцари попытались выйти из-под власти Риги. Меченосцы обратились к Иннокентию III с жалобой на Альберта, «обвиняя епископа в нарушении утвержденного Папой договора, в притеснении рыцарей и населения; добываясь полной независимости от Альберта и нераздельного господства над Эстонией»⁴². Влияние односторонней информации привело к тому, что отношения Альберта с римской курией испортились. Это нашло отражение в пяти папских актах в поддержку Ордена (1213 г.). В одной из булл Иннокентий III даже пригрозил Альберту отлучением от Церкви в случае, если жалобы Ордена не будут удовлетворены. Все это вынудило Альберта оставить Ливонию (1214 г.) и отправиться на переговоры с императором и папой для улаживания конфликта с Орденом.

Пилигримы, отбыв годовой срок, необходимый для прощения грехов, спешили вернуться на Родину. Германский император не присылал в Ливонию войск. Не проявляли заинтересованности в поддержке епископа Альберта немецкие княжества и города. Кто же защитит ливонскую Церковь от ее внутренних и внешних врагов? Что мог Альберт противопоставить Ордену Меченосцев, открыто выступившему против ливонской Церкви, и получившему поддержку в Германии и Риме? Только силу, которая завоюет Эстонию и передаст ее ливонской Церкви. И такая сила в Европе была — Датское королевство.

В 1218 г. епископ Альберт лично прибыл к королю датскому Вальдемару II и «убедительно просил его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы смирить эстов и заставить их прекратить нападения совместно с русскими на ливонскую Церковь»⁴³.

Вальдемар II охотно согласился помочь Риге в богоугодном деле крещения язычников эстов. Альберт надеялся, что он вмешался в Ливонские дела исключительно бескорыстно и только «ради славы пресвятой девы и отпущения грехов». А оказалось, что датский ко-

роль считал, что завоеванные им земли принадлежат ему, а не ливонской Церкви. Он оказался, таким образом, партнером еще худшим, чем братья-рыцари, которые хотя бы формально, но находились во власти рижского епископа.

В 1219 г. датское войско под предводительством короля высадилось в «Ревельской области». По датским источникам к берегам Ливонии прибыл флот, насчитывавший полторы тысячи судов. Ливонская хроника, в отличие от датских сказаний, сообщает, что войско датчан было небольшим. Вместе с датчанами в походе участвовали их вассалы: поморские славяне во главе с князем Вицлавом I.

Эсты собрали большое войско и приготовились напасть на врага, но, чтобы ввести датчан в заблуждение, послали к Вальдемару старейшин с предложением о мире. Обрадованные такому повороту событий датчане крестили их и отпустили с дарами. Через три дня, под вечер, когда датское войско, не ожидая нападения, безмятежно предавалось послеобеденному отдыху, на него со всех сторон обрушились эсты. Датчане, ошарашенные внезапным нападением многочисленных врагов, в панике бежали. Славы, стоявшие в стороне от королевского лагеря, в отличие от своих союзников панике не поддались и успешно отразили нападение. «Когда другие эсты, гнавшиеся за датчанами, увидели бегство тех, что бились со славами, они остановились и сами, прекратив преследование датчан. И собрались тут все датчане вместе с королем и некоторые бывшие с ними тевтоны и, обратившись на эстов, храбро сразились с ними. И побежали эсты перед ними, а когда вся их масса обратилась в бегство, датчане с тевтонами и славами стали преследовать их и перебили при своей малочисленности более тысячи человек, а прочие бежали»⁴⁴.

По легенде, которая существует в нескольких вариантах, в решающий момент битвы, когда уже казалось, что датчане будут разгромлены, с небес упало красное полотнище с белым крестом, которое с тех пор является национальным флагом Дании. На самом деле, знамя с белым крестом на красном поле послал Вальдемар II, специально для этого похода, Римский папа.

Одержав победу, датчане основали на месте городища эстов крепость Ревель. Но вместо того, чтобы оставить земли покоренных эстов ливонской Церкви, король Дании объявил, что теперь вся Эстония принадлежит ему. В том же году Вальдемар II покинул Ливонию, оставив в крепости многочисленный гарнизон во главе с архиепископом лундским Андреасом, который был назначен им наместником в Эстонии. Так, благодаря инициативе Альберта, Дания захватила часть Эстонии. Вальдемар II получил почетное прозвище «Победоносный», а датчане — национальный флаг. Эти события стали одной из реперных точек исторической памяти и национальной идентичности датчан.

Датчанам в Эстонии угрожала война на три фронта — с эстами, Меченосцами и Ригой. Вальдемар Победоносный поспешил заключить сепаратный договор с Орденом Меченосцев, по которому признавалось право Ордена на часть Эстонии. По сути, это был раздел Эстонии между Орденом и Данией. Смириться с этим Рига не могла, но и сил изменить ситуацию у нее не было. Единственная надежда была на вмешательство Рима. Альберт собрался лично встретиться с

папой. Чтобы сорвать его поездку в Рим, Дания организовала морскую блокаду Ливонии. Но Альберту, несмотря на усилия датского короля, удалось тайно переправиться в Германию, а затем в Рим (1220 г.). Однако он опоздал. При дворе папы уже успели побывать послы Вальдемара II. Им удалось добиться расположения понтифика и убедить его поддержать раздел Ливонии между Данией и Орденом. «Верховный первосвященник сочувственно и отечески выслушал его (епископа Альберта. — *А.Н.*) просьбы, но король датский, действуя против него, отправил и своих послов, которые немало повредили делам ливонской Церкви при дворе римском, а для себя добились значительных успехов»⁴⁵. Миссия епископа провалилась. Рим не поддержал его обвинения против Вальдемара II. Датчане признали за Ригой только духовные права, а экономическую и политическую власть в Эстонии оставили за собой.

Не получив поддержки у папы, Альберт обратился к его врагу — императору Фридриху II: «И отправился епископ ливонский к императору Фридриху, недавно возведенному в императорский сан, ища у него совета и помощи против упорной враждебности, как датского короля, так и русских и других язычников, ибо Ливония со всеми покоренными областями всегда с почтением относилась к империи». Но император тоже уклонился от помощи епископу Альберту. Вместо этого он посоветовал ему помириться с датчанами (а также русскими) и впредь жить с ними дружно: «Однако император, занятый разными высокими имперскими делами, уделил епископу немного благожелательного внимания: уже до того он обещал посетить святую землю иерусалимскую и, озабоченный этим, уклонился от помощи епископу, а лишь убеждал его и уговаривал держаться мира и дружбы с датчанами и русскими, пока над молодым насаждением не вырастет впоследствии крепкое здание. Не получив никакого утешения ни от верховного первосвященника, ни от императора, епископ вернулся в Тевтонию»⁴⁶.

Итак, Альберт не нашел поддержки у сильных мира сего. А датский король, чтобы сделать епископа более сговорчивым, запретил жителям Любека давать корабли для пилигримов в Ливонию, пока Рига не заключит с ним соглашение о судьбе Эстонии. Эти действия Дании ставили под угрозу само существование Ливонии. В таких условиях Альберту ничего не оставалось, как смириться и принять условия Вальдемра II, согласившись на то, чтобы король Дании властвовал не только над Эстонией, но и над всей Ливонией. Но с оговоркой: они перейдут под его власть только «на том условии, что прелаты его монастырей, его люди и все рижане с ливами и лэттами дадут согласие на это»⁴⁷. Это условие Альберта, по существу, было дипломатической формой отказа на притязания Датской короны, потому что такое согласие было получить невозможно.

Таким образом, вопреки пожеланиям императора Фридриха II жить дружно с датчанами, ситуация в Ливонии оказалась на грани войны. Рига ни при каких условиях не соглашалась на то, чтобы признать суверенитет Дании даже над частью Ливонии. В борьбе с Данией ливонская Церковь опиралась на немецкое купечество. В 1221 г. датчане схватили рижских купцов, «говоря, что это земля короля, связали и увели с собой в Ревель». Альберт просил датчан

отпустить пленников. Датчане отказались. «Тогда сообщено было датчанам, что рижане идут с войском, и тотчас все были отпущены»⁴⁸.

В 1222 г. в Эстонии началось восстание против немцев и датчан. Эсты призвали на помощь новгородцев и псковичей. Один из русских гарнизонов во главе с бывшим князем кукенойским Вячко занял Дерпт. «Был двадцать шестой год посвящения епископа Альберта, а Церковь все еще не знала тишины от войн. Ибо король Вячко с жителями Дорпата тревожил всю область вокруг, а лэтты и ливы, не раз ходившие в небольшом числе на них, не в силах были причинить им вред»⁴⁹.

Меченосцы тоже пытались взять замок, но потерпели неудачу. Тогда епископ Альберт отправил в Дерпт послов, пытаясь убедить Вячко в том, что он, как христианин, не должен помогать отступникам от истинной веры и обязан «отступиться от тех мятежников». Полагаясь на обещанную помощь «русских королей», Вячко послал епископа отказать. Объясняя причину неудачи переговоров, Генрих вновь повторил свою мысль о том, что русские стремились «покорять страны не для возрождения к вере христовой, а ради податей и добычи»⁵⁰.

Тогда Альберт объявил общий сбор, призвав Орден, купцов, пилигримов, рижских бюргеров, ливов и лэттов, и возглавил поход на Дерпт. Город был осажден. Епископ еще раз послал послов к Вячко, предлагая «свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел из замка и оставил этот народ отступников». Вячко, видимо надеясь на помощь из Новгорода, отказался покинуть Дерпт. В ходе ожесточенного многодневного штурма, не прекращавшегося ни днем ни ночью, Дерпт был взят ливонцами. Вячко и вся его дружина, кроме одного «вассала великого короля суздальского», которого отправили сообщить о падении города в Новгород, были убиты. Новгород осажденным помощи не оказал. Генрих объясняет это тем, что к тому времени как русское войско готово было выступить, Дерпт уже пал: «Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город»⁵¹.

Результатом взятия Дерпта стало установление, впервые за четверть века, внутреннего мира в Ливонии и заключение мирных договоров с соседями (1225 г.). По словам Генриха, «страх перед рижанами и тевтонами охватил все соседние области и все окружающие народы. И отправили все они послов с дарами в Ригу — и русские, и эсты поморские, и эзельцы, и семигаллы, и куры и даже литовцы, прося мира и союза из страха, как бы и с ними не поступили так же, как в Дорпате. И приняли рижане их предложения и дали мир всем, кто просил, и стало тихо в стране пред лицом их»⁵².

В течение всего лишь четверти века усилиями Альберта в Прибалтике удалось заложить прочные основы европейской цивилизации. В связи с этим возникает закономерный вопрос, почему цивилизаторская миссия не была исполнена ближайшими соседями прибалтийских язычников? Как это не странно, русские не пытались колонизировать эти земли путем распространения православия, строительства городов (за исключением Юрьева) и вовлечения аборигенов в орбиту своего культурного влияния. Хотя для этого у наших

предков были все условия. Крупнейшие города Древней Руси — Новгород, Псков и Полоцк — в силу своего географического положения представляли собой прекрасные плацдармы для миссионерской деятельности среди местного населения. Почему же русская православная церковь не предпринимала никаких усилий для распространения христианства? И почему с этой задачей в исторически короткий срок успешно справились католические миссионеры, которые вступили в контакт с местными жителями на два столетия позже?

Среди тех, кто пытается оправдать бездеятельность русской православной церкви в Прибалтике был Алексей II. По его мнению: «Мирная проповедь Слова Божия предполагала благочестивый пример и терпение, а плохое знание местных наречий, отсутствие грамотных людей и веками укоренившиеся среди местных жителей языческие представления делали распространение христианства подвигом трудным, требующим усилий нескольких поколений подвижников»⁵³. Выходит, что католики добились успеха исключительно насилием, а православная церковь к силе прибегать не хотела, а на мирную проповедь у нее не хватило времени, подвижников и грамотных людей. Ну и конечно, виновата традиционная русская проблема: незнание иностранных языков. На самом деле, как свидетельствует история русской церкви, обращение язычников в православие далеко не всегда осуществлялось путем «мирной проповеди Слова Божия». Тот же Новгород крестили «огнем и мечем». И если Альберт решил задачу крещения Прибалтики за двадцать пять лет, то два столетия — более чем достаточный срок для того, чтобы «несколько поколений подвижников» сумели добиться распространения христианства даже среди таких упорных язычников, какими, по мнению Алексея, были «местные жители». Что касается незнания местных наречий, то неужели католические миссионеры, прибывшие в эти края издалека, знали местные языки лучше, чем не одно столетие проживавшие по соседству с аборигенами русские? Не говоря уже о том, что Новгород и Псков возникли на землях финно-угоров, и многие местные народы (вожане, ижора, корелы, эсты, ливы, летты) были данниками Новгорода, Пскова, Полоцка. Выходит, что незнание языков совсем не препятствовало сбору дани, но, почему-то было преградой для христианской проповеди.

Сравнивая миссионерский потенциал православия и католичества, Арнольд Тойнби пришел к выводу что «успех католичества в Прибалтике, реальный успех западного христианства в области миссионерской деятельности, намного превзошедший успехи православия, кажется более чем парадоксальным»⁵⁴. С точки зрения Тойнби, православие не стремилось к расширению своих границ за счет европейских варваров, а к миссионерской деятельности своих конкурентов относилось с полнейшим равнодушием. Притом, что по сравнению с католиками у него был намного больший потенциал, чтобы успешно проповедовать христианство. Ведь православные вели службу на родном языке, а католики — на непонятной подавляющему большинству населения латыни. Либерализм православной церкви на фоне этой латинской тирании удивителен — она не предприняла ни одной попытки придать греческому языку статус монополии в церковной службе. Такая политика, допускавшая ведение службы на местных языках, давала православию неоспоримое преимущество перед

католиками в миссионерской деятельности. Так почему же этот потенциал не был реализован?

В чем причина такой «парадоксальной» пассивности православной церкви? По мнению Тойнби, этот парадокс легко разрешить, если предположить, что, с точки зрения язычников, у православия был существенный недостаток, перекрывающий преимущества использования родного языка в церковной службе. Этот недостаток заключался в том, что принятие православия приводило к утрате политической самостоятельности, а принятие церковной юрисдикции Рима не вело к политической зависимости. Но предположение Тойнби, на наш взгляд, ошибочно. Проблема не в этом. Православная церковь, в отличие от католической, признает первенство власти светской над властью духовной. Поэтому, например, Киевская Русь, приняв православие, не потеряла политической независимости. Хотя глава русской православной церкви был прислан из Константинополя, он находился в зависимости от киевского князя. Скорее всего, именно подчиненное положение православной церкви по отношению к княжеской власти и послужило одной из главных причин того, что Владимир Красно Солнышко сделал свой выбор в пользу православия, а не католичества.

На самом деле русская православная церковь не вела миссионерской деятельности по причинам сугубо прагматическим: крестить прибалтийских язычников было попросту невыгодно. Дело в том, что продажа рабов на Восток была одним из самых прибыльных видов деятельности. Охотится за живым товаром в дикой степи, как наглядно свидетельствует история неудачного похода князя Игоря, — предприятие в высшей степени рискованное. А вот жившие на границах Руси небольшими оседлыми общинами племена язычников, в отличие от степных кочевников, представляли собой оптимальную цель для таких набегов. Поэтому новгородцам и псковичам, которые, благодаря своему соседству с прибалтами, сделали работорговлю одним из основных источников своего дохода, незачем было распространять среди них христианство: церковь не одобрила бы продажу христиан в рабство. Зато от работорговли росло благосостояние паствы, а значит и богатство церкви. Зачем же подрывать источник собственного процветания?

Епископ Альберт скончался в Риге в январе 1229 г. и был погребен в им же основанном Домском соборе. Перед смертью он успел принять участие в заключение торгового договора (1228 г.), который заложил основы будущего ганзейского союза. Согласно этому договору, между Ригой, Готландом и «всеми Немцами, ходящими по Восточному морю», с одной стороны, Смоленском и Полоцком — с другой, Двина признавалась свободной для судоходства от истока до устья. Среди подписавших этот договор были представители Любека, Минстера, Бремена⁵⁵.

Спустя восемь веков в Латвии продолжают чтить память человека, стоявшего у истоков латвийского государства и основателя Риги. В саду рижского Домского собора поставили восстановленный памятник епископу Альберту.

Первый памятник ему появился в 1897 году. В 1915 г. он был демонтирован и эвакуирован на корабле, который по пути в Санкт-

Петербург затонул. Восстановленная в 2001 г. на средства, полученные в ходе кампании по сбору пожертвований, начатой по инициативе рода Буксгевденов, статуя была подарена Риге обществом балтийских немцев. Также епископ изображен на аверсе серебряной юбилейной монеты достоинством 10 лат, выпущенной в 1995 г. в Латвии в честь 800-летия основания Риги.

Примечания

1. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. I. М. 1988, с. 611.
2. История Эстонской ССР. Таллин. 1952, с. 36.
3. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 123.
4. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Хроника Ливонии. М.-Л. 1938, прим. 377, с. 575
5. Там же, с. 78.
6. До этого миссионерская деятельность среди ливов была частной инициативой бременских каноников, которые появились на берегах Двины вслед за немецкими купцами.
7. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Ук. соч., прим. 47, с. 486—487.
8. Там же, с. 107.
9. Там же, с. 145.
10. Там же, с. 125.
11. Там же, с. 107, 130.
12. Там же, с. 145.
13. Там же, с. 107.
14. Там же, с. 80.
15. Там же, с. 82. Хроника приписывает инициативу создания Ордена Теодериху. Вероятно, это объясняется тем, что в это время Альберт был в очередной поездке по Германии в поисках пилигримов, а Теодерих замечал его.
16. Там же, с. 101.
17. Там же, с. 94.
18. Там же, с. 94.
19. Там же, с. 95.
20. Там же, с. 96.
21. Там же, с. 97.
22. Там же, с. 99.
23. Там же, с. 100.
24. Там же, с. 102—104.
25. Там же, с. 105.
26. Там же.
27. Там же, с. 116.
28. Там же, с. 125—126.
29. Там же, с. 126.
30. Там же, с. 127.
31. Там же.
32. Там же, с. 133.
33. Там же, с. 152.
34. Как пишет Генрих, Владимира изгнали, «потому что он отдал дочь свою замуж за брата епископа рижского, и изгнали его из города со всей дружиной. Он бежал к королю полоцкому, но мало нашел у него утешения и отправился со своими людьми в Ригу, где и был с почетом принят зятем своим и дружиной епископа». Владимиру был выделен удел. По одной из версий, в честь него получил свое имя город Вольмар (Валмиера). Однако уже на следующий год отношение к Владимиру изменилось: Генрих пишет, что он «пожинал многое, чего не сеял», решая дела так, что решения его были всем «не по душе».
35. Там же, с. 152—153.

36. Там же, с. 153.
37. Там же.
38. Там же.
39. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 232.
40. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Ук. соч., с. 155—157.
41. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 124.
42. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Ук. соч., прим. 205, с. 536.
43. Там же, с. 189.
44. Там же, с. 196.
45. Там же, с. 211.
46. Там же.
47. Там же, с. 212.
48. Там же, с. 221.
49. Там же, с. 234—235.
50. Там же, с. 236—237.
51. Там же, с. 238, 240.
52. Там же, с. 242.
53. АЛЕКСИЙ II (РИДИГЕР А.М.), Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии. URL:sedmitza.ru/lib/text/430070/.
54. ТОЙНБИ АРНОЛЬД. Постигание истории. М. 1991, с. 324.
55. КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Т. II—III. М. 1991, с. 471—473.

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

Вместе с тем, в высших бюрократических сферах «были не прочь полиберальничать за обеденным столом и повздыхать о конституции за дымящеюся сигарою; готовы были молчаливо одобрительно выслушивать и даже поощрять самые низкие клеветы и сплетни про этого самого сановника (Трепова. — *Ю.П.*); с удовольствием шутили насчет “небесного” царя, а иногда насчет “земного”, и притом насчет последнего весьма злобно и грязно, но “публичное доказательство” недовольства и возможности критики казалось опасным и нетерпимым, — свидетельствовал Кони. — И вот те, кто называл Трепова “старым вором”, кто удивлялся, как может государь вверять столицу этому “краснорожему фельдфебелю”, этой “полицейской ярыге”, как его называли некоторые, стали на его защиту и завопили о колебании правосудия и о том, что “если так пойдет, то надо бежать из России”»¹.

«В Английском клубе поднялась тревожная болтовня, и приговор над судом присяжных был подписан совокупностью сановных желудков, обладатели которых вдруг почувствовали себя солидарными с Треповым»².

При дворе признание Засулич невиновной было принято с большим неудовольствием. Впоследствии Перетц записал в дневнике: «Покойный император понял очень хорошо все промахи судебного ведомства по этому несчастному делу, послужившему сигналом для дальнейших покушений со стороны социалистов»³. Исправлять сложившуюся ситуацию правящие верхи попытались, как всегда, административными мерами помимо законодательных норм.

Пален, узнав о вердикте присяжных, который в соответствии с существующим судопроизводством не допускал повторного ареста подсудимой, немедленно испросил высочайшее повеление взять оправданную под стражу и «содержать в Доме предварительного заключения впредь до особого распоряжения»⁴. На следующий день приговор присяжного суда был опротестован, и полиция издала приказ о поимке Засулич. Но было уже поздно.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 1–2.

Вечером того же 31 марта по велению царя было созвано Совещательное присутствие министров или Особое совещание, как оно станет именоваться позднее. Совещательный орган создавался «ввиду постоянно усиливающегося социально-революционного движения» и «для изобретения средств к большему обеспечению государственной безопасности». Председателем совещания Александр II назначил министра имущества графа П.А. Валуева.

По журналу Особого совещания, главным предметом обсуждения стал казус Засулич. «Совещание прежде всего обратилось к уяснению причин тех прискорбных событий, которые в последнее время выразились оправдательным приговором присяжных заседателей по делу дворянки Засулич, уличными беспорядками и демонстрациями политического характера»⁵. Но высокопоставленные члены совещания впервые столкнулись со столь небывалым и непредвиденным волнением в обществе и не смогли выработать конкретных контрмер, потому что и у самого государя, видимо, не сложился в этот момент определенный план действий.

Между тем, прокурор Кессель подал в Правительствующий сенат мотивированный кассационный протест об отмене оправдательного приговора⁶, что Сенат и сделал, передав дело на рассмотрение в Новгородский окружной суд — подальше от возбужденной столицы. На таком решении, надо полагать, сказалось заявление министра внутренних дел Тимашева о нежелательности повторного процесса в Петербурге, так как министр не отвечал за обвинительный вердикт смененных присяжных заседателей, к тому же еще один суд над Засулич мог подать повод к новым беспорядкам.

Открытое неудовольствие заслужил председатель суда Кони. Сенатор П.А. Дейер потребовал, не больше не меньше, как предать его суду за неправоправное проведение процесса. Но предложение не прошло, как безосновательное⁷. Пален в личных объяснениях с Кони обвинял его в нарушениях законопроизводства и убеждал добровольно уйти в отставку. Кони не внял министру юстиции — действовавшие судебные уставы гарантировали несменяемость судей⁸. Плену самому пришлось 30 мая уйти с поста министра юстиции «за небрежное ведение дела Засулич»⁹.

Кони — юрист высочайшей квалификации и активный проводник судебной реформы после отмены крепостного права¹⁰ продемонстрировал на процессе беспристрастность и объективность, как и следовало каждому судье на его месте. Вместе с тем, он сыграл на процессе роль правозащитника, как это будет называться столетие позже.

В лабиринтах власти недостаточно, да и необязательно быть образованным, компетентным, честным, а надо быть благоревностным исполнителем желаний высокого начальства. В этом и была вина Кони. На суде он отстаивал букву установленного закона, а следовало — самодержавный дух закона. Российское государство во все времена добивалось не правосудной истины, а утверждения своей власти в обществе, в том обществе, которое должно оставаться бесправным и безгласным.

На заседании Совета министров под председательством Александра II граф Пален отдал Кони на растерзание царским сановникам без малейшей попытки разъяснить роль председателя на суде присяж-

ных. Валуев доказывал, что ни кто иной, как Кони — главный и единственный виновник оправдания террористки, и что вообще судебные чины чрезвычайно распущены и проникнуты противоправительственным духом. Его поддержали все министры, за исключением Милютин, искавшего более глубокие причины казуса Засулич¹¹.

Для Кони началась недолгая опала. За ним закрепилась редчайшая репутация в русском обществе — судьи, не идущего ни на какие компромиссы с совестью. В либеральной среде заговорили о нем как о человеке, стоящем в оппозиции к самодержавию. Он действительно постоянно указывал «на глубокое общественное недовольство правительством», но никогда не одобрял революционных средств борьбы и тем более террора, потому несправедливо, как полагает публицист нашего времени, считать «Кони, фигурой знаковой в деле благословения будущего терроризма»¹².

Карьера председателя на суде Засулич сложилась более, чем успешно. В 1881 г. он стал председателем гражданского департамента Санкт-Петербургской судебной палаты; в 1885 г. — обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената (в то время высшая прокурорская должность). В 1891 г. был назначен сенатором. В 1900 г. его избрали почетным членом Академии наук, в 1907 г. Николай II ввел Кони в Государственный совет с оставлением звания сенатора.

Либеральной и околлиберальной общественностью судебное оправдание Засулич было встречено с полным одобрением. Жандармская хроника отмечала: «Передовые идеи, симпатии к деятельности и личностям арестованных и осужденных по политическим делам пустили глубокие корни даже в интеллигентном и просвещенном столичном обществе»¹³.

«В огромной части образованного общества это оправдание приветствовалось горячим образом — свидетельствовал тот же Кони. — В нем видели урок, предостережение; близорукие любители сравнений говорили уже не только о русской Шарлотте Корде, но и о “взятии Бастилии”... Чувствовалось, что приговор присяжных есть гласное, торжественное выражение негодования по поводу административных насилий, и большинство только с этой точки зрения его и рассматривало, окрашивая деятельность суда в политический колорит». «Приговор присяжных, быть может, и не правилен юридически... но в нем звучит голос житейской правды; общество ему не могло отказать в сочувствии»¹⁴.

По категоричному заявлению Веры Фигнер, «все вздохнули свободно: до такой степени ее дело отвечало общему настроению, и было общим делом. Со всех концов России сыпались поздравительные телеграммы защитнику Засулич, присяжному поверенному Александрову, и общей радости не было конца»¹⁵.

Целый ряд газет, почувствовав брешь в цензурной стене, взяли явный либеральный тон в освещении столичных событий. Создавалось впечатление, что цензура «растерялась и ослабла, что преграды ослабли, а общественное мнение прорвалось»¹⁶.

В газетных передовицах решение присяжных рассматривалось как голос общественной совести, осуждавшей явные нарушения закона должностными лицами, и не нашлось слов осуждения той, которая заявила протест столь экстремистским способом. В газетах то и дело

появлялись открытые панегирики оправдательному суду, а порой и прямые похвалы «героическому поступку Веры Засулич»¹⁷.

«Голос» (издатель-редактор А.А. Краевский) и даже «Новое Время» (издатель-редактор А.С. Суворин) после некоторых колебаний заговорили с гражданским пафосом о правомерности суда присяжных, равенстве всех перед законом и справедливости вердикта по процессу Засулич. Как вспоминал Русанов, печатные издания «вели себя очень прилично, во всяком случае, гораздо приличнее, чем то было в других соответствующих случаях»¹⁸. По оценке радикалов в нелегальной листовке, «даже самые подлые газеты — и те увлеклись общим движением и печатали такие статьи, под которыми мог бы подписаться довольно честный человек»¹⁹.

2 апреля «Голос» опубликовал наделавший много шума очерк Градовского о деле Засулич. Возбужденный либеральный публицист увидел в судебном разбирательстве те политические тенденции, которые отсутствовали на процессе, но которые хотела видеть либеральная публика. «Мне чудится, что это не ее, а меня, всех нас — общество — судят! Мне кажется, что эти свидетели обвинения уличают нас, что прокурорская речь представляет слабую, из приличия только предпринятую попытку оправдать нас перед этим судом, а жгучее слово защиты, удар за ударом, как молот по наковальне, разбивает наши надежды на оправдание»²⁰. Никакую наковальню защитник Александров в судебный зал не привносил и обличительным молотом по ней не ударял. Он выбивал слезу у публики и делал это изощренно. Либералы и многие «лица сомнительной политической благонадежности» с большим удовлетворением восприняли газетный демарш Градовского. Его и Александрова на всякий случай выслали временно из имперской столицы.

Прижизненный классик И.С. Тургенев из своего заграничного далека откликнулся стихотворением в прозе «Порог», написанным в мае 1878 года. Перед высоким порогом, явно символизирующим начало революционной борьбы, стоит девушка, готовая на голод, тюрьму, смерть, а также на одиночество, презрение, безвестность. «Войди!» Девушка переступает порог. Вслед откуда-то снизу несется: «Дура!», но сверху раздается «Святая!» Все-таки «Святая!» прозвучало сверху²¹. Тургенев переложил в художественной форме содержание нелегальной землевольческой листовки «Покушение на жизнь Трепова»²², что весьма симптоматично: писатель всегда старался уловить передовые веяния своего времени.

Одобрение теракта и осуждение царского правительства проходили на фоне неудач в русско-турецкой войне. Восторженно-патриотические настроения сменились разочарованием: война стоила громадных человеческих жертв и закончилась дипломатическим поражением на Берлинском конгрессе. Известно, что на докладе царю глава русской делегации канцлер Горчаков написал: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере». Александр II сделал помету: «И в моей тоже»²³.

Славянофил Иван Аксаков произнес в июне 1878 г. в московском Славянском комитете речь по поводу позорного Берлинского трактата, за что его выслали из Москвы, а комитет закрыли. Обще-

ство, раздраженное бесславным походом «за освобождение славян», было болезненно напряжено и ожидало перемен.

Свободомыслие петербургских газет вызывало недовольство в правительственных сферах. Председатель Комитета министров граф Валуев негодовал в дневнике на «разнузданность» газет, которая свидетельствует об отсутствии «правительствующего правительства». Осмелевший вельможа даже заявил Александру II: «Остается по выходе из дворца идти купить револьвер для своей защиты»²⁴. Все это были явные преувеличения и напрасные опасения царедворца.

Тимашев в докладе царю обращал внимание, что «вследствие судебного решения по делу Веры Засулич почти все ежедневные петербургские газеты приняли по отношению к правительству враждебный и вызывающий тон, который не может быть терпим без самых вредных последствий для общественного спокойствия»²⁵. «Русскому Обозрению» и «Северному Вестнику» запретили розничную продажу. «Голосу» и «Русскому миру» были сделаны предупреждения. Как известно, после третьего предупреждения издание могло быть приостановлено на полгода или вовсе закрыто. Краевский поторопился ослабить в «Голосе» либеральное звучание и «стал бормотать что-то не особенно вразумительное»²⁶.

В конце концов, цензурное ведомство запретило обсуждать в печати дело Засулич. «Дальнейшие разъяснения этого важного процесса, — констатировал Градовский, — были невозможны; всякое обсуждение его было прервано, взамен раздавались дикие завывания реакции против суда, против присяжных и адвокатуры, против общества и печати. Меня объявили подстрекателем политических убийств и приглашали покарать «судом народным», расправой рынка, правосудием Охотного ряда... Вся остальная печать обречена была на молчание»²⁷.

Зато заграничная пресса не собиралась молчать. Казус Засулич вызвал на Западе громкий резонанс. Газеты Франции, Германии, Англии, США, Италии и других стран дали подробную информацию о процессе. Во всех сообщениях вместе с подсудимой Засулич неизменно упоминался адвокат Александров и председательствовавший на процессе Кони.

Тургенев увидел в процессе «знамение времени», которое «взбудоражило решительно всю Европу»²⁸. «Дело это произвело глубокое впечатление по всей Европе, — засвидетельствовал в мемуарах Кропоткин. — Я был в Париже, когда получилось известие об оправдательном приговоре. Мне пришлось в этот день зайти по делам в несколько редакций. Всюду редакторы дышали энтузиазмом и писали энергичные передовые статьи, прославлявшие девушку. Даже серьезная «Revue des Deux Mondes» в годичном обзоре писала, что больше всего на общественное мнение Европы в 1878 г. произвели впечатление два лица: князь Горчаков во время Берлинского конгресса и Вера Засулич. Портреты их были помещены во многих альманахах и календарях. Что же касается европейских рабочих, то самоотверженность Веры Засулич произвела на них чрезвычайно глубокое впечатление»²⁹. Влиятельный французский ежемесячник восторженно писал об оправданной террористке: «В несколько мгновений она стала знаменитостью... В течение 48 часов Европа забыла о войне и мире, о

Бисмарке, Биконсфильде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом»³⁰.

Особый вклад в расширение популярности Засулич внесла западноевропейская творческая интеллигенция. Образ бесстрашной революционерки воплотился в ряде художественных произведений. Английский писатель и драматург О. Уайльд написал мелодраматическую пьесу «Вера, или нигилисты». Французский драматург В. Сарду выпустил драму «Федора», на основе которой итальянский композитор У. Джордано создал одноименную оперу, где партию народовольца исполнял знаменитый Э. Карузо. Никакой исторической достоверности, разумеется, в этих произведениях не было.

Среди российских радикалов оправдание Засулич было воспринято как обвинение не только отдельным высшим чиновникам, а всему самодержавию, как победа общества над царистским всевластием.

В день суда «выборные общественные судьи впервые явно отвернулись от целой правительственной системы»³¹, — полагал землевладелец О.В. Аптекман. В листовке «К русскому обществу», написанной Плехановым, делался далеко идущий вывод: «31 марта 1878 г. для России начался пролог той великой исторической драмы, которая называется судом народа над правительством, ... в этот день разрыв русского общества с правительством выразился *de facto* в здании окружного суда»³². В другой прокламации утверждалось: «Оправдывая Засулич, представители общественного суда обвинили всю систему, на которую Засулич так самоотверженно подняла свою руку»³³.

В нелегальной газете «Начало» говорилось: «Засулич была оправдана. В лице ее был обвинен Трепов... не один Трепов, с ним вместе были пригвождены к позорному столбу и вся администрация, вся система правления, все внутренние порядки императорской России. Правительство совершенно неожиданно получило щелчок — и презрядный. Правительство было поражено и огорчено страшно. Оправдательный приговор Засулич обратился в обвинительный приговор, произнесенный над правительством от лица русского общества устами 12 присяжных. Оно так же, как и мы, поняло очень хорошо, что присяжные, оправдывая Засулич, обвиняли его. Вот почему правительство так близко приняло к сердцу этот приговор. Тут вопрос был поставлен ребром. Дело шло о порицании его, об оценке его деятельности... К довершению эффекта, изящная, элегантная публика, которая без перчаток даже лба не перекрестит, собравшаяся на этот раз в залу суда, громко аплодировала приговору. Удивительно еще, как правительство не задохлось от бессильной злобы»³⁴.

Теракт Засулич, воспринимался радикальной молодежью как «выстрел геройской, честной русской девушки»³⁵, как подвиг, который вызывал воодушевление и подъем боевого духа. В ней видели национальную героиню³⁶, «жрицу правой мести»³⁷ и «общественную совесть»³⁸. «Русская девушка на свой страх и риск, — утверждал Аптекман, — решила отомстить за попранное насильником человеческое достоинство, за поруганную честь партии. ... Великий индивидуальный акт благородного гнева нашел свою высшую санкцию в общественной совести»³⁹.

В подпольных прокламациях землевольцы воздавали террористке возвышенную хвалу: «Страшен и велик твой подвиг, и немногие

могут вместить его, но слава русскому народу, что в нем нашлась хоть ты одна, способная на такой поступок»⁴⁰. «С светлым и радостным чувством останоятся будущие поколения на твоём имени, страшная девушка»⁴¹, «потомство причислит твоё имя к числу многих светлых имён мучеников за свободу и права человека»⁴².

Сергей Кравчинский опубликовал в Женевском журнале «Община» статью, где прославлял Засулич, как «гордость человечества»: «Героиня! Для тебя пишу я эти строки! Весь мир гремит славою твоего подвига. Имя твоё с благоговением повторяется во всех концах земли и будет повторяться из рода в род... Отдаленное потомство, разбив свои оковы, свободное, счастливое, тебе воспоёт свою хвалебную песню, потому что в ряду тех подвигов, которыми куплено будет его счастье, твой один из величайших». Для Кравчинского день оправдания Засулич — дата гибели царизма: «Русское самодержавие убито; 31 марта было последним днём его существования»⁴³.

Среди учащейся молодежи популярность террористки стала чуть ли не всеобщей. В высших учебных заведениях проводились сходки в её поддержку и собирались деньги «для Верочки»⁴⁴. Молодежь приобретала фотопортреты Засулич. «Дайте, дайте мне фотографию Веры Ивановны, — просил своих друзей юный гардемарин Иван Ювачев, будущий народоволец, — я повешу её в своей комнате вместо иконы!»⁴⁵ Видимо, широкое распространение получили пересъемки фотографий из светского салона госпожи Пален, супруги министра юстиции.

Александр Михайлов, никогда публично не выступавший, единственный раз сделал исключение. Об этом случае рассказывал в мемуарах Лев Тихомиров. На студенческом балу «Михайлов взгромоздился на стул с бокалом вина и кричит: “Господа, господа, внимание!” Стали оборачиваться в его сторону. Шум разговора немного стих, и Михайлов, заикаясь (он был заика), но развязно и горячо начал краткую речь о русском произволе, о героической женщине, которая ценой жизни (или что-то в этом роде) решилась наказать надругательство над человеческой личностью, и в заключение провозгласил тост: “За здоровье Веры Ивановны Засулич!” Публика слушала, но что касается тоста, то его поддержали, нужно сказать, немногие. Все-таки боязно ещё было. Ведь на этих балах даже обязательно и явно присутствовала полиция, не говоря уже о тайной полиции»⁴⁶. Но время было такое, что все сходило с рук.

В радикальной среде «благодарность и поклонение перед этой героической девушкой были беспредельны, — вспоминала Плеханова-Боград. — Мы считали её счастливейшим человеком в мире, и каждый из нас желал бы быть на её месте»⁴⁷. Позднее нашлась подражательница деянию Веры Засулич. 24 мая 1879 г. польская дворянка Людвиг Гильберт, страдавшая психическими отклонениями, явилась в дом к петербургскому генерал-губернатору И.В. Гурко и добровольно сдалась охране. Она заявила, что собиралась совершить покушение на генерала, но не в силах исполнить акцию. На её квартире нашли фотографии Засулич и несколько листков журнала «Земля и воля». Бедную женщину поместили в городской приют для призрения душевнобольных, а впоследствии выслали на родину в Вильно⁴⁸.

(Продолжение следует)

Примечания

1. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 60.
2. Там же, с. 106.
3. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). М.—Л. 1927, с. 49—50.
4. Финал дела Веры Засулич (По неопубликованным материалам). — Красная летопись. 1926, № 2, с. 142; ГЛИНСКИЙ Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.). Исторические очерки, ч. II, с. 237.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, оп. 163, д. 502, т. 1, л. 1—2, 245—246.
6. Финал дела Веры Засулич, с. 142—145.
7. ГАРФ, ф. 109, 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1, л. 212.
8. ЗАЙОЧКОВСКИЙ П.С. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, с. 59.
9. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Ук. соч., с. 50.
10. СМОЛЯРЧУК В.И. Анатолий Федорович Кони (1844—1927). М. 1982; ВЫСОЦКИЙ С.А. Кони. М. 1988.
11. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 115.
12. НОСОВ Ю. Еще раз о деле Засулич и либеральном обществе. Как благословили терроризм. — Наука и жизнь. 2006, № 12, с. 40.
13. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг. Официальный отчет. М. 1906, с. 14.
14. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 103.
15. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов. ФИГНЕР В.Н. Полн. собр. соч. в семи томах. Т. 5. М. 1932, с. 232.
16. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 207.
17. Там же, с. 208.
18. РУСАНОВ Н.С. На родине, 1859—1882. М. 1931, с. 154.
19. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям», с. 179.
20. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Дело Веры Засулич. В кн.: Итоги (1862—1907). Киев. 1908, с. 430.
21. ТУРГЕНЕВ И.С. Полн. собр. соч. Т. 10. М. 1982, с. 147—148.
22. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова». Январь 1878 г., с. 49—50.
23. ЧЕРНОВ С.Л. Россия на завершающем этапе Восточного кризиса. 1875—1878 гг. М. 1984, с. 116.
24. ВАЛУЕВ П.А. Дневник. 1877—1884. Пг. 1919, с. 26.
25. Цитируется по: ЛЮБИМОВ С. Предисловие. Письмо А.И. Эртеля об убийстве Сидорацкого 31 марта 1878 г. — Красный архив. 1926, № 1, с. 250.
26. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 154.
27. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг. Итоги, с. 9.
28. Из Парижского архива И.С. Тургенева. Литературное наследство. Т. 72. Ч. 2. М. 1963, с. 40.
29. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 394.
30. VAIBEET. Le procès de Vera Zassoulitch. — Revue des Deux Mondes. 27.V.1878, p. 216.
31. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 326.
32. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу» по поводу оправдания В. И. Засулич. Апрель 1878 г. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876—1882 гг. М.—Л. 1965, с. 53—54.
33. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям», с. 178.
34. Бойня 31-го марта, с. 57.
35. «Два заседания Комитета министров» по поводу правительственных мероприятий в связи с оправданием В.И. Засулич. Брошюра «Земли и воли». Не ранее 8 апреля 1878 г. Революционное народничество 70-х годов XIX века, т. II, с. 58.
36. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова», с. 48.

37. 24 января 1878 г. Посвящается Вере Ивановне Засулич. — Начало. 1878. № 2, апрель.
38. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу» по поводу оправдания В.И. Засулич. Апрель 1878 г., с. 54.
39. АПТЕКМАН О.В. Ук. соч., с. 326.
40. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова», с. 49.
41. Прокламация «Земли и воли» «13 июля и 24 января». Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 331.
42. Там же, с. 49—50.
43. КРАВЧИНСКИЙ С. Женева. 25-го Апреля. — Община. 1878, № 3—4.
44. ГАРФ, ф. 109, 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1, л. 85—86, 112.
45. ЮВАЧЕВ И.П. Воспоминания народовольца. — Морской сборник. 1927, № 10, с. 75.
46. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М. 2000, с. 87—98.
47. ПЛЕХАНОВ Г.В. Страница из воспоминаний о В.И. Засулич, с. 83.
48. ГВОЗДЕВ М.Г. «Красный террор» против Санкт-Петербургского временного военного генерал-губернатора И.В. Гурко. — Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009, №1, с. 125—126. Автор статьи напрасно приписывает этот эпизод Исполнительному комитету «Народной воли», который в это время еще не существовал. Гильберт не принадлежала ни к какому террористическому сообществу. Другой уважаемый автор, ссылаясь на предыдущего, сделал обобщающий вывод: «Вообще, уровень квалификации и подготовки террористов, в том числе и психологической, являлся одним из самых уязвимых мест народнического террора, что и было причиной провала большинства акций» (КВАСОВ О.Н. Российский терроризм второй половины XIX века: народнический аспект. В кн.: Воронеж народниковедческий: Сборник статей. Воронеж. 2012, с. 38).

Церковь и сопротивление раскрестьяниванию в начале 1930 г.

Л.Н. Лютов

В исторической литературе постсоветского времени основное внимание уделялось гонениям на церковь в 1930-е гг., ее преследованию «безбожной» властью. Однако практически игнорировался другой аспект: став народной, а не государственной, церковь оказалась опорой крестьянства в сопротивлении ликвидации его как социального слоя. Именно эта сторона «социалистической реконструкции» деревни, к которой правящая партийно-советская номенклатура приступила в январе-марте 1930 г., исследуется в данной работе на материалах Ульяновского округа ¹ Средневолжской области.

В своем отчете от 19 февраля 1930 г. Соколов, уполномоченный Ульяновского окружкома ВКП(б) по посевной кампании в Кошкинском районе, одном из районов, входивших в состав Ульяновского округа, отмечал, что проведение хозяйственно-политических кампаний в начале года «вызвало резкое и в разных формах сопротивление кулачества, были срывы собраний, злостная агитация и подготовка к открытому выступлению». Готовилось, например, «контр-революционное выступление к свержению сов. власти» в селе Мамыково, которое удалось предотвратить благодаря информации «одного партизана чапаевца». Участники подготовки выступления — «бывший белый офицер, жандарм и кулаки» — были арестованы, дело передано ОГПУ. А в селе Новая Кармала собрание было сорвано требованиями об освобождении «кулаков и попа от целевых взносов» (кричали: «Поп нам нужен, долой насилие») ². В селе Кошки «церковниками» распространялись листовки «явно контр-революционного характера». В селе Старый Салаван в результате влияния «кельниц-монашек» из колхоза вышло семь хозяйств ³. «Контрреволюционную агитацию» в селе Васильевка того же района обнаружил кустовой уполномоченный М.И. Долгих. Она выражалась в том, что «наряду со сбором задатков на трактора, производился сбор на церковь, и запись верую-

---

Лютов Лев Николаевич — доктор исторических наук, профессор Ульяновского высшего авиационного училища гражданской авиации (институт).

щих с агитацией, что Советская власть в 1931 году лопнет и пойдет возрождение России». Группа (три «кулака» во главе со священником), занимавшаяся этим, была уполномоченным арестована. А у священника путем целевых обложений был отобран и дом. Сбор на церковь (10 коп. с души) и такая же агитация имели место в селе Тенеево. Уполномоченный по Юмраткинскому сельсовету (также Кошкинский район) «сельуполномоченный» И. Березенцев, который при закладке «фундамента социалистического сектора» «жал безпощадно...», 14 февраля 1930 г. докладывал своему начальству — председателю Кошкинского райисполкома: «Досадно то, что противниками колхоза являются особенно бедняки. Прямо ужас». Его раздражало то, что жители села «опасаются нового, для них не виданного», что «расширение упирается еще в то, что чрезвычайно дикий и темный народ» оказался в Юмратке, верящий «всевозможным нелепым слухам, распускаемых классовым врагом: кулаком, религиозником фанатиком и монашками понаехавшим сюда немало». Однако с такими «религиозниками» уполномоченный поступал решительно. Так, «одного фанатика Мотова отправил в Р.А.О. (районный административный отдел. — Л.Л.)» с просьбой «задержать до окончания сева, даже судить так как кроме разлагающей работы в с. Емуратке [Юмратке] раз'езжал по селам М. Максимкино [Малое Максимкино] и Ст. Максимкину [Старое Максимкино]»⁴.

Нежелание крестьян вступать в колхоз уполномоченные обычно связывали с противодействием классового врага — «кулаков». Так, уполномоченная по проведению посевной кампании в Мелекесском районе Крюкова, которую РИК направил в село Суходол и где она вместе с другим уполномоченным — председателем кустового объединения колхозов — проработала до 24 января 1930 г., указывала в докладной записке: «Много времени нам пришлось потратить на борьбу с классовым врагом, который принимал все меры к срыву колхозного строительства в селе». При этом она сетовала, что «кулак открыто почти не выступал, но смело действовал через женщин и церковь»⁵.

После того, как колхоз с характерным «крестьянским» названием «Пролетарский путь» был в селе «оформлен», уже через несколько дней в сельсовет с заявлениями о выходе из него «артелями» пошли женщины. По мнению уполномоченной, это было результатом того, что «церковники пустили агитацию, что конец церкви и людям пришел». По ночам в церкви началось богослужение, люди причащались, исповедовались — готовились к Страшному суду. Утверждали, кто «замешан в колхоз тот не избежит печати антихриста». Уполномоченные ответили церкви тем, что «было предложено уплатить страховку и пром[ысловый] налог» (всего более двух тысяч рублей). Церковный совет ночью, без разрешения сельсовета проводил в церкви собрание верующих, которое выносило «постановление о сборе этих средств с населения». Уже ранним утром к сбору средств, со словами «за спасение божьего храма и самих себя», приступили 11 человек. Как только об этом узнали уполномоченные, тотчас по селу поехал председатель сельсовета и пресек сбор, арестовав списки дававших и собранные деньги. А в девять вечера по селу прошел слух, что из

Ульяновска приехали закрывать церковь. Около нее сразу же собралось много женщин (по мнению уполномоченной, «старух»). В ответ, тогда же вечером, уполномоченные собрали кандидатскую группу, где наметили «разоблачить действия церковного совета на бедняцких и женских собраниях, школьном совете, пленуме сельсовета». И «беднота» в принятых резолюциях осудила действия церковного совета, отметив, что «эти действия контрреволюционные, они направлены на срыв колхозного строительства». Более того, на некоторых своих собраниях маргинальные слои крестьянства, воспринявшие классовую мораль, «требовали попу и церковному совету высшей меры наказания». А деньги — около 500 руб., — собранные односельчанами во имя того, чтобы не пришел «конец церкви и конец людям», приверженцы новой коммунистической морали постановили отдать в качестве задатков на трактора.

Женщины села, оправдывая действия церковного совета, уходили с собрания, на котором голосовали за этот грабеж. Даже делегатское собрание женщин поначалу оправдало «церковников». Однако уполномоченная была настойчива, и, после «разъяснений и спора», она добилась своего — сознательные делегатки «присоединились к решениям бедняцких собраний». Общих же собраний женщин по этому вопросу уполномоченные решили не созывать, а провести «бедняцко-средняцкие женские собрания». И «женский бедняцкий актив» не подвел. Более того, «женские бедняцкие собрания дружнее мужских голосовали за осуждение церковников» ⁶.

Возникновению в деревне атмосферы нетерпимости способствовали методы коллективизации. Не являвшимся колхозниками назначали такие целевые взносы, что они их не могли внести ни при каких условиях. В этом случае их имущество описывалось и выставлялось на «торги». Кроме того, у них грозились забрать скот. При сборе семян в селе Юреево неукоснительно выполнялась директива местного руководства — «берите под метелку», хозяйству оставляли лишь два-три пуда. Не церемонились и со священниками. В селе Новая Кармала, через речку от Юреево, коллективизаторы «отобрали мед у попа и с'ели его коллективно» ⁷.

Крестьян села Новое Фейзуллово уполномоченные Киселёв и Зиновьев запугивали: «Хотите советский путь, а кто не пойдет — на Китайскую границу попадет, или сошлют в Северный край». Местные «коллективизаторы» не учитывали религиозных чувств, культурно-бытовых особенностей татарского населения этого и других сел. А это вело к «ошибкам». Так, на обсуждение были поставлены вопрос о выселении мулл вместе с «кулаками» и предложение Зиновьева идти на собрание в мечеть ⁸.

Церковь была не только нравственной, но и организующей опорой противодействия крестьянства осуществляемой властью коллективизации. В селе Старая Бесовка (Новомалыклинский район) работники ОГПУ через своего агента, посланного в сельский храм, узнали, что в село «сведения о предстоящем выселении уже просочились», а также и то, что «поп во время службы заявил: “По постановлению церковного совета необходимо провести перерегистрацию верующих, сегодня 28-го, кто сейчас отсутствует, того оповестить, собирайтесь в церкви, мы ударим в набат”». Местная власть «дала слабину», разре-

шив собрание с набатом. Работники ОГПУ, полагая, что «поп не зря назначает собрание именно на 28», запретили его проведение⁹.

Во второй половине марта 1930 г. на страну и на Ульяновский округ обрушилась волна антиколхозных настроений¹⁰. Они проявились, прежде всего, в исходе крестьян из колхозов, который в округе начался с 14 марта, хотя уже и зимой имелись отдельные случаи подачи крестьянами заявлений о выходе из колхозов¹¹.

Вследствие противодействия местной власти этому процессу, которое напоминало крестьянам о насилии, чинимом над ним в начале года, в округе — в период «отлива-прилива» после периода «бури и натиска» в колхозном строительстве¹² — повсеместно происходили «события». Этим эвфемизмом власть смягчала различные проявления антиколхозных выступлений крестьян вплоть до массовых волнений. И церковь была важным компонентом этих «событий».

Процесс массового выхода из колхозов получил отражение, в частности, в «совершенно секретных» ежесуточных сводках райкомов ВКП(б). Они должны были поступать в окружном ВКП(б) к установленному им «сроку подачи» — к 9 или 10 час. вечера, и просрочка, если и была, то не превышала 30 мин. (наряду со сроком подачи в сводках отмечалось и время фактического их получения).

В сводке за 14 марта 1930 г. секретарь Тагаевского райкома ВКП(б) Зайцев в разделе «О выходах из колхозов» (по 13 колхозам) сообщал в окружной штаб «обобществителей»: «Массовых выступлений не было. Нелегальных собраний зарегистрировано 4 случая, количество присутствовавших — от 3 до 6 человек. Собрания проходили у кулаков». «Агитация кулаков упирается» на такие «контрреволюционные лозунги», как: «скоро война, а с войной обязательно придут помещики, — тогда колхозникам будет плохо». Распространялся слух о том, что в Карсунском районе, выходящие из колхозов, забирали сельскохозяйственные машины, семена и им за это ничего не было. Тем, кто еще оставался в колхозах, говорили: «Если бы не были в колхозах, то сеяли бы культуры какие вздумали». И, предполагая не только экономические последствия обобществления жизни деревни, но и духовно-нравственные, предостерегали всех: «Если вступишь в колхозы закроют церкви»¹³.

В сводке Промзинского райкома ВКП(б) за 17 марта указывалось, что в селе Белый Ключ «подбрасываются анонимки, с угрозой по отношению колхозников, что летят свинцовые пчелы» (уголовным розыском началось следствие). А в селе Болтаевка «распространяется религиозное письмо», которое «усиленно переписывается» (туда оперативно был направлен следователь). Еще активнее религиозно-нравственный фактор в сопротивлении крестьян коллективизации проявился в селе Ирзянь («религиозно-фанатичное село» — характеризовал его райком). После того, сообщала местная власть, как «на днях из Округа отпущен поп и к нему собираются изо всех сел религиозники», село оказалось центром, объединяющим крестьян района в их противодействии коллективизации. А в сводке от 24 марта отмечалось, что по району имелись «ряд требований об открытии церквей». И... райисполком «решил открыть церковь в с. Сыреси»¹⁴.

Сводка Астрадамовского райкома ВКП(б) по состоянию на 22 ч. 10 м. 14 марта 1930 г. отмечала, что «обоснования выхода [из колхоза] те

же, что и по Промзинскому району. Массовых выступлений не было». Однако в сводке на 15 марта сообщалось о задержании в селе Александровка священника, который «был сдан Уполномоченному ОГПУ, но он его освободил». Тем не менее, «за освобожденным священником ведется наблюдение», а «следственные органы собирают сведения», — информировала районная власть. В другом селе района — Чилим — был отмечен «случай, жена попа ездила в Москву и видимо имеет определенное задание, агитировать против колхозов». И по этому случаю, заверял райком ВКП(б), «меры принимаются» тоже. Меры, принятые властью имели «зимний» (январско-февральский) характер. В сводке за 19—21 марта партийное руководство района рапортовало: «взяли попа, отправили в Ульяновск, жена осталась»¹⁵. Неопределенность в этом районе, как и в других районах округа, породила слухи, которые имели не только антиколхозную направленность, но и религиозно-нравственную. При этом крестьяне, видимо, не делали конфессиональных различий — в качестве защитницы воспринималась не только православная, но и римско-католическая церковь. Так, сводка Астрадамовского райкома ВКП(б) по состоянию на 17 марта сообщала: «Есть слухи, что папа Римский идет и будет воевать и вешать колхозников¹⁶, что и влияет на колхозное движение»¹⁷.

В сводке Багдашкинского райкома ВКП(б) за 14 марта в разделе «О выходах из колхозов» отмечалось, что они «обосновываются неимением денег платить пай, не соглашается семья, больные работать не могут и т.д.». «В действительности, — указывалось в сводке, — ведется сильная кулацкая агитация, также сектантами противоклхозная среди женщин»¹⁸. В селе Старые Алгаши 15 марта появились слухи, а среди женщин разговоры (несмотря на принятие нового Устава), в которых, наряду с негативным экономическим фактором выделялся социально-нравственный, религиозный: «...Отнимут детей от матерей, а церкви закроют...»¹⁸. Чтобы приостановить бегство из колхозов¹⁹, районные власти пытались запугать даже тех, кто помогал крестьянам с составлением заявлений о выходе из колхоза. В отношении «выявленных лиц, писавшие заявления о выходе» в селе Чириково, а среди них «подозревается поп МИХАЙЛОВ или же под его диктовку пишет заявления ВОЛЫНЩИКОВ брат раскулаченного», применялись репрессии. 17 марта Богдашкинский райком ВКП(б) констатировал, что «активных выступлений нет», но подспудное недовольство никуда не исчезло. Проявлялось оно и в частых «подпольных собраниях». Так, молодежь села Старые Алгаши «выявила», что 16-го ночью «было подпольное собрание сектантов», которое «проходит часто». И это на фоне того, что вечером того же 17-го марта с «официального» собрания «по принятию нового Устава ушло 60 человек не считая себя членами колхоза, ссылаясь на то, что не были на организационных собраниях». 17-го же руководительница «подпольного собрания» была арестована²⁰.

Безрезультатность усилий местной власти остановить отток людей из колхозов фиксировала сводка Богдашкинского райкома ВКП(б) за 22 марта 1930 года. «Проведенное землеуказание оказалось ничемным» — только за один день из колхозов вышло 953 хозяйства. И это несмотря на то, что предварительно «постановление ЦК и ОК

ВКП(б) проработано на всех бедняцких собраниях колхозников». В продолжавшейся «массовой подаче заявлений о выходе» сводкой отмечалось «заметно сильное движение женщин». Неприятие колхозов принимало организованный характер. В этом важную роль играла церковь (без различия вероисповеданий). Крестьянский мир искал в ней нравственную опору в противостоянии власти разрушавшей его. В сводке было отмечено, что жители «с. Н[ижние] Тимерсяны ходят в гости и в мечеть», а в «Н[овых] Алгашах церковь посещают приезжие крестьяне»²¹.

Сводка Ульяновского сельского райкома ВКП(б) за 18 марта фиксировала продолжавшийся в районе выход из колхозов. И хотя «серьезных выступлений» не было, однако на проводимых собраниях имели место «разговоры, о не нужности колхозов», и выдвигалось, по сути, духовно-нравственное «частичное требование о восстановлении церквей». Сохранение религиозно-нравственных устоев крестьянского мира укрепляло антиколхозное движение и поэтому оно не ослабевало. Так, сводкой Ульянрайкома ВКП(б) за 22 марта упоминалось село Кашинка, где «развилося сильное религиозное движение, разлагающее работу колхозов». В частности сообщалось, что «на днях в Кашинке проводилось собрание по постановлению ОК и ЦК ВКП(б), настроение было хорошее. Непосредственно после собрания стали поступать заявления об обратном приеме в колхоз». Но тут, «чтобы воспрепятствовать налаживающемуся делу религиозники собрали собрание своего актива, ходили по селу под предлогом переписи верующих, в результате их деятельности прекратился приток заявлений об обратном приеме и были попытки троих уйти из колхоза». Инициаторов выявили быстро. Ими оказались... «бедняк и беднячка»: Як. Меседов, он же «был и церковным старостой», и П. Мучина, которая «до революции имела механическую мельницу». Незамедлительно «о деятельности этих лиц» было «сообщено в РАО (районный административный отдел. — Л.Л.)»²².

Сводкой Поповского райкома ВКП(б) за 14 марта 1930 г. было отмечено, что по району «массовых выступлений не было», активное противодействие колхозному движению оказывали лишь «кулаки» да «религиозники». В селе Лукино, где имелся колхоз «Свияга», «кулак АБАЕВ собирал подписку у крестьян и агитировал о выходе из колхоза»; председатель церковного совета, «женщина беднячка — на ряде собраний выступала очень яро против колхоза, сама из колхоза вышла»²³.

Выходы из колхозов в районе продолжались, несмотря на появление нового колхозного устава. Так, в колхозе «Красная вышка» (село «Белое Озеро») только за вторую половину дня 23 марта, и это «после того, как проработали в течение 2-х дней решения ЦК и ОК ВКП(б)», вышли 123 хозяйства. Такая активность крестьян опиралась не только на «проработку», но и на «агитацию» священника, так как «23 марта выходов из колхоза до обедни не было». С «агитацией» даже «на Игнатовскую (суконную. — Л.Л.) фабрику пришла группа женщин с попом и ходят по домам». В Поповском райкоме ВКП(б) в ситуации колхозного развала полагали «необходимым выпуск специального воззвания о призыве в колхозы в связи с массовым выходом из колхозов». Хотя местное партийное руководство радовалось то, что

пока, на 24 марта 1930 г., «настроений к массовому открытому выступлению как будто не наблюдается»²⁴.

Нравственно-религиозный фактор, влиявший на выход из колхозов, был основным и у крестьян Сенгилеевского района. По мнению местной власти Сенгилеевского райкома ВКП(б) (сводка «по состоянию колхозов» на 15 марта 1930 г.): «Причина подачи заявлений вообще по колхозам, происходит на антирелигиозной почве (то есть в результате антирелигиозной политики власти. — Л.Л.). Отмечалось, что «по селениям распространяются листовки, так называемое “божье письмо”, которое появилось из пределов Сызранского округа. Листовки распространяются под лозунгом “спасайте веру и церковь”». Ответственный секретарь райкома ВКП(б) Долгов приводил пример и более активных действий против безбожной коллективизации и участвующих в ней. Так, в селе Тушна «колхозники в церковь не допускаются и у дверей церкви поставлен сторож». В сводке за 17 марта ОК ВКП(б) информировался им о продолжавшемся в районе распространении «божьих писем». Этому содействовала имевшаяся в нем просьба — «прочитай, сними копию и передай другому». Были и «устные распространения, — больше на тему статьи т. СТАЛИНА». В результате, в сводке за 24 марта констатировалось: «Последние 3 дня массовые выходы из колхозов происходят по всему району». По мнению секретаря Сенгилеевского райкома ВКП(б), причины выхода из колхозов — «кулацкая агитация о войне весной, религиозная работа церковников и тяжелое положение с заготовкой фуража в обобщественный фонд колхозов»²⁵.

Сопrotивление коллективизации в Карсунском районе, как и в других районах округа, покоилось на нравственно-религиозных началах. Об этом свидетельствовали факты, содержащиеся в райкомовской сводке за 17 марта. В селе Зимненки (колхоз имени Яковлева) председатель церковного совета Горбунов «выбросил лозунг»: «Кто верит в бога, кто против войны и крепостного права тот переходит на нашу сторону». Уполномоченным же была «вскрыта группа кулаков и зажиточных. 8 человек арестовано. Материал направлен в следственные органы». Именно в священниках местные власти видели организаторов сопротивления крестьян коллективизации. Так указывалось, что «поп» села Мордово-Белый Ключ кроме того, что «в церкви во время исповеди начинает с колхозов “в колхоз не ходи, бог вне колхозов”», в антиколхозных целях ездил в село Зимненки и «установил связь с попом с. Ермоловки, который после этого провел перепись верующих». Райкомом ВКП(б) также было «установлено участие попа с. Мордова в руководстве подпольным собранием против колхозов». Для того, чтобы снизить значение «религиозного» фактора, власти демонстрировали борьбу с антирелигиозными «перегибщиками», носившую во многом формальный характер. Так, в отношении председателя колхоза имени Яковлева (село Зимненки), посылавшего «попа» «ловить на мельнице крыс и на лесоразработки», решение окружкома ВКП(б) было — «снять» с «председательствования», но... «если хор. работник перевести в другое село...»²⁶.

В татарском селе Уразовка, информировала сводка Карсунского райкома ВКП(б) за 18 марта, «женщины и часть мужчин самовольно сменили Пред. Сельсовета (он же и председатель колхоза. — Л.Л.),

заявили ему, что «коммуниста им в колхоз не надо, и нам нужно посадить своего человека»». Там же 15 марта на общем собрании была выбрана комиссия, которой поручили осмотреть «занимаемый Красным Уголкем ²⁷ дом (бывший муллы), после осмотра означенного дома Кр. Уголок выгнали и вселили муллу. После чего колхозников стали выгонять кулаки из своих домов и сами вселились». В ответ райкомом ВКП(б) незамедлительно были приняты меры — «на место высланы Нач[альник] РАО и Следователь». Расследовались, сообщала сводка за 19—21 марта, и «вопрос» о выселении муллы из собственного дома, отведенного под «красный уголок», и «вопрос» «кулаков, вселившихся самовольно в свои дома». Последних уполномоченный «взял» до всякого «расследования», а их семьям было «предложено выселиться». В связи же с отстранением председателя колхоза жителями села Уразовка, секретарь райкома ВКП(б) Каравачев заявил: «будем восстанавливать»²⁸. Это, несмотря на то, что накануне констатировал: «Настроение напряженное», так как на 25 марта крестьяне некоторых сел (в частности, Вырыпаевки) ожидали восстания. В силу этого среди них креп нравственно-религиозный авторитет священников. В сводке райкома ВКП(б) за 19—21 марта указывалось, что, когда в село Чуфарово «приехал поп неизвестно откуда, Чуфаровский церковный совет встречал на тройке, попа поместили в б. Красным Уголке (около церкви)»²⁹.

Сильные антиколхозные настроения, опиравшиеся на нравственно-религиозные основы, сохранялись в Карсунском районе и далее. Из сводки на 24 марта 1930 г. следовало, что из села Мордово-Белый Ключ «приезжала делегация женщин с требованием отпустить им попа (поп взят Уполномоченным ОГПУ дня три назад)». В райкоме ВКП(б) полагали, что с «приездом нового попа» в село Чуфарово был связан выход из колхоза 85 хозяйств, хотя 21 марта там был принят новый устав, которой «подписали 106 х-в». В деревне было ощущение, что власти придется сделать еще большие отступления от политики коллективизации. Тем более, что возникали сомнения в устойчивости самой власти. Сводкой райкома ВКП(б) было отмечено, что в селе Криуша «распространяются слухи среди женщин, о скором падении соввласти». А на вопрос, почему не вступают в колхоз, обычно «выставляли» следующие соображения: «1) обождем до осени, посмотрим, что выйдет с колхозом, 2) когда все село будет в колхозе, 3) что скоро падет советская власть, 4) боязнь, что заставят не ходить в церковь, 5) государство отберет от колхозов весь хлеб, а мы помрем с голода». В селе Зимненки, фиксировала сводка, крестьяне в колхоз не вступали, так как полагали, что «партия и советская власть пошла уступать, ждут дальнейших уступок». В селе Вешкайма имелись такие «разговоры о решении ЦК и ОК ВКП(б)»: «Вот видите нам мужики говорили правильно, что в колхоз торопиться не надо». А колхозникам говорили: «Что Вы лезите в колхоз, все равно все колхозы разнесут в дребезги, вон смотрите постановления ЦК и ОК об этом пишут»³⁰.

Неприятие колхозов в левобережье округа, так же как в правобережье, во многом коренилось в нравственно-религиозной плоскости. В сводке Заволжского райкома ВКП(б) г. Ульяновска ³¹ на 22 марта отмечалось, что «на почве закрытия церкви были волнения», и едва не срывались собрания. На одном из них крестьяне заявили: «Откро-

ете церковь все пойдем в колхоз». На тот момент в колхозе имени Ворошилова из 680 осталось 274 хозяйства, и это, несмотря на то, что решения ЦК и ОК ВКП(б) райкомом «прорабатывались» на двух собраниях и они были «одобрены», а «случаев искривления партлинии не было»³².

В сводке Чердаклинского райкома ВКП(б) по состоянию на 14 марта 1930 г. отмечалось, что в районе «появились бродячие нищие, ведущие агитацию против колхозов и говорящие, что колхозы — детище антихриста». Один из них тут же был «взят». Для профилактики аресту подвергались и все те, кто, по мнению власти, мог вести такую агитацию. Отстаивая свои религиозно-нравственные устои, крестьянство спланивалось в противостоянии политике раскрестьянивания деревни. В селе Помряскино (Дмитриево-Помряскино) (сводка на 17 марта) на колхозное собрание приходили «по 3-4 члена семьи, желающих уйти из колхоза и производили срыв собрания...», заявляя: «Вы закрыли церковь, требуем ее открытия». И районной власти пришлось послать в село «для расследования Нач[альника] РАО». Крестьянам было «разъяснено», что «церковь не закрыта, т.к. Краем закрытие не утверждено»³³.

Религиозно-нравственные репрессии были важнейшей причиной неприятия деревней социалистической реконструкции ее жизни и в Старомайском районе. В сводке райкома ВКП(б) за 22 марта отражалась борьба крестьян, особенно женщин, за прежние духовно-нравственные символы. В селе Кокрять, где «колокола сняты, находятся около церкви. Рудметаллторг не берет», проявив настойчивость, «женщины подняли обратно колокола». В селе Старая Майна также «собрание около 1000 женщин постановило колокола поднять обратно»³⁴.

В Кошкинском районе, особенно пестром по национально-религиозному составу населения, начиная с 9 марта 1930 г. выступления происходили почти по всему району, охватывая, главным образом, северную и восточную его части. Все местные работники «были брошены на ликвидацию событий», кроме того, были вызваны аппаратчики из соседнего Малыклинского района, где волна «событий» ослабевала, с отрядом милиции в 11 человек и тремя красноармейцами, в Кошкинский район были направлены и работники округа. «События» в селе Новое Фейзуллово этого района развернулись во второй половине марта, по мнению местной власти, в результате того, что «кулаки», муллы «в своей контр-революционной работе... использовали новые методы организации женщин». Пользуясь «их темнотой, забитостью и религиозностью», они распускали слухи: «насилно закроют мечеть», «женщинам отрежут волосы, снимут штаны», «на лоб будут класть печать», «отберут и увезут детей», «возьмут корову, овец и весь скот, а самих посадят на голодный паек». «Запугивая» женщин такими «разговорами и слухами», в то же время эти «контрреволюционные элементы» говорили: «Женщинам ничего не будет, идите на собрание и голосуйте против, не давайте говорить докладчикам»³⁵.

С 13 по 19 марта местная власть проводила в селе Новое Фейзуллово много различных собраний с целью успокоить население и остановить распад колхоза. Однако на всех собраниях противниками колхозов, с одной стороны, продолжались попытки «очернить» сельский

актив, осуществлявший насилия зимой в период «бури и натиска», а с другой (особенно на женских) — выдвигалось требование освобождения мулл и возвращения им имущества ³⁶.

В селе Старое Фейзуллово вечером 16 марта 1930 г. «неизвестно кем» было созвано собрание, на котором присутствовала «масса людей», в том числе много женщин. Собрание постановило «распустить колхоз, возвратит семена [крестьянам], освободить мечеть из под школы и клуба, поставить вышки [минареты] на мечети, возвратит кулакам имущество». Следствием было установлено, что «агитацию против советской власти, в частности — за неотобрание мечети вел мулла Шамизов, увязывая неразрывно вопрос о мечети с вопросом о колхозе, если не будет колхоза, — останется мечеть», что «агитация велась еще в конце 1929 г.» и что «у муллы собиралось много мужчин и женщин» ³⁷.

В другом татарском селе — Старая Тюгальбуга — массовые волнения, в которых активное участие принимали женщины, происходили в период с 9 по 12 марта 1930 года. Особенно активны были представительницы пострадавших в ходе коллективизации крестьянских хозяйств ³⁸. В эти же дни (9—12 марта) по селу были разбросаны «объявления» с требованиями: «Возвратить отобранные мечети»; «Приделать магара ³⁹ к мечети»; «Мулла и азанчи ⁴⁰ [должны] работать по старому»; «Возвратить лишенцам отобранное у них имущество в целом»; «Возвратить собранные семена по хозяйствам»; «Возвратить тракторные задатки ⁴¹ плательщикам» и т.д. Но многое звучало и открыто. В составленном 5-й колхозной бригадой списке за 66 подписями была приписка: «От колхоза отказываемся; от власти Советов не отказываемся; Да здравствует Советская власть. Почему насильно тащите? Почему магара сняли? кого спрашивали?» Власти воспринимали эти требования, как свидетельство того, что «кулаки и церковники пытаются дать массовым выступлениям характер кулацкого контрреволюционного выступления». На другой день — 13 марта — рано утром без ведома и разрешения сельсовета были проведены собрания по бригадам. Однако пока обсуждался вопрос «как выступать дальше», часам к десяти у сельсовета образовалась толпа человек в 800 (среди них были и 50 женщин, пришедших из села Вороний Куст) с требованием: «В колхоз мы не хотим, давайте нам список и колхозную печать». В нетерпении «несколько человек ворвались в сельсовет сломали стол и хотели учинить самосуд над Председателем». В это время в село въехали три красноармейца, но это привело к тому, что толпа, увидев красноармейцев, «стала держаться более вызывающе»: больше крика, шума. Люди стали расходиться лишь после угрозы начальника окружного административного отдела Кашеварова «в 10 минут разойтись, иначе зачинщиков сейчас же будут судить». Однако крестьяне «шумели еще дня 2». «Успокоение» же в селе наступило только после того, как власти «произвели изъятие кулаков» и объявили, что «завтра будут рассматривать заявления [о выходе из колхоза]» ⁴². Выступление в селе Старая Тюгальбуга координировалось с жителями не только села Вороний Куст, но и других сел. Так, активным организатором проявил себя Минвали Минибаев, «сын бывшего волостного судьи, исключенного из партии как чуждый элемент». В Тюгальбуге, во время происходивших в районе событий, у него был

«центр», где «собирались все зажиточные и от него шли в села с кулацкими требованиями к Совету». Было установлено, что Минибаев был в селе Старое Фейзуллово и вернувшись, говорил в мечети, что и в нем скоро выступят ⁴³.

На собрании в селе Верхняя Тюгальбуга 14 марта 1930 г., на котором присутствовало 200 чел., с докладом о революционной законности и колхозном строительстве выступил помощник прокурора. Последовавшие затем вопросы к докладчику и выступления крестьян сводились к тому, что «в колхоз нас записали насильно». Говорили не только о том, что «в колхозе непосильные налоги, берут за трактор, берут за семена, сено, солому, гонят возить дрова, а деньги нам на руки не дают», но и о том, что «в колхозе отнимают у нас религию, а без религии мы жить не можем». Приняв соответствующую резолюцию, «как в Старой Тюгальбуге», собравшиеся «разошлись по домам» ⁴⁴.

В чувашском селе Вороний Куст «выступление» произошло 13 марта 1930 года. В тот день, когда из Старой Тюгальбуги вернулись 50 женщин, принявших участие в событиях в этом селе и, как полагали власти, «получивших урок массового выступления против колхоза» ⁴⁵. В пять часов вечера у сельсовета в большом возбуждении собралось 150 человек. Находившиеся в сельсовете местные партийцы и работники из района оказались «под большой угрозой расправы». Собравшиеся требовали «выдачи на расправу» председателя правления колхоза, члена ВКП(б) Четкасова ⁴⁶. Однако у них были и более серьезные требования — «распустить колхоз, дать списки [колхозников], дать печать, отпустить арестованного за сопротивление средняка Ахтямова Федора». Требовали также справок о выходе из колхоза. Произошло столкновение с «активом», который быстро «терял силы». Лишь прибытие двух милиционеров и начальника окрадомтдела Кашеварова «прекратило напор толпы», которую «удалось рассеять, уговорить разойтись». В последующие дни «толпа лишь собиралась, шумела», а властью с ней «проводилась раз'яснительная работа» ⁴⁷. В антиколхозных выступлениях крестьян выделялась руководящая и организующая роль «лишенцев». Отмечалось, что «наибольшее участие в производимых в Вороньем Кусту беспорядках принимали гр-не Антонов Евдоким и Максимов Осип — по хозяйству маломощные средняки в настоящее время, причем Максимов Осип — сын бывшего отрубщика — до фанатизма предан религии» ⁴⁸. Проведенным следствием было установлено, что «указанные лица брали руководство выступлениями и организованно группировали вокруг себя проводя совместные тайные собрания с участием посторонних — из других сел — граждан, как собрание у Максимова Осипа в ночь на 22 марта 1930 г.» ⁴⁹.

Гонимая властью церковь, в условиях начатого форсированного раскрестьянивания, оказалась естественным духовно-нравственным и даже организационным центром сопротивления крестьянского мира политике его «социалистической реконструкции». Это косвенно признавала и местная власть. В «циркуляр-директиве» от 27 марта 1930 г. Ульяновского окружного комитета ВКП(б) своим районным комитетам указывалось, что «кулак продолжает попытки использовать колебания середняка, цепляется [за] каждое промедление [в] исправле-

нии ошибок, [в] наибольшей степени кулацкая агитация развертывается вокруг имеющихся головотяпств закрытия церквей, мечетей, снятия колоколов как базу для дальнейшего контрнаступления [и] полного срыва коллективизации, для провала ликвидации кулака пытаются спровоцировать крестьян на массовые выступления^{50»} 51.

Церковь, таким образом, явилась важным духовно-нравственным и организационным компонентом в «событиях» января-марта 1930 г. — противодействию проводимой коммунистической властью политике раскрестьянивания деревни. Усиление традиционных нравственных ценностей, освящаемых церковью, в ходе сопротивления аморальной политике коллективизации способствовало и тому, что власть оказывалась нелегитимной: ее действия не одобрялись большинством населения — крестьянами, так как для их значительной части ни действия власти, ни их моральная основа не соответствовали традиционным народным нравственным ценностям, представлениям о добре, справедливости, совести. В том числе и поэтому власти понадобились массовые репрессии в последующие, и не только 1930-е годы.

Примечания

1. Для него характерно наличие церквей различных религий.
2. Цитаты приводятся с сохранением стилистики, орфографии и пунктуации архивных документов.
3. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 3, оп. 1, д. 777, л. 80.
4. Там же, л. 50, 52—52об.
5. Там же, д. 778, л. 66, 67.
6. Там же, л. 67об.
7. Там же, д. 777, л. 40.
8. Там же, л. 89.
9. Там же, л. 56.
10. По сводкам ОГПУ в феврале 1930 г. в стране произошло 736 крестьянских выступлений против коллективизации с участием 220 тыс. чел. и 1487 волнений, вызванных гонениями на церковь. http://www.oldmikk.ru/Page3_let_turma_antikolhoz.html
11. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 777, л. 31, 80.
12. По представлениям местных аппаратных работников, колхозное строительство в начале 1930 г. имело несколько «периодов»: период «бури и натиска» (продолжался с начала насильственной коллективизации до возникшего «головокружения от успехов»), период «отлива-прилива» (с момента фиксации «головокружения от успехов» до 25 марта), период «стабилизации» (после 25 марта).
13. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 780, л. 32—32об.
14. Там же, л. 85—85об., 125об.
15. Там же, л. 75об., 121об.
16. 8 февраля 1930 г. Пий XI в письме кардиналу Помпилиу осудил христианские гонения в СССР. 19 марта 1930 г. Пий XI отслужил специальную мессу в поддержку преследуемых католиков СССР, осудил убийства священников и «моральное развращение молодежи», что было интерпретировано Москвой как объявление «крестового похода» против СССР. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D0%B9_XI. Видимо, глава римско-католического церкви воспринимался как защитник всего христианства, а оставшиеся в колхозах, воспринимались как поддерживающие безбожную власть, гонения христианства, как порывающие с традиционной нравственностью.
17. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 780, л. 86об.

18. Там же, л. 35, 77.
19. Богдашкинский райком ВКП(б), отмечая в сводке за 16 марта переход на новый устав 24 колхозов района из 27, констатировал их продолжающийся распад. Там же, л. 62.
20. Там же, л. 62, 108об.
21. Там же, л. 133—133об.
22. Там же, л. 104, 157.
23. Там же, л. 36—36об.
24. Там же, л. 150об.
25. Там же, л. 80, 93об., 156об.
26. Там же, л. 89—89об.
27. Помещение, отведенное под нужды агитации и политического просвещения.
28. Там же, л. 110, 114об.
29. Там же, л. 110об., 114.
30. Там же, л. 154—154об.
31. В состав Заволжского района г. Ульяновска входили: поселок Верхняя Часовня, Заволжский рабочий поселок и 3 слободы: Королевка, Канава и Нижняя Часовня. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Заволжский_район_\(Ульяновск\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Заволжский_район_(Ульяновск)).
32. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 780, л. 145—145об.
33. Там же, л. 38, 83, 90, 111.
34. Там же, л. 99, 134об.
35. Там же, д. 777, л. 42, 81, 82.
36. Там же, л. 84.
37. Там же, л. 43об.
38. Там же, л. 42а.
39. Правильно — манара (араб. «маяк») или минарет (в архитектуре ислама башня, с которой муэдзин призывает верующих на молитву).
40. Служитель мечети, синоним слова «муэдзин».
41. В целях увеличения средств, вкладывавшихся в производство тракторов, была введена практика предварительного сбора задатков на машины путем распространения среди крестьян, так называемых тракторных обязательств. Распространялись они фактически принудительно. С 10 февраля по 10 марта 1930 г. по стране было собрано 61,2 млн руб., что составляло более 80% общей стоимости выпущенных тракторных обязательств. <http://xreferat.ru/35/8706-1-kolhoznoe-pravo-rossii.html>.
42. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 777, л. 42, 86.
43. Там же, л. 42б.
44. Там же, л. 87.
45. Села были меньше, чем в полуверсте друг от друга (верста = 1067 м).
46. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 777, л. 87.
47. Там же, л. 42в.
48. Там же, л. 43.
49. Тогда, поздним вечером 21 марта, в доме у Максимова было обнаружено собрание из 9—10 чел., мужчин и женщин, которые «при опросе их давали сбивчивые показания, называли себя ненастоящими фамилиями». Там же, л. 43.
50. Всего ОГПУ насчитало по стране в марте 1642 массовых выступления против коллективизации с участием 750 тыс. человек. http://www.oldmikk.ru/Page3_let_turma_antikolhoz.html.
51. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 777, л. 24.

Русская военная пропаганда в США в годы первой мировой войны

И.В. Объедков

Столетняя годовщина начала первой мировой войны является серьезным информационным поводом для обращения к истории деятельности официальных лиц и учреждений, занимавшихся информационным сопровождением боевых действий русской армии в 1914—1918 годах.

Вклад военного ведомства, включавшего в себя структурные подразделения Военного министерства, а также созданного в связи с началом военных действий Штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки) в организацию русской зарубежной военной пропаганды в 1914—1918 гг. к настоящему времени остается малоизученным. Автор статьи разделяет точку зрения британского политолога Л. Доува, и рассматривает пропаганду как систематические попытки заинтересованной группы лиц контролировать настроения целевых групп общественности способом внушения с тем, чтобы впоследствии установить контроль над их действиями ¹.

Практический опыт русского военного ведомства в организации внешнеполитической пропаганды в годы первой мировой войны стал объектом внимания руководства Красной Армии уже в 1931 г., когда для служебного пользования была впервые издана книга бывшего сотрудника Разведывательного Управления РККА К.К. Звонарева (Звайгзне). Ее восьмая глава — «Агитация и пропаганда» — в сжатой форме рассказывала о создании военным ведомством телеграфного агентства «Норд-Зюд», но пропаганду в США обошла молчанием ².

Никаких сведений об информационной деятельности военного ведомства нет и в статье Э.В. Летенкова, написанной на основе документов Центрального государственного исторического архива Ленинграда ³.

Хронологические рамки исследования Е.Г. Костриковой не позволили ей обратиться к теме совместной пропагандистской деятельности МИД и Военного министерства в зарубежных странах ⁴.

Объедков Иван Валентинович — кандидат исторических наук, доцент Московского городского педагогического университета (МГПУ).

Не коснулся темы русской зарубежной пропаганды в период первой мировой войны и Н.Л. Волковский⁵. И.А. Жданова обратила внимание на повышение с 1916 г. роли Генерального Штаба в сфере зарубежной пропаганды, но не стала рассматривать ее особенности в разных странах⁶.

Единственной современной книгой, затронувшей тему русских пропагандистских мероприятий в США в 1914—1918 гг., стала документальная публикация А.Б. Асташова⁷. Имидж Российской империи и ее вооруженных сил в представлениях американцев после русско-японской войны 1904—1905 гг. был в значительной степени негативным⁸. В связи с этим, после вступления России в мировую войну перед ней встала серьезная проблема противодействия разрушительному информационному влиянию внешних сил, стремившихся к нагнетанию социально-политической напряженности в империи, ослаблению ее изнутри, и, в конечном счете, к победе над ней.

Значительную роль в формировании негативного имиджа России в США сыграли еврейские иммигранты, не простившие самодержавию погрома в Кишиневе в 1903 г. и других подобных акций⁹. В «Отчете о деятельности Дипломатической Канцелярии за первые 6 месяцев войны (с 26 июля 1914 г. по 1 февраля 1915 г.)», составленном в Штабе Верховного Главнокомандующего к 15 мая 1915 г., есть ссылка на предупреждение российского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа о вероятности развертывания за рубежом «газетной кампании против России со стороны всей еврейской прессы, против которой необходима борьба в печати»¹⁰. Накануне войны еврейские организации США сумели нанести заметный ущерб русской внешней торговле. Это осложняло размещение русских военных заказов в Соединенных Штатах. В апреле 1916 г. посол США в Петрограде Д.Р. Фрэнсис, не сумевший добиться подписания нового торгового договора, обвинил в своей неудаче американских евреев¹¹. Правоту Фрэнсиса подтверждает письмо американского общественного деятеля Генри Грина. 30 марта 1917 г. он поздравил с назначением военным и морским министром новой России А.И. Гучкова. Грин оправдывал свою предвоенную антироссийскую деятельность стремлением «повредить... самодержавию и плутократии, угнетавшей большие массы русского народа»¹².

К развертыванию пропаганды в Америке, русское военное ведомство вынуждали и разработанные в 1914 г. в МИД Германии планы разжигания социально-политической напряженности в российских регионах с использованием сложившихся там межнациональных противоречий. В 1916 г. в США открылся филиал созданной в Германии Лиги нерусских народов России¹³. Еще одной причиной русской военной пропаганды в Северной Америке стало представление Соединенными Штатами интересов Германии и Австро-Венгрии в России после начала первой мировой войны¹⁴. В связи с этим американцы получили доступ к негативной информации о нарушении русскими войсками международных соглашений о ведении войны. Одним из таких нарушений стало убийство группы германских пленников казаками 6-го Донского полка 8 июля 1916 года. Найденная немцами полевая книжка полковника Мамонтова с копией донесения о случившемся, стала поводом для передачи 17 августа 1916 г.

посланником США в Петрограде Фрэнсисом министру иностранных дел С.Д. Сазонову протеста германского МИД. Серьезной проблемой, подрывавшей имидж русской армии в глазах нового американского союзника, стало стремление русских офицеров, терявших дисциплинарную власть в связи с приказом Петроградского Совета № 1, перейти на службу инструкторами в растущую армию США. 8 мая 1917 г. исполнявший обязанности начальника штаба Войска Донского генерал Янов телеграфировал из Новочеркасска в Главное Управление Генерального Штаба Военного министерства о получении запросов казачьих офицеров, «не требуются ли офицеры для американской армии»? Кроме того, к 31 июля 1917 г. в ГУГШ скопилось несколько десятков заявлений офицеров, надеявшихся попасть на службу в русские военные учреждения в Америке ¹⁵.

После вступления США в войну в апреле 1917 г. выяснилось, что русская военная пропаганда в этой стране нужна не только русскому военному ведомству, но и администрации президента В. Вильсона. 24 августа 1917 г. представитель русской армии генерал-лейтенант В.Х. Рооп в «Отчете о поездке по Соединенным Штатам Америки» писал: «... с первых дней путешествия было видно, что Правительство Соединенных Штатов Америки... имело главной целью использовать мое пребывание в стране как генерала союзной армии, пробывшего все время войны на фронте, для возбуждения воинственного настроения в стране и для поощрения в ней подготовки к энергичной войне, пропагандируемой Президентом». По словам Роопа, в Соединенных Штатах имели место «вспышки пропаганды, противодействующей... отбыванию воинской повинности». Количество американцев, желавших на законных основаниях избежать воинской повинности, возросло до 70%, и даже командовавший американскими войсками во Франции генерал Першинг «в одной беседе с представителем прессы выразил сожаление о недостаточно теплом отношении американского народа к войне» ¹⁶.

До войны Военное министерство участвовало в формировании внешнеполитического имиджа России при помощи русских военных агентов за границей. Отступление русских войск по всему Восточному фронту, начавшееся в апреле 1915 г., подтолкнуло Ставку к решению о создании собственного пропагандистского учреждения, действующего независимо от МИД и его дипломатических представительств за рубежом.

В июне 1915 г. к начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу обратился бывший корреспондент американского агентства «Ассошиэйтед Пресс» в Царстве Польском, сотрудник Разведывательного отделения Второй армии (РОВА) Иосиф-Сигизмунд Александрович Наимский. Он представил проект организации при Ставке «особого осведомительного агентства» для противодействия германским, австрийским и турецким информационным учреждениям в нейтральных странах. Новое агентство по предложению Наимского получило название «Норд-Зюд». Проект с самого начала предусматривал возможность распространения деятельности агентства на США. С 27 июля 1915 г. по 1 сентября 1916 г. «Норд-Зюд» подчинялось Ставке, а затем оно было передано в ГУГШ. В начале октября 1916 г. Наимский, поддержанный руково-

директором Петроградской конторы «Норд-Зюд» В.П. Залесским, в докладной записке «Задачи агентства “Норд-Зюд”» обратил внимание ГУГШ на переход германо—австрийских агитаторов к обработке общественного мнения в США, подчеркнув заинтересованность Германии и Австро-Венгрии в «получении отсюда продовольствия и сырья». Наимский предложил распространить деятельность агентства «Норд-Зюд» на США через одно из двух американских телеграфных агентств — «Ассошиэйтед Пресс» или «Юнайтед Пресс», которые охарактеризовал как «прекрасно организованные предприятия, располагающие сетью отделений во всех городах Северной и Южной Америки, обслуживающих печать всех лагерей и политических направлений»¹⁷.

26 октября 1916 г. в докладе по ГУГШ № 20254 генерал М.И. Занкевич поддержал инициативу Наимского и Залесского. Он предложил назначить агентом «Норд-Зюд» в Америке человека, преданного интересам России, знакомого «с пружинами американского общественного мнения и вкусами местной читающей публики». Кандидатура бывшего второго секретаря российского посольства в Вашингтоне, чиновника канцелярии МИД Андрея Ивановича Калпашникова-Камака, очевидно, стала компромиссом между Военным министерством и МИД. На следующий день, 27 октября 1916 г., начальник Генерального Штаба П.И. Аверьянов утвердил доклад Занкевича и санкционировал учреждение филиала «Норд-Зюд» в США. 3 декабря 1916 г. Калпашников-Камак выехал к новому месту службы. Приехав в Америку он с помощью владельца частного информационного бюро Дж. Уилера (J.H. Wheeler) снял помещение в здании «World Building», нанял нескольких служащих, открыл счет в банке и официально зарегистрировал «Nordsud Agency». Он также установил деловой контакт с крупным газетным синдикатом «International News Service», пожелавшим приобрести исключительные права на распространение бюллетеней «Норд-Зюд». Калпашников взял на себя обязательство в течение месяца ежедневно передавать синдикату тексты телеграмм, приходивших из Петрограда¹⁸.

Перебои в получении телеграмм и невысокое качество поставляемой Петроградом информации быстро разочаровали американских партнеров из «International News Service», прекративших сотрудничество с «Норд-Зюд». Раздосадованный Калпашников-Камак в одностороннем порядке расторг договор с ГУГШ и в конце марта 1917 г. выехал в Россию¹⁹.

В ходе организации работы нью-йоркского отделения «Норд-Зюд» ГУГШ обратилось за помощью к журналисту С.Н. Сыромятникову, работавшему в США по заданию русского МИД с марта 1915 года. 17 февраля 1917 г. он составил доклад «Североамериканская печать», в котором дал обзор американской прессы за два истекших года. Для проникновения в мир американской журналистики Сыромятников воспользовался помощью известного банкира и газетного магната Якоба Шиффа, получив от него рекомендации к другим газетным предпринимателям. Согласно донесению Сыромятникова в ГУГШ, в 1915 г., к моменту его приезда в Соединенные Штаты, в этой стране издавалось 29 422 наименования газет, из которых не менее 140 — на немецком языке. Самой влиятельной

Сыромятников назвал нью-йоркскую печать, имевшую «наиболее тесные связи с Европой»²⁰.

Представляя Генеральному Штабу обзор газет, издававшихся в США, Сыромятников классифицировал их по четырем категориям: дружественные по отношению к России, враждебные, нейтральные, и, наконец, враждебные ранее, но к началу 1917 г. перешедшие на нейтральные позиции. В качестве одной из важнейших характеристик Сыромятников выделил отношение американских газет к еврейским общественным организациям.

К немногим дружественным газетам Сыромятников отнес «The New York Herald» и «The New York Tribune». Газетой «The New York Herald» владел проживавший в Париже и расположенный к России Джимми Гордон Беннет. В декабре 1916 г. тираж газеты составлял 98,7 тыс. экземпляров, а тираж ее вечернего приложения «The Evening Telegram» достигал 223,8 тыс. экземпляров. Редакция «The New York Herald» располагала широкими международными связями. Сыромятников с сожалением писал о падении влияния этой газеты в течение последних лет. «Частое преувеличение успехов союзников в обеих газетах вызывало шутки в американском обществе и не служило к нашей выгоде», — замечал он²¹.

Газету «The New York Tribune» с тиражом 82,5 тыс. экземпляров Сыромятников считал перспективной, подчеркивая ее растущее влияние. Он назвал ее органом «молодой и бодрой Америки». Ее главный редактор Франк Х. Саймондс, по словам Сыромятникова, считался лучшим знатоком военного дела в Америке. Газетой владела семья Рейд, породнившаяся с британской аристократией и симпатизировавшая России. Газета «боролась с еврейским влиянием на американские дела»²². Основная часть влиятельных газет США, по мнению Сыромятникова, имела антироссийскую направленность.

Газета «The New York Times», названная им консервативной, была собственностью Адольфа Окса, ловкого дельца, начавшего свою карьеру мальчиком разносчиком газет. Тираж газеты достигал 318,3 тыс. экземпляров. Сыромятников считал ее умеренно антироссийской. Совокупный тираж газеты «The New York American» и ее вечернего приложения «The Evening Journal» в декабре 1916 г. достиг 1,1 млн экземпляров. Они принадлежали Уильяму Рэндольфу Херсту, владевшему также газетами в Бостоне, Чикаго, Сан-Франциско и Атланте. «Личный враг президента Вильсона» Херст «в начале войны... решительно стал на сторону Германии, в прошлом году сделался нейтральным, но требовал прекращения войны во имя цивилизации, то есть в сущности, исполнял изменившуюся немецкую программу». Газета «The Evening Post» представляла интерес для русской пропаганды, поскольку была популярна в университетских кругах. Однако ее владельцем был личный друг германского посла в США графа Бернсдорфа Освальд Уиллард, а сама газета «всегда была враждебна России». Ее передовицы принадлежали перу эмигранта из Вильны «талантливого еврея» Симеона Струнского²³.

Газета «The Evening Mail», издававшаяся С. Мак-Клюром, откровенно отстаивала германские интересы. «The Globe» являлась газетой для школьных учителей, очень сентиментальной и враждебной России²⁴.

Единственной нейтральной газетой в обзоре Сыромятникова оказалась «The Sun». Она «ближе, чем какая-либо другая газета», стояла «к денежным кругам Wall Street» или, точнее, к «буржуазно-консервативным элементам страны». Ее утреннее издание в декабре 1916 г. расходилось в количестве 66 тыс. экземпляров, а вечернее — в количестве 140 тысяч. «Передовые статьи “Sun” отличались талантливостью и остротой критики, отдел иностранных известий поставлен очень ... хорошо». Издавал газету Уильям Рейк, представлявший интересы известного американского капиталиста Джеймса Стиллмана. Сыромятников подчеркивал, что газета не заигрывает с толпой²⁵. Некоторые американские газеты в 1915 г. были антироссийскими, но к началу 1917 г. изменили свою позицию.

Давая характеристику газете «The World», Сыромятников утверждал, что она является «самой распространенной среди влиятельных нью-йоркских газет». Ее утреннее издание в декабре 1916 г. имело тираж 391,2 тыс. экземпляров, а вечернее — 403,8 тысячи. Влияние «World» на американское общественное мнение обуславливалось талантом главного редактора Фрэнка Кобба, пишущего в газете передовые статьи. «В начале войны “World” был нейтральным и в пределах приличия благоприятным для Германии, в 1915 г. он начал обличать немецкие интриги в Штатах. “World” — орган президента Вильсона и его самый горячий защитник»²⁶.

Газета «The Press» была собственностью Фрэнка Мэнси, основателя и издателя «Munsey Magazine», и газет: «Baltimor News», «Washington Times», «Philadelphia Evening Times». Мэнси был связан с могущественным стальным трестом «The United States Steel Corporation». По данным Сыромятникова, Мэнси купил «Press» для защиты германских интересов, но ему не удалось увеличить ни ее тираж, ни политическое влияние. В феврале 1917 г. Мэнси был, «вероятно, на стороне союзников». Сыромятников собрал информацию и о газетах, выходивших в других городах США. «Из печати других городов Америки имеют значение “The Chicago Tribune” (за немцев), “The Philadelphia Public Ledger” и “The North American”, обе издаются в Филадельфии, “The Herald”, “The Post”, “The Globe” и “The Transcript” — в Бостоне и “The Post Dispatch” — газета Пулицеров в Сент-Луисе»²⁷.

Давая характеристику американским информационным агентствам, Сыромятников указал: «...к известиям “United Press” относятся с большим вниманием. “Associated Press” обычно сообщает факты, “United Press” — мнения»²⁸.

Доклад по ГУГШ № 69140 от 16 июня 1917 г. свидетельствует о нарушении пропагандистских планов военного ведомства поспешным отъездом Калпашникова-Камака. Распространение в Америке материалов «Норд-Зюд» было прервано на целых три месяца. Только 16 июня 1917 г. генерал Н.М. Потапов смог телеграфировать военному агенту А. Николаеву в Вашингтон: «Находящийся в Америке Николай Николаевич Сергиевский будет работать вместо Калпашникова как агент Норд-Зюда». Согласно справкам, наведенным ГУГШ, Сергиевский был известным литератором, имевшим опыт редактирования журналов «Наша Старина» и «Родная Страна». 7 (20) июля 1917 г. Сергиевский выслал в ГУГШ донесение о первых результатах

своей работы, заверенное российским посланником в Вашингтоне И. Сукиным. Он подтвердил, что «телеграммы, ежедневно получаемые... из Петрограда о событиях войны и явлениях общественно-политической жизни, с содержанием каждой из коих г. Сергиевский осведомляет Русское посольство в Вашингтоне, — поступают в переводе на английский язык к представителям крупнейших в Соединенных Штатах Северной Америки газетно-информационных организаций “Associated Press” и “United Press”, обслуживающих: первая — 1100 газет и вторая — 750 газет. Содержание телеграмм действительно воспроизводится в Американских газетах». 16 октября 1917 г., незадолго до захвата власти большевиками, военный агент в Вашингтоне Николаев донес Генеральному Штабу о продолжении успешного сотрудничества с Сергиевским²⁹. Доклад по ГУГШ № 102005 от 16 января 1918 г. свидетельствовал, что «переворот 25 октября, передавший власть в руки большевиков, сопровождался временным перерывом телеграфных сообщений с заграницей. Кроме этой причины технического характера пришлось работу агентства «Норд-Зюд» прервать и по причинам политическим, так как неясность всех событий, протекавших в России, не давала фактического материала, соответствующего задачам агентства».

Поскольку Совет Народных Комиссаров приступил к передаче своих пропагандистских сообщений за границу по радио, подписавший этот доклад генерал П.Ф.Рябиков «принимая во внимание большую пользу, приносимую деятельностью агентства», предложил «возникший вопрос об участии агентства... решить в смысле сохранения его организации, но не возобновляя деятельности». Рябиков надеялся на возобновление работы «Норд-Зюд» и считал непроизводительным разрушать его устоявшуюся структуру³⁰. Организация пропаганды в США потребовала установления взаимодействия между различными ведомствами. В августе 1914 г. при МИД было организовано «Межведомственное совещание по выработке мер для борьбы негласным путем против распространения за границей вредных для наших государственных интересов ложных сведений о России и русской армии». В него вошли представители МИД, Военного и Морского министерств, Главного Управления по делам печати МВД, Министерства финансов и Петроградского телеграфного агентства³¹. В основу межведомственного взаимодействия легли рекомендации министра иностранных дел Сазонова. В секретном письме, направленном ему начальником Штаба Верховного Главнокомандующего (наштаверха) Янушкевичем № 2869 от 29 июня 1915 г. упоминается состоявшийся между ними ранее обмен мнениями по поводу создания новой организации, которой предстояло информировать зарубежную печать о боевых действиях в России, а также бороться с антироссийской пропагандой враждебных государств³².

В ответном письме, направленном Янушкевичу в середине июля 1915 г., Сазонов поделился своими соображениями. Он предупредил Янушкевича об ограниченности русского пропагандистского потенциала в силу отсутствия у России прочных экономических позиций в нейтральных странах. В связи с этим, Сазонов предостерег военное ведомство от копирования немецкого образца и создания крупной пропагандистской организации с многочисленным штатом сотрудни-

ков. Кроме того, по мнению министра иностранных дел, в России было трудно найти талантливых агитаторов среди министерских чиновников. Учитывая все это, Сазонов посоветовал малобюджетный вариант создания информационного агентства, ссылаясь на пример Германии, оказавшейся неспособной при всех своих финансовых возможностях достичь пропагандистских успехов ни в одной из нейтральных стран. Сазонов считал более продуктивным воздействие «на иностранное общественное мнение» путем хорошо продуманного и спланированного освещения военных действий и особенно — своевременного опровержения антироссийских вымыслов³³. В марте 1916 г. президент США Вильсон, взявший курс на сближение с Россией, назначил новым послом в Петрограде Фрэнсиса³⁴. В связи с этим, вопрос о перспективах русской пропаганды в США стал предметом совместного обсуждения представителей МИД и Военного министерства. Судя по всему, МИД, успевший в начале 1916 г. организовать информационное бюро в Нью-Йорке, не хотел выпускать из рук пропаганду в Америке, но не мог обойтись без информации о боевых действиях, которую могли предоставить только военные. В свою очередь, Военное министерство в лице Главного Управления Генерального Штаба оказалось не готово к развертыванию военной пропаганды без поддержки со стороны дипломатов. К лету 1916 г. оба министерства приступили к проведению межведомственных совещаний. Самым важным стало совещание, проведенное в Петрограде 15 июня 1916 г. под председательством начальника Генерального Штаба генерал-майора М.Н. Леонтьева. В совещании участвовали начальник канцелярии МИД и представитель Императорского Российского посольства в Вашингтоне³⁵. Отметив, что «для воздействия на население столь обширной страны, каковою является Америка, ... одного бюро совершенно недостаточно», совещание решило организовать второе бюро печати в Чикаго. В перспективе планировалось открытие третьего бюро в Сан-Франциско.

22 декабря 1916 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Половцов проинформировал начальника ГУГШ генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова о полученном им поручении председательствовать на новом межведомственном совещании 28 декабря в интересах «более широкого осведомления американского общества об истинном положении дел в России» и обсуждения организации информационных бюро в США. Состав участников расширился за счет привлечения представителей Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности, а также Министерства земледелия. От Военного министерства пригласили только исполнявшего обязанности генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора М.И. Занкевича³⁶. Скорее всего, зимой 1916—1917 г. русские дипломаты не считали нужным усиливать военную составляющую русской пропаганды в США.

Таким образом, основным партнером военного ведомства в сфере пропаганды в США в течение всей войны оставался МИД, располагавший для этого наиболее подходящими возможностями.

Цель русской пропаганды в США представлялась Ставке сравнительно простой. Нужно было привлечь на сторону России «симпатии одного из величайших нейтральных государств». В сентябре 1914 г. Ставка собиралась выполнить эту задачу путем обличения «всей германской лжи, помещаемой в американских газетах»³⁷.

В отчете о работе Дипломатической Канцелярии при Штабе Верховного Главнокомандующего за период с 26 июля 1914 г. по 1 февраля 1915 г. нет никаких сведений о распространении русских информационных сообщений в США. Ставка заняла пассивную позицию, допустив в сентябре 1914 г. на русско-германский фронт американского журналиста Стэнли Уошберна, ожидая, что именно он будет опровергать сообщения германских журналистов в американской прессе и создавать в США позитивный образ воюющей России³⁸.

Помимо С. Уошберна, в ноябре 1914 г. наштаверх Янушкевич допустил на фронт в качестве своего личного гостя владельца газеты «Чикаго Трибюн» Мак-Кормика, готовившего серию статей о фронтовом быте русских солдат³⁹.

После начавшегося в апреле 1915 г. отступления русских войск по всему Восточному фронту министр иностранных дел С.Д. Сазонов сообщил наштаверху Янушкевичу о придании русскими дипломатами особого значения информационному воздействию на американское общественное мнение. Упомянутое выше совещание представителей МИД и Военного министерства 15 июня 1916 г. взяло курс на «добросовестное» ведение русской пропаганды в США, без использования «приемов подпольной агитации». Совещание рассмотрело вопрос об организационной структуре русских бюро печати в США. Опыт работы бюро в Нью-Йорке привел к решению объединить в каждом из них работу двух журналистов, русского и американца⁴⁰.

Можно утверждать, что с июля 1914 г. до Февральской революции 1917 г. точка зрения военного ведомства на задачи русской пропаганды в США не менялась. 26 декабря 1916 г. начальник ГУТШ П.И. Аверьянов сообщил товарищу министра иностранных дел Половцову, что по-прежнему, видит цель «воздействия на общественное мнение в Северной Америке» только в противодействии «германской пропаганде»⁴¹. События на русско-германском фронте в течение 1917 г. изменили отношение Военного ведомства к задачам русской пропаганды. 18 сентября 1917 г. Ставка отправила в Генеральный Штаб телеграмму № 12475, подписанную ее генерал-квартирмейстером М.К. Дитерихсом, для публикации в петроградских газетах. В ней Ставка сформулировала новую пропагандистскую установку, ставшую последней в истории дооктябрьской армии: в России произошел величайший в мире государственный переворот, снизивший боеспособность русской армии; недавние бои на Северном фронте продемонстрировали начало процесса ее укрепления; попытки немцев дезорганизовать русскую армию провалились. Она продолжит воевать и исполнит свой долг перед союзниками⁴².

Ведение русской военной пропаганды в США имело свою цену. В июле 1915 г. министр иностранных дел Сазонов посоветовал Янушкевичу не брать примера с немцев и не создавать крупную и дорогостоящую пропагандистскую организацию. Тем не менее, МИД был готов финансировать пропаганду в США щедрее, нежели Военное министерство. На межведомственной совещании 15 июня 1916 г. управляющий отделом печати МИД Лысаковский предложил ежемесячно финансировать бюро печати в Нью-Йорке вместе с будущим бюро в Чикаго в размере 1 500 долларов. Эта сумма включала выплату воз-

награждения всем нанятым журналистам, а также выдачу обоим бюро по 500 долларов на расходы ⁴³.

МИД собирался нанять для работы в США публициста Башмакова, запросившего месячный оклад в размере 450 руб., и построчное вознаграждение по 20 коп. за публикацию в американских газетах его собственных статей ⁴⁴. Военное ведомство, не допустившее командировку Башмакова, оказалось более прижимистым. 27 октября 1916 г. генерал П.И. Аверьянов ограничил размер ежемесячного вознаграждения агенту «Норд-Зюд» в США суммой 400 рублей. Столько зарабатывал с декабря 1916 г. по март 1917 г. агент Калпашников-Камак. 23 марта 1917 г. русский военный агент в США А. Николаев телеграммой № 1051 уведомил ГУГШ, что выплатил Калпашникову за все время его пребывания в США 2200 руб., затем добавил еще 500 рублей и, наконец, в счет содержания за март и апрель 1917 г. — 300 долларов. Таким образом, командировка агента «Норд-Зюд» обошлась военному ведомству не слишком дорого ⁴⁵.

Сменивший Калпашникова агент Н.Н. Сергиевский свои услуги оценил высоко: «Время мне очень дорого, хлопот с бюллетенями у меня много, жизнь здесь очень дорога — условия вознаграждения должны быть достаточно солидны». Очевидно, он был постоянным клиентом нью-йоркского «National City Bank» и Вашингтонского «The Riggs National Bank», в которые попросил переводить свою зарплату ⁴⁶. Сергиевский договорился с ГУГШ о получении гарантированного минимума ежемесячного вознаграждения в размере 600 рублей. Эту сумму он получил и в июле, и в августе 1917 года ⁴⁷. Вместе с тем, условия, поставленные Сергиевским Генеральному Штабу 7 (20) июля 1917 г., характеризуют его как честного журналиста. Он мог согласиться с предложенным ему построчным гонораром по две копейки за каждую строку, публикуемую в американских газетах. Но Сергиевский объяснил начальнику ГУГШ: «Я имею дело с 1850 газетами... Если каждая газета поместит ежедневно хотя бы по 10—15 строк, то ежедневный гонорар составит 370—550 р., что в месяц даст непомерно большую сумму в полтора десятка тысяч рублей. Я желал бы установить... более скромные, но вполне определенные нормы: ежемесячное вознаграждение 500 р. и в счет гонорара ежемесячно столько же, а всего 1000 р. в месяц, что по казенному курсу... составит 500 долларов, каковую сумму я и желал бы получать именно в долларах независимо от курса. Кроме того, Вы возмещаете мне в долларах мои расходы по посылке мною вам каблогграмм (из расчета 46 центов за слово)» ⁴⁸.

Сергиевский также указал Генеральному Штабу на чрезмерную дороговизну ведения отчетности путем высылки в Россию вырезок из американских газет. «Я хотел бы подписаться в бюро газетных вырезок, но это составит непроизводительный крупный расход, т.к. 100 вырезок стоят 5 долларов, а если я закажу все вырезки, в которых упоминается Россия (а ограничить более точной категорией заказ невозможно), то мне ежедневно будут доставлять вырезок долларов на 5—10, т.к. сведениями о России полны все газеты» ⁴⁹.

При этом, Сергиевский был не патриотом России, а скорее добросовестным наемником, воспринимавшим интересы агентства «Норд-Зюд» как интересы не «нашей», а «вашей информационной организации» ⁵⁰.

В октябре 1917 г. Сергиевский попросил об увеличении своего оклада до тысячи в месяц, мотивировав это низким курсом рубля и разрастанием американского отделения агентства «Норд-Зюд». Однако Генеральный Штаб, учитывая большое количество газет, в которых публиковался агент, продолжал выплачивать Сергиевскому 500 руб. ежемесячного вознаграждения и 500 руб. ежемесячного почасового гонорара. В итоге за сентябрь и октябрь 1917 г. ему начислили выплату в размере только двух тысяч рублей. Согласно докладу по ГУГШ № 102005 от 16 января 1918 г., за работу в ноябре и декабре 1917 г. Сергиевскому было начислено еще две тысячи рублей⁵¹. Скорее всего, он смог получить их не ранее 25 февраля 1918 г., когда управляющий агентством В.П. Залесский получил деньги для выплаты вознаграждения всем агентам. 11 марта 1918 г. после заключения Советской Россией Брестского мира, Генеральный Штаб резко сократил выплаты агентам «тайных организаций... вследствие крайней нехватки денег». Таким образом, расходы ГУГШ на ведение пропаганды в США по сравнению с другими сопоставимыми статьями его расходов были очень скромны. Столь же скромными были и средства, выделявшиеся на ведение пропаганды Ставкой. К примеру, 25 сентября 1917 г. генерал-майор В.Е. Скалон сообщил начальнику связи Действующей армии, что на период с 15 ноября 1917 г. по 1 января 1918 г. из экстраординарных сумм Ставки на финансирование всех направлений ее издательской деятельности потребуется выделить не более 4-х тыс. рублей. В то же время на финансирование секретной работы Контрразведывательной части Штаба Верховного Главнокомандующего планировалось израсходовать 10 тыс. руб., а на расходы Русского отделения Межсоюзнического бюро в Париже — 50 тысяч⁵². Развертывание военной пропаганды в США требовало использования достоверных и содержательных источников информации.

18 ноября 1915 г. управляющий Петроградским отделением агентства «Норд-Зюд» Залесский телеграфировал в Ставку об отправке за границу первых информационных бюллетеней. Залесский располагал всего лишь двумя источниками информации. Сведения о военных действиях на русско-германском фронте ему поставлял представитель Генерального Штаба полковник А.М. Мочульский, получавший ежедневные сводки Штаба Верховного Главнокомандующего и регулярные обзоры иностранной прессы, составлявшиеся в Главном Управлении по делам печати Министерства внутренних дел. Всю остальную информацию для Залесского из петроградских газет собирал журналист В. Цеховский⁵³.

Первый агент «Норд-Зюд» в США Калпашников-Камак, работавший одновременно представителем Императорского Российского Общества Красного Креста, располагал более широким кругом источников и не ограничивался использованием бюллетеней агентства. Выступая с лекцией перед американской публикой в Нью-Йорке 12 (25) февраля 1917 г., он сопровождал ее показом документальных кинолент из боевой жизни русских войск. Справка, выданная российским посланником в Вашингтоне И. Сукиным преемнику Калпашникова-Камака Н.Н. Сергиевскому 7 (20) июля 1917 г., свидетельствует о том, что «телеграммы, ежедневно получаемые им из Петрограда», были его единственным источником информации о событиях в России. Сам Серги-

евский ни статей, ни аналитических обзоров для американских газет от имени «Норд-Зюд» не писал, и материалами, полученными из других источников, не пользовался⁵⁴. Ограниченность источниковой базы русских информационных сообщений стала причиной падения интереса к ним со стороны американских информационных агентств. Это привело к трехмесячному перерыву в распространении русской военной пропаганды в США с марта по июнь 1917 года⁵⁵.

На этом фоне в апреле 1917 г. в правящих кругах США зародились сомнения в прочности нового политического режима в России. В связи с этим, президент Вильсон, нуждавшийся в достоверной и объективной информации, уже не доверял никаким сообщениям из Петрограда и направил туда для выяснения политической ситуации миссию во главе с И. Рутом⁵⁶.

Кроме того, президент Вильсон согласился с планом руководителя Комитета общественной информации Дж. Крила приступить к распространению американской пропаганды в России. Ее задачами были: противодействие разлагающей русскую армию германской пропаганде на Восточном фронте, убеждение русских политиков в необходимости защищать вновь обретенную демократию и ознакомление русских с новым союзником — США⁵⁷. Каким было содержание русских информационных материалов, распространявшихся военным ведомством в США? В докладе по ГУГШ № 52180 от 15 февраля 1917 г. указывалось, что телеграммы Петроградского Телеграфного Агентства в США не передавались⁵⁸. По свидетельству И. Наимского, в конце 1916 г. телеграммы ПТА доставлялись Петроградскому отделению агентства «Ассошиэйтед Пресс», однако он сомневался, что в США тексты всех телеграмм передавались полностью. Таким образом, телеграммы агентства «Норд-Зюд» приобретали самостоятельное значение для успеха русской пропаганды в Америке.

Уже в конце декабря 1916 г. Калпашников-Камак заявил русскому военному агенту в Вашингтоне Николаеву о несоответствии содержания телеграмм «Норд-Зюд», приходящих из Петрограда, интересам американских читателей. В них было «мало подробностей о войне и о многочисленных подвигах чинов нашей доблестной армии», тогда как именно эти подробности интересовали американскую публику⁵⁹. 25 января 1917 г. Калпашников-Камак в рапорте о проделанной работе с сожалением сообщил об отказе американского агентства «International News Service» от распространения телеграмм «Норд-Зюд». Объясняя причины этого, Калпашников писал: «Пропаганду в пользу России можно вести весьма успешно, если лица, которым поручено составлять телеграммы, будут относиться более внимательно к своей работе, а не передавать просто содержание утренних петроградских газет с многочисленными упущениями и ошибками, не обращая внимания на те пожелания, которые я имел честь несколько раз телеграфировать». Калпашников отметил два основных недостатка информационных сообщений, получаемых из Петрограда. Прежде всего, в них ничего не сообщалось о событиях первостепенной важности: о смене министров в составе Временного правительства, об откликах русских газет на заявления президента США Вильсона и т.д. Помимо того, как писал Калпашников, в сообщениях «о боевой жизни нашей доблестной армии» никогда не упоминались имена ее

героев, из-за чего «все сообщение часто напоминает что-то неопределенное из области фантазии»⁶⁰.

2 февраля 1917 г. русский военный агент в США Николаев в телеграмме № 1014, направленной в ГУГШ, поддержал мнение Калпашникова. Николаев подтвердил, что сообщения из Петрограда всегда представляют собой пересказ сообщений русских газет. В них нет «так называемых первых известий о всяком крупном событии как сражение, правительственное сообщение, речь или интервью с государственным или общественным деятелем». Как указывал Николаев, «Норд-Зюд» ничего не сообщило о назначении в декабре 1916 г. председателем Совета министров Голицына, хотя в США появилась информация об этом, взятая из других источников. «Норд-Зюд» ничего не сообщило о выступлении в Государственной думе министра иностранных дел Покровского, говорившего о новом военном займе и т.д. Рапорт Калпашникова-Камака привлек внимание генерала М.И. Занкевича, распорядившегося 2 февраля 1917 г. устранить выявленные недостатки. Однако его распоряжение оказалось невыполнимым. 15 февраля 1917 г. в докладе по ГУГШ № 52180 генерал-майор Певнев напомнил Занкевичу о словесном указании начальника ГУГШ генерал-майора М.Н. Леонтьева «избегать всякой политики», подчеркнув, что оно «было подтверждено и Вашим Превосходительством при докладах о деятельности “Норд-Зюд”»⁶¹.

В результате Занкевичу пришлось отступить, согласившись, что «следует отнестись отрицательно» к сообщению в США текстов интервью русских чиновников и политиков, информации о политическом направлении русских газет, а также об их отношении к текущим событиям. Идея навстречу интересам американских читателей, «агентство “Норд-Зюд” должно совершенно изменить свой характер, и из строго информационного стать обычным телеграфным агентством. В этом случае придется... расширить круг лиц, работающих в нем, и поручить им сбор сведений по всем министерствам, управлениям и другим Государственным учреждениям. Это едва ли может быть совместимо с деятельностью Главного Управления Генерального Штаба». Возражая против публикации сведений о русских героях, генерал-майор Певнев сослался на их отсутствие в сообщениях с фронта: «упоминание имен при описании подвигов было бы весьма желательно, и, всегда, если есть возможность, это и делается. Часто же никаких имен в сообщениях не упоминается»⁶².

Таким образом, информационные сообщения агентства «Норд-Зюд», распространявшиеся в США не адаптировались к запросам американских читателей и представляли собой обыкновенную, лишенную интригующих подробностей, газетную хронику о событиях на русско-германском фронте.

Сменивший Калпашникова Сергиевский внес в содержание информационной работы американского отделения агентства «Норд-Зюд» новые элементы.

Прежде всего, заголовки английского текста, передаваемого представителям прессы, стали сопровождаться ссылками — «по сообщению представителя русской прессы в Америке г. Сергиевского» или, в отдельных случаях, с разрешения русского посольства, — «по данным, подтвержденным русским посольством в Вашингтоне». Часть

сообщений из Петрограда Сергиевский считал нужным публиковать как информацию, исходящую от американских агентств «Associated Press» и «United Press»⁶³. Как и Калпашников-Камак, Сергиевский подверг критике качество информационных сообщений, присылавшихся из Петрограда. Уже 7 (20) июля 1917 г. он сообщил Генеральному Штабу о своих соображениях по поводу содержания получаемой им информации из России: «Некоторые бюллетени вызывают положительно большой интерес и проходят полностью, другие — никакого интереса не вызывают... Один бюллетень, полученный мною четыре дня тому назад, прошел полностью и был напечатан крупным шрифтом на самом видном месте, а следующие 3 телеграммы, сообщавшие запоздалые детали боевых фактов, показались прессе незначительными и неинтересными. Беда заключается в том, что многие бюллетени с сообщениями значительных фактов из области войны я получаю почему-то много позже телеграмм о том же, получаемых газетами».

Сергиевский жаловался, что «получил телеграмму, сообщавшую о ликвидации беспорядков в Петрограде и о провокаторской деятельности некоторых большевиков-германофилов» в 9 часов утра 7 (20) июля, когда оно уже было напечатано в утренних американских газетах. Он указывал: «большинство бюллетеней вовсе не дают никаких фактов из области внутренней политики, общественной и экономической жизни, а между тем этими вопросами здесь очень интересуются. Чтобы бюллетени — главное основание коих вопросы войны — приобрели больший интерес, надо бы непременно вносить разнообразие в их содержание и давать побольше фактов из внутренней жизни государства».

Сергиевский заострял внимание на недопустимости умалчивания «о таких существенных явлениях и фактах как... перемена кабинета, острые дебаты по поводу украинского и финляндского вопросов, беспорядки в Петрограде и т.п.». «Сведениями о них полны здешние газеты, а бюллетени в течение нескольких дней совершенно умалчивают о них, и здешней прессе кажется, что бюллетени нарочито замалчивают подобные факты, которые поэтому начинают казаться страшнее, чем они на самом деле. Дабы бюллетени в основном своем содержании снискали большее доверие у здешней прессы, надо бы давать — и непременно своевременно — сведения и о подобных явлениях и фактах»⁶⁴.

Содержание русской военной пропаганды в США не ограничивалось газетными публикациями. Агент «Норд-Зюд» Калпашников-Камак выступал перед американской публикой с лекциями. 12 (25) февраля 1917 г. в нью-йоркском «Colonial Club», согласно отзыву присутствовавшего в роли цензора поручика Буцкого, Калпашников «искусно, но без преувеличений, обрисовал доблесть наших войск, результаты их работы и те препятствия, которые поставлены на пути русской армии условиями русской жизни и самой природой».

В своем рапорте русскому военному агенту в Вашингтоне Николаеву от 14 (27) февраля 1917 г. Буцкой подчеркнул, что Калпашников официально представился деятелем Главного Управления Императорского Российского Общества Красного Креста. Поэтому в лекции был сделан акцент на недостаток в русской армии санитарных

автомобилей. По ходу лекции Калпашников продемонстрировал собравшимся американцам документальный фильм о санитарном грузовике, вывезшем с линии фронта 200 солдат, пострадавших от газовой атаки.

Поручик Буцкой сделал замечание Калпашникову, который говорил «преимущественно про сибирские части, уделяя недостаточно внимания Российской армии вообще». Этот акцент обусловил и реакцию слушателей. В зале звучали возгласы: «Какая удивительная страна Сибирь! Ведь из ее людей составлены все войска России!»⁶⁵. Возможно, что Калпашников-Камак представлял в США интересы сибирских областников, которые через полгода, в августе 1917 г., выдвинули лозунг «Да здравствует независимая Сибирь!»⁶⁶. В этом случае становится понятным его конфликт с военным ведомством и отъезд из США в конце марта 1917 года.

Опыт Калпашникова по показу документальных фильмов был учтен Военным министерством. 8 августа 1917 г. Просветительный отдел состоявшего при министерстве Скобелевского комитета отправил через секретаря русского посольства в Вашингтоне Н.С. Третьякова своему уполномоченному Дореду 1400 метров кинематографических картин собственного производства для ознакомления американцев с бытом и жизнью России⁶⁷. Рассматривая конкретное содержание сообщений агентства «Норд-Зюд», призванных, согласно изначальному замыслу, противодействовать германской пропаганде на американском информационном поле, можно утверждать, что оно имело универсальный характер и не учитывало особенностей американской аудитории. В любом случае опровержения всех антироссийских заявлений германской печати, составлявшиеся по инициативе Генерального Штаба, должны были поступать к агенту «Норд-Зюд» в США. Судя по документам, в 1916—1917 гг. ГУГШ инициировало публикацию опровержений по четырем основным обвинениям в адрес России: о виновности империи в развязывании первой мировой войны, о падении дисциплины в русской армии, о ее неспособности продолжать выполнение союзнических обязательств и об углублении национальных конфликтов внутри страны.

Передача информационных сообщений из России в США осложнялась особенностями технических средств того времени. Еще в 1915 г. специалисты офицерской электротехнической школы начали проводить эксперименты по установлению радиосвязи Царскосельской, Тверской и Московской радиостанций с американскими радиостанциями в Сейвилле и Туккертоне. В летнее время из-за грозových шорохов она оказалась невозможной. Поддерживать связь в период с сентября по май можно было только ночью, но низкая степень ее надежности заставила военное ведомство прекратить опыты. Наимский планировал передачу бюллетеней «Норд-Зюд» из Петрограда в Лондон, где находилось центральное отделение «Ассошиэтед Пресс». «Из Лондона же они по океанскому кабелю будут переправляться в Америку для всей тамошней прессы»⁶⁸. На практике же, как докладывал Генеральному Штабу 26 января 1917 г. Калпашников-Камак, «Associated Press» сначала передавало в США собственные телеграммы, и только после этого — телеграммы «Норд-Зюд», полученные из Петрограда⁶⁹.

Телеграмма № 1135, отправленная военным агентом Николаевым из Вашингтона в ГУГШ 16 октября 1917 г., свидетельствовала об отсутствии изменений к лучшему. «Нередко бюллетенями и каблог-раммами «Норд-Зюда»... почти не приходится пользоваться, так как они запаздывают, иной раз дня на два-четыре». Помимо этого, указывал Николаев, «французский текст настолько искажен, что иной раз много слов совершенно нельзя разобрать. Было бы весьма желательно... посылать бюллетени на английском языке». В августе 1917 г. вступившие в войну американцы взяли инициативу в свои руки. Американская радиотелеграфная дирекция через французское правительство обратилась к русскому военному агенту в Париже Игнатьеву с запросом о возможности установления радиосвязи между Аляской и русской радиостанцией в Анадыре. Информацию из Анадыря в Петроград американцы надеялись передавать по телеграфу ⁷⁰. Одновременно они обратились и к русскому военному агенту в Вашингтоне. 17 сентября 1917 г. Николаев телеграфировал в ГУГШ о намерении американцев использовать свою радиостанцию системы Телефункен на острове Св. Павла, а через несколько недель ввести в строй находившуюся на Аляске более мощную радиостанцию «Кордова». Американцы планировали вести передачи ежедневно, в 2 часа ночи по Петроградскому времени. На самом деле радиостанция в Анадыре поддерживала связь с сибирской магистральной телеграфной линией через радиостанции в Петропавловске-на-Камчатке, Охотске, Наяхане и Николаевске-на-Амуре. Все они принадлежали почтово-телеграфному ведомству, поэтому такую линию связи генерал-майор Н.М. Потапов считал ненадежной ⁷¹. Радиостанции военного ведомства, действовали только в Хабаровске и во Владивостоке ⁷². Кроме того, в Анадыре не было радистов, знавших английский язык ⁷³.

Серьезным препятствием было и отсутствие на дальневосточных радиостанциях достаточно мощных приемников ⁷⁴. К примеру, радиостанция Петропавловска-на-Камчатке из-за особенностей местных условий не могла взаимодействовать с американскими радиостанциями ⁷⁵. Тем не менее, 21 сентября (6 октября) 1917 г. генерал-майор Потапов поставил перед командующим Приамурским военным округом задачу «организовать прием нашими дальневосточными радиостанциями Петропавловска, Николаевска и Хабаровска работы Американской радиостанции на острове Святого Павла» ⁷⁶. В первых числах октября 1917 г. состоялись экспериментальные переговоры по радио через Анадырь с островом Св. Павла ⁷⁷. Таким образом, архивные документы свидетельствуют об осуществлении планов обеих сторон по расширению русско-американского информационного сотрудничества осенью 1917 года.

В современной исторической науке уже делались попытки оценить результативность русской пропаганды в США в период первой мировой войны. При этом разграничить результаты пропагандистской работы МИД и военного ведомства в лице Генерального Штаба и Штаба Верховного Главнокомандующего непросто. В целом эти результаты можно считать положительными. Уже в начале 1915 г. первый секретарь русского посольства в Вашингтоне И.Г. Лорис-Меликов, совершивший поездку по Среднему Западу, констатировал, что несклонные к размышлениям и впечатлительные граждане Соеди-

ненных Штатов, находившиеся ранее под воздействием историй о жестоких погромах, ужасах сибирской ссылки и преследованиях финнов, теперь готовы легко поверить в духовные и экономические возможности России. Годом позже, в июле 1916 г., русский посол в США Ю.П. Бахметев отметил, что русские сделались центром внимания, восхищения и надежд американцев⁷⁸. Негативные выводы делает И.А. Жданова. По ее мнению, «дело пропаганды в нейтральных странах, которым должен был заниматься Осведомительный отдел МИД совместно с военным ведомством, оказалось провалено». В России «не оказалось людей и структур, способных производить тексты для размещения в иностранной прессе, не было и знаний о постановке газетного дела»⁷⁹.

Очевидно, мнение Ждановой нуждается в корректировке. Сделать объективные выводы можно только учитывая выполнение или невыполнение тех задач, которые ставились перед русской военной пропагандой в США в 1914—1918 годах.

В связи с этим, нужно подчеркнуть, что во время первой мировой войны русское военное ведомство не ставило перед собой столь масштабных целей как верховное командование Красной Армии в годы второй мировой войны. Военное ведомство не стремилось пропагандировать российское самодержавие в качестве наилучшей в мире формы правления, Государственную думу — в качестве самого демократичного парламента, Временное правительство — как самую молодую и ведущую силу мировой демократии, русскую армию — как армию-освободительницу и самую боеспособную и непобедимую армию Антанты.

Напротив, по рекомендации Сазонова, русское военное ведомство поставило перед своими пропагандистами ограниченную задачу — противодействовать антирусской пропаганде Германии в нейтральных странах. Применительно к США военное ведомство могло считать эту задачу выполненной. Несмотря на все предпринятые усилия, Германии не удалось сформировать в сознании американцев отрицательный образ России, как страны, спровоцировавшей развязывание первой мировой войны. Россия смогла разместить в США свои военные заказы и, в конечном счете, США вступили в войну на стороне России и ее союзников.

Однако, решить задачу, вставшую на повестку дня после Февральской революции, и убедить президентскую администрацию и американскую общественность в способности русской армии успешно продолжать выполнение своих союзнических обязательств, особенно после летних неудач на Восточном фронте, пропагандисты ГУГШ уже не смогли. 14 июля 1917 г. печатный орган американских биржевиков «Файнэншл Эйдж» сообщил о предчувствии деловыми кругами США выхода России из войны и падения ее тяжести на Америку⁸⁰.

Примечания

1. Цит. по: ЗНАМЕНСКАЯ Т.Ю., СМАГИН А.В. Внешнеполитическая пропаганда: война слов или заинтересованный диалог? — США-Канада. 1988, № 9, с. 22—23.
2. ЗВОНАРЁВ К.К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. Кн. 1. М. 2003, с. 274—281.

3. ЛЕТЕНКОВ Э.В. К истории правительственных информационных центров в России (1906—1917 гг.). — Вестник Ленинградского университета. Серия «История, язык, литература». 1973, вып. 4, с. 80—88.
4. КОСТРИКОВА Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны, 1907—1914. М. 1997.
5. ВОЛКОВСКИЙ Н.Л. История информационных войн. СПб. 2003.
6. ЖДАНОВА И.А. «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте-октябре 1917 года. — Отечественная история. 2008, № 3, с. 126—142.
7. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М. 2012.
8. ЖУРАВЛЁВА В.И. «Давид против Голиафа»: образ России в американской политической карикатуре периода русско-японской войны. — США-Канада. 2007, № 10, с. 66.
9. Там же.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 644, л. 144.
11. ЖУРАВЛЁВА В.И., ФОГЛЕСОНГ Д.С. Русский «другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881—1917). — Американский Ежегодник. 2004. М. 2006, с. 274.
12. РГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 187, л. 2а.
13. ГРЕКОВ Б.И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы первой мировой войны (Лига нерусских народов России). В кн.: Первая мировая война: Пролог XX века. М. 1998, с. 421, 425.
14. КОЗЕНКО Б.Д. Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914—1917 годах. В кн.: Первая мировая война: Пролог XX века. М. 1998, с. 143.
15. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1470, л. 205, 207—208об.; ф. 2000, оп. 3, д. 2145, л. 8, 48.
16. Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 4280, л. 7.
17. Там же, оп. 15, д. 827, л. 1—3; оп. 1, д. 8468, л. 66—68; д. 6443, л. 355—360.
18. Там же, д. 6443, л. 285; д. 8414, л. 48—49; д. 6443, л. 273—273об.
19. Там же, л. 28—29.
20. Там же, л. 267—272.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же, л. 55—56, 58, 104, 164.
30. Там же, д. 8418, л. 7—8.
31. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М. 2012, с. 44.
32. РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 827, л. 8—8об.
33. Там же, л. 9—11.
34. КОЗЕНКО Б.Д. Ук. соч., с. 145.
35. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 8222, л. 38, 40; д. 6437, л. 118—123.
36. Там же, д. 6437, л. 118—120об., 127.
37. Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 644, л. 144—150.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же, ф. 2000, оп. 15, д. 827, л. 9—11; оп. 1, д. 8222, л. 38—38об., 40об.
41. Там же, д. 6437, л. 127.
42. Там же, д. 6434, л. 210—214.
43. Там же, оп. 15, д. 827, л. 9—11; оп. 1, д. 8222, л. 38об.
44. Там же, л. 39об.
45. Там же, д. 6443, л. 285; д. 8414, л. 48—49; д. 8414, л. 48—49; д. 6443, л. 11—13, 15—16, 19—20, 281.

46. Там же, л. 120—122.
47. Там же, л. 55—56, 136—137, 156—157.
48. Там же, л. 120—122.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же, л. 169—171; д. 8418, л. 7—8.
52. Там же, л. 1—2; ф. 2003, оп. 1, д. 1470, л. 243.
53. Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 8468, л. 104—106; д. 8414, л. 41.
54. Там же, д. 4279, л. 24—24об.; д. 6443, л. 104.
55. Там же, л. 55—56, 58.
56. КОЗЕНКО Б.Д. Ук. соч., с. 151.
57. Там же, с. 153.
58. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 274—275.
59. Там же, л. 277—277об.
60. Там же, л. 273—273об.
61. Там же, л. 274—276об.
62. Там же.
63. Там же, л. 120—122.
64. Там же.
65. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4279, л. 24—24об.
66. ПЕРЕЙРА Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны. В кн.: Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994, с. 206.
67. РГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 82, л. 31.
68. Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 4335, л. 88; д. 6443, л. 358—360.
69. Там же, л. 279—279об.
70. Там же, л. 164; д. 4335, л. 104.
71. Там же, л. 22, 104.
72. Там же, л. 18.
73. Там же, л. 10.
74. Там же, л. 22.
75. Там же, л. 18.
76. Там же, л. 19.
77. Там же, л. 14, 18.
78. ЖУРАВЛЁВА В.И., ФОГЛЕСОНГ Д.С. Ук. соч., с. 274—275.
79. ЖДАНОВА И.А. Ук. соч., с. 131.
80. КОЗЕНКО Б.Д. Ук. соч., с. 152.

Культурно—цивилизационные аспекты войн позднего феодализма

А.В. Кутищев

Война и военное дело в историко-философском дискурсе долгое время оставались явлением экономически детерминированного мира. В объяснении сущности и природы войны материалистическая концепция обладала видимым преимуществом, так как опиралась на выверенное в идейных спорах учение, подкрепленное политико-административным ресурсом. Суть его наиболее полно была выражена гениальным военным теоретиком К. Клаузевицем: «...война есть...продолжение политических отношений с привлечением иных средств»¹. Почти два века эта формула представляла собой краеугольный камень марксистско-ленинского учения о войне, где «политика — есть концентрированное выражение экономики».

В процессе интеллектуальных исканий последних десятилетий XX в. материалистическое видение истории утратило свои доминирующие позиции в гуманитарном знании. Признание многообразия мира, многовариантности и нелинейности развития усложнило, а порой и подвергало сомнению взгляд на исторический процесс, как на нечто непрерывное, целостное и универсальное.

Когда материалистическая методология была несколько потеснена культурно-цивилизационными взглядами, изменился и подход к военной истории. Со строгих методологических схем, тяготевших к политико-экономическим концепциям, внимание исследователей постепенно переключается на цивилизационно-культурные образования и их отношения к войне и военному делу.

Новые подходы к европейской военной истории активизировались в ракурсе критики общих универсальных концепций. Увлеченность догматическим концептуализмом часто оборачивалось явной подтасовкой, подгонкой артефактов под искусственные теоретические схемы. В частности, экономически детерминированные концепции тесно увязывали природу военных конфликтов с широким диа-

---

Кутищев Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета путей сообщения. Екатеринбург.

пазоном политических проблем, с динамикой экономического развития, с интересами социальных классов. Все это соответствовало реалиям второй половины XIX в., но не могло адекватно отражать атмосферу, например, XVII или XVIII веков. Часто суть событий и объяснялись и одновременно подтверждались надуманными тенденциями. И наоборот, то, что не укладывалось в прокрустово ложе устоявшихся теорий, считалось исключением из правил ².

Зачастую, когда с высоты умозрительного теоретизирования сторонники универсальных схем спускались к конкретному военно-историческому материалу, результаты выглядели неубедительно. Подобные взгляды были полны натяжек и нестыковок. Особенно это характерно для интерпретаций европейской истории XVII—XVIII веков. Так, автор концепции циклов мирового лидерства, Д. Модельски характеризует Великобританию XVIII в., как мировую державу, однако, ее политика была сфокусирована на отражение французского вторжения, что совершенно не соответствует заявленному имперскому статусу ³.

У. Томпсон представляет универсальную систему соперничества, в которой «глобальный военный период» 1689—1713 гг. трактуется, как попытка Франции узурпировать роль мирового лидера у Голландии. О Габсбургах, основных конкурентах Франции того периода, в этой схеме даже не упомянуто ⁴.

Не выдерживает критики представленная некоторыми историками картина европейского мира XVI—XVIII вв. через призму геополитической модели XX в., через противостояние великих держав. В их интерпретациях исторической осью Европы представлена борьба Габсбургов и Валуа, которая затем уступила место антагонизму Великой Римской Империи и Франции, а затем — Англии и Франции. В схеме глобального соперничества с трудом вписываются длительные исторические периоды если не тесного сотрудничества, то хотя бы мирного сосуществования вышеуказанных антагонистов. Так, соперничество Франции и Австрии в 1648—1756 гг., Англии и Голландии в 1609—1688 гг. вылились в целый ряд ожесточенных войн, но это не мешало развитию нормальных отношений между ними. Более того, мирные паузы не были просто передышками между войнами. Наоборот, отношения между Великобританией и Францией в 1716—1731 гг., между Францией и Австрией в 1727—1728 гг. характеризовались тесным сотрудничеством. Политические разногласия заставили Людовика XIV напасть на Голландию в 1672 г., но они не препятствовали сотрудничеству с Вильгельмом III в конце 1690-х годов. Торговые трения Великобритании и Испании подтолкнули эти державы к войне в 1739 г., но в 20-х и 50-х гг. XVIII в. между ними существовало тесное сотрудничество. Политические интересы Франции вынуждали ее искать союза с Пруссией против Австрии в 1725, 1733—1735 и 1741 гг., но не препятствовали ей в союзе с Австрией напасть на Фридриха Великого в 1756 году. Европейские страны с легкостью переходили из лагеря в лагерь, меняли противников и союзников. В рамках монотеистических концепций трудно объяснить политику рубежа XVII—XVIII вв. не только Баварии, Савойи, Португалии, но и некоторых ведущих европейских держав.

Истинная природа, сущность и причины возникновения войн явно ускользали от исследователя, вооруженного претендующим на универсальность методологическим инструментарием. Ее формы и проявления оказывались слишком многообразными, чтобы уложиться в упрощенные детерминистские теории. Ее ментальная стихия слишком противоречива и эмоциональна, чтобы адекватно отражаться в монохромной палитре политико-экономических схем.

Некоторые европейские исследователи предостерегали от злоупотребления такими категориями, как экономический потенциал, военная организация и военные бюджеты для объективной оценки межгосударственных отношений на заре Нового времени ⁵. Общей канвой таких исследований обычно рассматривается рационалистическая государственная политика, дальновидная и скоординированная дипломатия, свободная от субъективизма и случайностей. Декларировался принцип государственных интересов, которого якобы придерживались европейские монархи и кабинеты. Политической целью считалось сохранение равновесия в Европе. В рамках подобных взглядов войны рассматривались как продолжение последовательной политики, преследующей национальные интересы, понимаемые как рациональная польза для страны и общества.

Сторонники цивилизационного подхода настойчиво предостерегали от псевдонаучных экстраполяций и обобщений. Так, Люсьен Февр и Марк Блок считали, что оценка прошлого через призму современных стереотипов искажает историю. Ф. Бродель полагал, что общество следует изучать таким, каково оно есть и не следует стремиться к выявлению каких-то глобальных законов. П. Сорокин видел в цивилизации огромные музееподобные хранилища материальной культуры, выставленные на обозрение без какой-либо системы.

Военное дело в культурном многообразии западноевропейской цивилизации характеризовалось следующими позициями. Политические предпочтения складывались под воздействием самых различных факторов. Культурно-ментальные образования, такие как настроения, слухи, интриги, играли в этом не последнюю роль. Куртуазная атмосфера двора ничуть не уступала властным претензиям монархов, политическим амбициям государств или сословий. Особо ценились галантные манеры, умение ухаживать за дамами, вести непринужденный разговор, грациозно танцевать, проявлять щедрость и даже расточительство и т.д.

Настоящим камнем преткновения универсальных концепций являлся субъективный фактор ⁶. Образ мудрой, последовательной политики государств растворяется в облаке ветрености европейских дворов XVI—XVIII вв., личных интересов и амбиций политических деятелей. В связи с этим интересны рассуждения императора Священной Римской Империи Иосифа II о переговорах по поводу завершения войны за независимость американских штатов. В разговоре с британским послом в Вене Робертом Китом он подметил: «Вы, кажется, преувеличиваете значение государственной политики, национальной чести и национальных приоритетов... Вы забываете, что в разразившемся кризисе преобладают не интересы Франции, Англии, или Голландии..., а личные амбиции и надежды Джона, Эндрю, или Питера, министров этих стран. Г. Фокс исходит именно из этого, добиваясь

мирного исхода конфликта, Г. Де Верженн... стремится извлечь из этого мира максимум личной пользы, неопределенность лорда Шелберна объяснима его сомнениями по поводу возможных выгод и потерь в случае заключения мира»⁷.

Британский полномочный посол Бенджамин Кин следующим образом характеризует испанский политический курс первой половины XVIII в.: «...минутные пристрастия и воля случая имеют такие значительные последствия для государственных дел, что ... почти невозможно предсказать, как изменится ситуация в течение следующих 24 часов». Кин так комментирует нападение Испании на Австрию в 1733 г.: «Эта война отнюдь не является продолжением последовательной политики Испании, но — лишь результатом подстрекательства и провокации французов»⁸.

В монохромной картине материалистической ортодоксии война была представлена весьма ограниченно и односторонне. Ее культурно-социальная, ментальная сферы оставались в тени фундаментальных материалистических постулатов. Одна из самых эмоциональных трагичных сфер человеческой жизни, война, каждый раз оказывалась выхолащенной обезличенным миром экономики, прагматизмом политического расчета. В отличие от монотеистических концепций цивилизационно-культурный плюрализм позволяет увидеть новые грани и сферы военного дела, а на традиционные формы взглянуть под несколько иным ракурсом.

Так, например, специфика отношений российского феодального социума и военного дела выразилась в общенародном характере войн России. Пиком проявления этого культурно-национального феномена стал хрестоматийный для российской истории 1612 год. Но и до Петра Великого и после российские рати оставались общенародными и всесословными. Их ядро было представлено «служилыми людьми», еще не разорвавшими родовые связи с низшими слоями общества. Боярско-княжеская аристократия привлекалась на службу в качестве командования. Крестьянство и иные низшие сословия были представлены через механизм «посошных ратей», позднее — посредством даточных и рекрутских наборов. Армия была тесно связана с солью земли русской. Образ ратника и ратной службы постоянно присутствует в русском народном фольклоре, где он окружен уважением, сочувствием и теплотой.

В западноевропейской социально-сословной культуре военное дело еще долго культивировалось, как привилегия аристократии и дворянства. Население от войны старались оградить. В своем трактате по военному искусству видный военачальник эпохи Р. Монтекуколи акцентировал внимание на том, что народ нельзя допускать к ведению войны⁹. Этот обычай, унаследованный от рыцарских времен, в XVII в. был официально закреплен в международном праве.

Социальный состав армий — дворянско-профессиональный на западе и народный общесословный в России — определяли своеобразие национальной военной культуры. Прежде всего, это проявлялось в причинах и природе войн эпохи. Доминанта материалистического видения истории, экономический след в войнах позднего феодализма прослеживался только отчасти. Торгово-промышленная буржуазия, генетический генератор меркантилизма, еще только осваивала

внутренние рынки и не оказывала заметного влияния на внешнюю политику, за исключением, пожалуй, Англии и Голландии.

В большинстве случаев экономический интерес оказывался в тени более мощных побудительных мотивов. На первый план, как правило, выступали династические интересы, сословные пережитки, религиозные предрассудки или те же личные амбиции.

Главная политическая сила феодального общества, дворянство, не скрывала откровенного пренебрежения торгово-экономическими мотивами. Меркантильность и война лежали для него в различных системах ценностно-сословных координат. Если война оставалась сферой благородного дворянства, то торговля, ремесло считались делом низших сословий. Сам Людовик XIV, знаковая символическая фигура для рубежа XVII—XVIII вв., в целом, благоволивший национальной коммерции, к ней, как к первопричине войны, относился весьма сдержанно. По настоящему ценным военным призом оставалась территория, земля, представлявшая высшее благо в аристократической системе ценностей. Даже Голландская война (1672—1678 гг.), часто объясняемая экономической конкуренцией, в сущности, рассматривалась Людовиком XIV как территориальная аннексия¹⁰.

Истинным мотивом для дворянства оставалась жажда славы, честь и признание. Посвященная во все тонкости Версальского этикета мадам Совиньи видела в стремлении к славе и признанию истинный критерий благородства: «Любой подтвердит, что дворянин достоин уважения настолько, насколько он ценит славу и стремится к ней, поэтому все свои помыслы он должен посвящать ей»¹¹. Придворной даме вторит известный фрондер, кардинал Ретц: «Ничто не возвышает так мужчин над окружающим миром, как любовь к величию и славе»¹².

Монархи имели более сложную мотивацию — сочетание типичных аристократических ценностей и интересов правящего дома. Война воспринималась ими не только как достойное монархов занятие, но и как высшее благо для поданных. Для Людовика XIV война являлась индикатором мужества и величия. Современники отмечали: «Он проявляет настоящую страсть к войне и приходит в отчаяние, когда его удерживают от участия в походе»¹³. Объясняя нападение на Голландию в 1672 г., Людовик XIV писал: «...я не пытаюсь оправдываться, ведь для монарха честолюбивые помыслы всегда простительны, и особенно для такого монарха, страстно желавшего всеобщего признания, каким в молодости был я»¹⁴.

Историки до сих пор дискутируют по поводу истинных мотивов внешней политики Людовика XIV. Большинство склоняется к тому, что политические мотивы не являлись для него ни достаточно веской причиной, ни достойной наградой. Действительной целью войны оставались репутация и величие. Гастон Зеллэ выразил позицию большинства современных историков: «Главную роль в политической программе Луи XIV играло стремление к славе»¹⁵.

Того же мнения придерживается глубокий мыслитель и тонкий эрудит Андрей Лосский: «Его цель была весьма проста: возвысить престиж государства и дома Бурбонов настолько, чтобы его собственное превосходство как «величайшего из христианнейших монархов» ни у кого не вызывало сомнений»¹⁶.

Важной характеристикой культуры выступает ценностно-нравственное отражение войны в общественном сознании эпохи. Начало этих ментальных трансформаций нужно искать в дворянской субкультуре, так как военное дело являлось ее неотъемлемой частью и отражало характерные тенденции ее развития. В этот период профессиональная утилитарность несколько уступала позиции перед дворянской сословной культурой. Тенденции на удовлетворение материальных потребностей армии определяли военное искусство эпохи. Дворянство проводило поход в привычном для них комфорте. Аристократическая изысканность, гипертрофированная утонченность, стремление к роскоши и удовольствиям скрашивали суровую военную обыденность. Рядовой состав обеспечивался всем необходимым от государства. Военные действия велись только в комфортное время года, замирая с наступлением холодов до весны. Большее время кампании войска проводили в удобных полевых лагерях или под стенами осажденных крепостей.

Для дворянства война постепенно становилась своеобразным развлечением, хотя и сопряженным с риском для жизни. Она приятно будоражила дворянскую кровь между уже наскучившими балами, маскарадами и карточными партиями. Как отмечает М. Говард, «Для Луи XIV и его двора, по крайней мере, в молодости, война представлялась чем-то типа сезонной охоты»¹⁷. «Война в кружевах» становилась своеобразным воплощением европейской культуры кануна Нового времени и Просвещения.

Менялось отношение к войне и недворянского населения. Эпоха религиозного ожесточения, разгула наемной солдатни, повальных грабежей и насилия уходила в прошлое. Уже во второй половине XVII в. для большинства европейцев война не воспринималась как несчастье, как бедствие, несшее разорение, голод и смерть. Войны растягивались на десятилетия, их интенсивность постепенно снижалась. Количество кровопролитных сражений и решительных операций за вторую половину XVII столетия можно было перечислить по пальцам одной руки. Боевые действия, в основном, сводились к маневрированию и осаде крепостей. Такая умеренность не наносила большого вреда мирному обывателю. Урон хозяйству и торговле старались минимизировать, правда, не столько из гуманистических, сколько из прагматических соображений. Вобан при осаде городов рекомендовал «никогда домов в крепости не вредить, ибо сие к сдаче крепости не служит, только к продолжению времени и напрасной трате аммуниции, и по взятии сей крепости починка оных дорого становится»¹⁸.

Шведский исследователь П. Энглунд заключает, что для общества XVII—XVIII вв. война совсем не являлась тем, чем она станет в XX в., веке мировых войн, угрожающих самому существованию земной цивилизации. Война совсем не считалась «бичом и проклятьем»: «Она не была чем-то тотальным, безусловным и всепоглощающим, в какой-то мере можно было оставаться в стороне, выбирать степень своего участия... Такое своеобразное отношение к войне разделял и простой народ, о чем свидетельствует то, что сражение иногда превращалось в настоящее народное гуляние. Случалось, что большие группы населения отправлялись посмотреть на какую-нибудь битву, как будто речь шла о грандиозном спектакле»¹⁹.

Бесконечная вялотекущая война XVII—XVIII вв. становилась нормой европейской жизни. Поколения европейцев привыкали к ней, как к неотъемлемой и, в целом, обыденной сфере окружающей реальности. Современник той эпохи, писатель и историк К. Фрескот грустно замечал по этому поводу: «Мир не всегда присущ нашей цивилизации, и, честно говоря, мы и не особенно стремимся к нему, и каждый раз, обретая его, мы осознаем, что это ненадолго»²⁰. Психологическая грань между миром и войной была весьма условной. Привыкание европейцев к войне, отношение к ней, как к норме жизни, постепенно становилось все более заметным оттенком европейской культуры.

Совершенно иные образы вызывала война в русском социуме. Природно-климатическая суровость России, огромные, редконаселенные пространства и неразвитая дорожная сеть препятствовали нормальной жизни страны даже в условиях мира, не говоря уж о войне. В XVI—XVII вв. в судьбу России все решительнее вмешивался геополитический фактор. Он оказал влияние на все стороны жизнедеятельности народа и определил сущность русской цивилизации. В.О. Ключевский отмечал эту тенденцию, сформулировав ее, как социально-экономическую закономерность: «...внешнее территориальное расширение государства идет в обратно пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа»²¹. Чем шире раздвигались границы государства, тем больше народных сил требовалось на освоение и защиту его территории. Это не преминуло отразиться и на характере военных действий. При расширении территории государства, его границы отодвинулись от Москвы на тысячи верст, а протяженность рубежей возросла многократно. Теперь до противника нужно было еще дойти, преодолев бескормицу и нужду, холод и бездорожье. Тяжелые походы от Москвы до Полоцка и Орши, до Казани и Нарвы становились настоящим испытанием для людей, а там еще нужно было вести боевые действия. Восточная война была чужда европейскому менталитету — здесь редко можно было потешить благородное дворянское самолюбие и утолить жажду славы. Восточная война — это не бравые атаки, кавалерийские сшибки, развевающиеся штандарты, богатые трофеи. Это — изматывающие тело и душу тысячеверстные переходы, в жару, в холод, в весеннюю распутицу, через болота и непроходимую лесную глушь, бивуаки на стылой земле, голод, болезни. Русскому ратнику-земледельцу было не до романтического пафоса. В его стойком сознании застыли иные ассоциации — тяжелый солдатский труд, преодоление, долг, страдание, терпение.

Веяния военного права и идеи гуманизма еще не достигли северных и восточных окраин Европы. Война в этих краях велась с крайним ожесточением и кровопролитием. Шведы, русские, поляки, казались, оспаривали друг у друга первенство в варварстве и насилии. Русские покоряли Прибалтику огнем и мечом, оставляя после себя спаленные латышские мызы и рыцарские фольварки. Маршруты шведов можно было проследить по дымящимся головешкам, оставшимся от литовских и белорусских сел. Ограбление Польши и Саксонии Карлом XII приобретало общегосударственный размах. Небывалой свирепостью и ожесточением отличались и сражения. Картины насилия, грабежей, расправ над пленными и мирными жителями были типичны для войн восточной Европы вплоть до конца XVIII века.

Негативные образы войны во многом формировались под влиянием финансово — налогового бремени, который приходилось нести населению. В отечественной историографии долгое время было принято рисовать образы постоянно растущего налогового гнета, как проявления феодальной эксплуатации. Европейские исследования последних лет общеевропейскую тенденцию к повышению налогов не отрицают, хотя предпочитают говорить не о беспрецедентном росте, а об упорядочении финансовой системы и введении правильного общегосударственного налога²². Более того, исследования подтверждают, что налог с населения не являлся главным источником ведения войн. Европейские правительства предпочитали известную умеренность по отношению к своему народу, тем более в военное время, делая упор на государственные кредиты, займы, контрибуции²³.

Готовясь к войнам, Россия «... при всем желании не могла заключить внешнего займа, хотя попытки к этому и делались Петром, просто потому, что не имела никакого кредита; а внутренний заем... вряд ли нашел бы охотников поместить в него по доброй воле свои капиталы в государство, которое не привыкло еще к строгому различению своей и частной собственности»²⁴. Источники, которые покрывали 80—90% военных расходов, например, Франции, для России оказывались недоступными. Если Франция или Англия по военным кредитам расплачивалась десятилетиями, то Россия была лишена такой возможности. Эту специфику отмечали и иноземные дипломаты: «Все расходы царя уплачиваются в пределах текущего года, что особенно увеличивает тяжесть войны. Хотя он должен не более 200 000 рублей, его казначейство при дурном управлении не может найти кредита даже на 10 000 рублей; купцы не хотят давать переводов, пока не получают в руки денег»²⁵. У России не было иного источника военных расходов, кроме своего народа. Каждая война оборачивалась громадным напряжением народных сил и тяжелым бременем ложилась на плечи служилых и податных сословий. Причем модернизационные процессы, набиравшие темпы в XVII—XVIII вв., только усугубляли и без того трудное социально-экономическое положение народа.

Таким образом, военные культуры России и Западной Европы периода позднего феодализма, как цивилизационные формообразования, значительно отличались друг от друга. В европейском обществе накануне Нового времени наблюдался постепенный переход от негативного отношения к войне — к индифферентному. Инфантильность простого народа в сочетании с сословно-ментальной воинственностью дворянства, материальной заинтересованностью профессиональных воинов и агрессивной предприимчивостью торгово-промышленных буржуа дает основание современным исследователям заявлять о «культурной предрасположенности цивилизации к войне»²⁶. На Руси наблюдались обратные тенденции. В русской культурной традиции позднего феодализма война оставалась тяжелым испытанием народа. Она несла горе и страдания, разруху, лишения, голод, смерть. Более того, образы и ассоциации войн Нового времени только усиливали антивоенные настроения. Стойкое неприятие войны становилось все более доминирующим ментально-нравственным образованием русской культуры.

Примечания

1. КЛАУЗЕВИЦ К. Принципы ведения войны. М. 2009, с. 127.
2. SKOCPOL T. Wallerstein's world capitalist system: a theoretical and historical critique. — *American Journal of Sociology*. 1983, № 82, p. 1088.
3. MODELSKI G. The Long Cycle of Global Politics and the Nation State. — *Comparative Studies in Society and History*. 1978, № 20, p. 222.
4. THOMPSON W. R. Uneven Economic Growth, Systemic Challenges, and Global Wars. — *International Studies Quarterly*. 1983, № 27, p. 347.
5. DORAN C.F. Power Cycle Theory and the Contemporary State System. In: THOMPSON W.R. *Contending Approaches to World System Analysis*. Beverly Hills. 1983, p. 178.
6. BLACK J. The theory of the balance of power in the first half of the eighteenth century: a note on sources. — *Review of International Studies*. 1983, № 9.
7. *Ibid.*, p. 19.
8. *Ibidem*.
9. Записки Раймонда, графа Монтекуколи, или главные правила военной науки. М. 1760, с. 65.
10. SONNINO P. Louis XIV and the Origins of the Dutch War. Cambridge University Press. 2002, p. 94—114.
11. *Lettres de madame de Sevigne*. P. 1822—1823, v. 7, p. 394.
12. LYNN J.A. *The Wars of Louis XIV 1667—1714*. L.-N.Y. 1999, p. 28.
13. WOLF J.B. *Louis XIV*. N.Y. 1968, p. 78.
14. *Ibid.*, p. 217.
15. LYNN J.A. *Op. cit.*, p. 32.
16. LOSSKY A. International Relation in Europe. In: *New Cambridge Modern History*. Cambridge. 1970, v. 6, p. 207.
17. HOWARD M. *The Causes of wars and others essays*. 1983, p. 13.
18. ВОБАН. Книга о атаке и обороне крепостей. СПб. 1744, с. 160.
19. ЭНГЛУНД П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М. 1995, с. 56—57.
20. FRESCHOT C. *Histoire du Congress et la Paix d'Utrecht*. Utrecht. 1716, p. 6.
21. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. Т. III. М. 1988, с. 7.
22. История крестьянства Европы. Эпоха феодализма. Т. 3. М. 1986, с. 103; BRADDICK M.J. *The Nerves of State: Taxation and the Financing of the English State 1558—1714*. 1996, p. 112—113; SPOONER F. *The International Economy and Monetary Movements in France. 1493—1725*. 1972, p. 306.
23. LINN J.A. *Giant of the Grant Siècle: The French Army 1635—1715*. Cambridge. 2006, p. 24; HOCHEDLINGER M. *Austrian's War of Emergence 1683—1797*. 2003, p. 39; BRENNER J. *The Sinews of Powers*. L. 1989, p. 153; ROWLANDS G. *The Financial Decline of a Great Power*. Oxford. 2012, p. 43, 81.
24. МИЛЮКОВ П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого. СПб. 1905, с. 177.
25. WHITWORTH CH. *An account of Russia, as it was in the year 1710*. V. XXIV. L. 1758, p. 93.
26. HOWARD M. *Weapon and Peace*. 1983, с. 6; BLACK J. *The Origins of War in Early Modern Europe*. Edinburg. 1987, p. 123.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Место Косово во внешней политике Албании с конца XIX в. до начала 1990-х гг.

Ю.П. Бойко, В.А. Курбацкий

Косовское направление во внешней политике Албании формировалось на протяжении всего XX в., пока не стало в полной мере приоритетным с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Данный процесс прошел несколько этапов, тесно связанных с общей историей национально-освободительного движения албанцев, формирования у них органов власти и управления, а также с системой международных отношений на Балканском полуострове и в Европе в целом и местом в данной системе самого Албанского государства.

Первый этап в развитии рассматриваемой проблемы связан с деятельностью албанской Лиги в Призрене, созданной в этом косовском городе в 1878 г. и ставшей первым общеалбанским политическим объединением, разработавшим основы албанской государственности. Принятая в июле 1878 г. программа Лиги под названием «Карарнаме» («Книга решений»), призвала всех албанцев бороться «до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий», а также за «объединение всех населенных албанцами территорий в одну провинцию»¹.

Основные положения «Карарнаме» получили дальнейшее развитие в сентябре 1878 г. в условиях нарастания раскола в Призренской лиги, когда радикальное крыло Албанской лиги обнародовало новую программу². В ней, в частности, говорилось о недопущении того, чтобы «хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат», а также содержалось требование, что «все албанские области, в частности, Шкодринский и Янинский вилайеты, должны соединиться в единый, так называемый «Албанский вилайет»³. Столицей предполагаемого единого албанского вилайета, в который должны были войти, в том числе, косовские земли, предполагалось сделать находящийся в настоящее время в Македонии город Охрид в силу его центрального географического положения⁴.

Бойко Юрий Павлович — доктор политических наук, профессор; *Курбацкий Владислав Андреевич* — соискатель. Дипломатическая Академия МИД РФ.

Аналогичные идеи — хотя и не в столь радикальном «оформлении» — отстаивали и албанские делегаты, принимавшие участие в конгрессах младотурок в Париже в 1902—1907 годах. В частности, в 1905 г. они озвучили следующую программу: «право обучения на албанском языке, уважение со стороны турецкого правительства к албанским национальным обычаям и законам, прекращение гонений на албанцев, создание условий для национальной консолидации албанцев»⁵.

А в 1908—1912 гг. Албания и земли Косово стали ареной следовавших одно за другим с нарастающей интенсивностью антитурецких албанских восстаний. А первая Балканская война 1912—1913 гг., в ходе которой многие албанонаселенные районы перешли под военный контроль балканских союзников, послужила решающим катализатором провозглашения независимости Албании на всеалбанском Кувенде во Флере 28 ноября 1912 года. Глава утвержденного делегатами первого албанского правительства Исмаил Кемали видел в составе независимого Албанского государства не только земли собственно Албании, но также районы Битоли, Янины, Скопье, Приштины и Призрена. По свидетельству выходящей во Влере газеты «Перлиндье е Шчипнис», делегаты Национального собрания «единодушно согласились» со словами Исмаила Кемали о том, что «Албания с сегодняшнего дня должна стать самостоятельной, свободной и независимой под управлением временного правительства.

Это решение было встречено нескончаемыми аплодисментами со всех сторон. Заседание было прервано до следующего дня, и делегаты вышли наружу и приветствовали флаг, который был поднят в пять тридцать пополудни»⁶.

Тем не менее, споры и противоречия между великими державами и их военно-политическими блоками (Антанта и Тройственный союз), претензии балканских союзников, военно-политические конфликты между самими албанскими лидерами фактически сделали невозможным функционирование органов власти, созданных во Влере. А первая мировая война, в которой Албания официально не участвовала, окончательно ввергла страну в состояние хаоса и разрухи.

Тем не менее, именно в ходе послевоенного мирного урегулирования независимость Албании была подтверждена на самом высоком международно-правовом уровне. Однако в состав новообразованного государства не вошли косовские земли, и борьба властей Тираны за них вступила в новый этап. Созданный в ноябре 1918 г. Комитет по защите Косово призвал великие державы пересмотреть границы, установленные Лондонским совещанием послон 1913 г. и подтвержденные по итогам первой мировой войны, а также санкционировать объединение всех албанонаселенных земель в одно государство.

Лидеры Комитета (в основном из рядов албанской эмиграции) утверждали, что «почти половина тех, чья идентичность могла быть с полным правом определена как “албанская”, остались за пределами албанского государства»⁷. Они приняли программу, которая предусматривала такие цели, как «решительная борьба и защита любой ценой целостности страны», поддержка программных требований Призренской лиги 1878—1881 гг., освобождение собственными силами Косово и других албанских областей от «оккупантов» в целях создания единого албанского государства⁸.

Активисты Комитета по защите Косово поддерживали также тесные связи с симпатизировавшими им организациями за пределами Албании, в частности, с Временной македонской революционной организацией (ВМРО). Отношения Комитета и ВМРО носили дружественный характер и были закреплены «договором о взаимной поддержке»⁹. В ноябре 1920 г. стороны заключили соглашение о совместной борьбе с Белградом за присоединение Косово к Албании, а Македонии — к Болгарии и к уже к январю 1924 г. разработали план организации совместного выступления в Косово и Македонии (дезаурированный позднее болгарской стороной)¹⁰.

В результате последовавшей затем межалбанской борьбы Комитет по защите Косово был разгромлен властями Албании в 1924 г. после того, как его члены вошли в конфликт с новым правителем Албании Ахметом Зогу. Последний считал выходцев из Косово своими прямыми конкурентами и к тому же вообще не особо симпатизировал великоалбанским идеям. Он подчеркивал необходимость сосредоточиться на укреплении самой Албании и основ ее государственно-политического строя. Это дает основания утверждать, что именно «победа Зогу над косоварами в действительности определила ту политику, которой с тех пор придерживалась Тирана: Албания — а не албанцы — прежде всего»¹¹.

Объединение Косово и Албании осуществилось на короткое время в годы второй мировой войны в контексте фашистского оккупационного режима. Италия присоединила к оккупированной в 1939 г. ею Албании в том числе косовские округа Приштины, Печи и Призрена, а правящая албанская фашистская партия торжественно объявила в мае 1941 г., что почти все балканские земли, на которых проживают албанцы, отныне присоединены к Албании¹².

Однако державы антигитлеровской коалиции в рамках послевоенного урегулирования приняли решение вернуть Албанию к ее прежним границам, которые в целом соответствовали решениям Лондонского совещания послов великих держав 1912—1913 годов.

Еще более сложно и противоречиво развивались в годы войны и в первые послевоенные годы отношения между новыми властями Албании и Югославии. В одном из обращений Генерального Штаба Национально-освободительной армии Албании к командующему Народно-освободительной армии Югославии Иосипу Броз Тито говорилось буквально следующее: «Мы никогда не оставались без вашей помощи, о которой наш народ знает и за которую благодарен. Братство по оружию наших народов скреплено совместной борьбой, и пролитая кровь сцементировала эту дружбу, которую ничто не может разрушить»¹³.

Однако подобные констатации не мешали сторонам неоднократно пересматривать конкретные принципы решения косовской проблемы. В частности, в декабре 1943 г. делегаты состоявшейся на косовско-албанской границе конференции представителей коммунистических партий Албании и Югославии постановили, что «единственным путем обретения свободы является предоставление всем народам, включая албанцев, возможности принять решение о своей собственной судьбе, включая право на самоопределение, вплоть до отделения и включая отделение». Однако уже в 1945 г. аналогичная

конференция в косовском городе Призрен постановила пересмотреть вышеуказанное решение, и представители косовских коммунистов теперь уже поддержали вхождение данной области в состав Сербии, а не Албании ¹⁴.

Установившийся в Албании после второй мировой войны жесткий тоталитарный социалистический режим в целом объективно подавлял националистические устремления как нечто, присущее империалистическим державам. Тем не менее, тогдашний албанский лидер Энвер Ходжа отнюдь не был чужд великоалбанским проектам, которые он обосновывал историко-этническими соображениями. Особую нелюбовь Ходжи вызывали два ключевых международных договора, касавшихся территориального обустройства Балкан, — Берлинский трактат 1878 г. и Версальский мирный договор 1919 г., закрепивший итоги первой мировой войны.

Внешне парадоксально, но факт: идея объединения Косово с Албанией в том или ином виде поддерживалась столь разнородными и даже противоположными силами, как фашисты, националисты и коммунисты. В самые первые послевоенные годы идеи объединения Косово и Албании стали рассматриваться, в свою очередь, в контексте так и не состоявшейся Балканской федерации — надгосударственного образования, способного, по мнению лидеров балканских стран того времени, нормализовать копившиеся веками межэтнические противоречия и взаимные территориальные претензии в регионе. Уже 5 февраля 1945 г. секретарь ЦК Коммунистической партии Югославии Эдвард Кардель, находясь с визитом в Москве, заверил советских лидеров в том, что югославское руководство считает «необходимым, чтобы Югославия теснее связывалась с Болгарией и Албанией, а также с Австрией и Венгрией, если политические процессы в этих странах будут развиваться в таком направлении, которое сделало бы возможным такую связь» ¹⁵.

Идею Балканской федерации в принципе разделяли лидеры всех трех основных заинтересованных государств — Албании, Югославии и Болгарии. Один из сценариев предусматривал надгосударственное объединение Албании не только с Югославией (и соответственно с Косово) и Болгарией, но также и с Румынией и даже Грецией (несмотря на всю сложность албано-греческих отношений). Данный широкоформатный проект поддерживал, в первую очередь, коммунистический лидер Болгарии Георгий Димитров. В отличие от него, Иосип Броз Тито выступал за создание Южнославянского Союза (Союза Южнославянских Народных Республик) — как второго этапа объединения. Первым этапом должно было стать объединение Албании и Югославии. Вот как объяснял необходимость и возможность данного сценария Э. Кардель: «Почти одинаково обстоит дело с Албанией, где внутренние политические условия уже совсем созрели для объединения, и Албания сама под руководством коммунистической партии не имеет другого выхода кроме того, чтобы самым тесным образом опереться на Югославию» ¹⁶. В Белграде были уверены, и в этом они встречали понимание со стороны Тираны, что албано-югославское объединение не только стало бы ядром Балканской федерации, но наилучшим возможным решением косовской проблемы, причем путем включения Косово именно «в албанскую федеральную единицу» ¹⁷.

Согласно воспоминаниям соратника Иосипа Броз Тито Милевана Джиласа, Белград и Тирана уже в последние месяцы второй мировой войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии», поскольку «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что... особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославско-албанской федерации»¹⁸.

В этом плане позиция югославского руководства по Косово объективно находилась в русле чаяний лидеров послевоенной Албании, поскольку Тито «намного больше интересовала судьба задуманной им Балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия. Он готов был пожертвовать Косово, чтобы сделать собственные планы привлекательными для Албании»¹⁹. Советский посланник в Албании Д.С. Чувахин, комментируя в своем дневнике беседу с Э. Ходжей после его посещения Белграда, отмечал в июле 1946 г., что югославский лидер, согласно наблюдениям Ходжи, «считает необходимым принять все меры к сближению населения Косово и Метохии с населением Албании и что одной из таких мер могло бы быть открытие албано-югославской границы и отмена таможенных пошлин на этом участке границы»²⁰.

Правда, сам Ходжа занимал по этому вопросу весьма сдержанную позицию. Он полагал, что вопрос открытия албано-югославской границы в районе Косово и Метохии «требует специального изучения и что к нему можно будет вернуться в будущем»²¹. Что же касается судьбы Косово, то албанский лидер дал понять советскому дипломату, что «эта область, населенная в подавляющем большинстве своим албанцами, несомненно, будет присоединена в свое время к Албании, но что это возможно лишь только тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими». Ходжа добавил, что «этой точки зрения он придерживался на протяжении всей национально-освободительной борьбы и что такую же позицию в этом вопросе занимало и все руководство албанской КП»²².

Примечательно, что в вопросе о будущем объединении Албании и Югославии так или иначе совпадали подходы не только Ходжи и Тито, но и Сталина. М. Джилас цитирует фразу, с которой руководитель СССР обратился к нему в январе 1948 г.: «Мы согласны, чтобы Югославия проглотила Албанию»²³.

Однако данный шаг, очевидно, мыслился как завершающий этап более длительного процесса. Во всяком случае, будущая судьба Косово еще в 1947 г. виделась Москвой и Белградом в составе Албании, о чем свидетельствует опубликованный в Белграде в 2001 г. протокол беседы, состоявшейся у Карделя в Москве со Сталиным 19 апреля 1947 года. Вот соответствующая выдержка из него:

«Кардель: У нас на территории Косова и Метохии и сегодня больше албанцев, чем сербов. Мы думаем, что позже, когда еще теснее сойдемся с албанцами, мы уступим им эти территории.

Сталин (это ему было очень приятно): Очень хорошо, это правильно»²⁴.

На протяжении 1947 г. албано-югославское сближение в контексте проблемы Косово наполнилось новым, более конкретным содержанием. Согласованное двустороннее торговое соглашение предусматривало, что все экспортно-импортные операции «должны были осуществляться исключительно югославскими организациями»²⁵. Тирана и Белград достигли договоренности о парификации денежной системы двух стран, об унификации цен, о таможенном союзе, об обязательности согласования народнохозяйственных планов, о создании совместных обществ. В конце 1947 г. стороны приступили к обсуждению, пожалуй, самого большого на тот момент вопроса — объединения армий.

В том, что касалось Албании, данный подход имел в качестве своего идеологического обоснования резолюцию V Пленума ЦК Коммунистической партии Албании от 1946 года. В этом документе прямо подчеркивалось, что политика Албании «должна ориентироваться на более тесную и конкретную связь с Югославией»²⁶. Правда, не все в руководстве КПА было столь однозначно. Там вынуждены были учитывать различные нюансы политики Советского Союза, а Москва не стремилась занимать однозначную позицию по поводу сближения Албании с Югославией, держа в уме собственные противоречия с Тито и его окружением. Отсюда и знаменитая фраза Сталина, не вписывавшаяся в общую канву политики Тираны, прозвучавшая в ходе переговоров с албанской правительственной делегацией в июле 1947 г.: «Албания должна встать на свои собственные ноги»²⁷.

В 1948 г. в вопрос албано-югославского объединения вмешалась более высокая геополитика — конфликт Белграда и Москвы. Правительство Албании уже 1 июля объявило об аннулировании всех двусторонних договоров и о высылке из страны югославских советников²⁸.

Подобное развитие ситуации не только поставило крест на сценариях решения проблемы Косово посредством создания соответствующих надгосударственных интеграционных структур, но и создало в балканском регионе новую геополитическую реальность, составной частью которой стала растущая самоизоляция Албании, не пожелавшей отказываться от поддержки антиюгославских положений резолюции Информбюро даже после нормализации отношений Москвы и Белграда.

По сути, для Тираны «конфликт 1948 г. открыл путь к новой фазе национальной борьбы под националистическими лозунгами, замаскированными марксистско-ленинскими формулами. Вследствие этого великоалбанский национализм приобрел “левореволюционную направленность” и крайний радикализм»²⁹.

Для понимания исторических корней и подходов руководства Албании к проблеме статуса Косово стоит процитировать секретное письмо, направленное лично албанским лидером Энвером Ходжей от имени своей партии в ЦК ВКП(б) в середине 1949 года. В документе, в частности, говорилось:

«Проживающие в Народной Республике Югославии албанцы Косово по своей численности составляют значительное национальное меньшинство. Это албанское меньшинство расселено в районах, гра-

ничающих с Народной Республикой Албанией. Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы Албании и албанского национального меньшинства Косово.

По старым, довоенным статистическим данным (фальсифицированная статистика королевских режимов Сербии, с помощью которой они пытались доказать, что албанское национальное меньшинство по своей численности является незначительным) численность албанского нацменьшинства составляет около 700 000 человек. На самом же деле в Югославии — в Косово, Метохии, Македонии и Черногории — число албанцев достигает миллиона, если не более. Значительная часть албанцев в этой статистике маскировалась и скрывалась режимами того времени под видом мусульман и турок.

Албанцы Косово, Метохии и других мест свой насильственный отрыв от Албании считали и продолжают считать самой большой несправедливостью, допущенной по отношению к ним. Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя. Такова действительность. Их единственный идеал — это слияние с Албанией.

Во время второй мировой войны как фашизм, так и албанская реакция опирались именно на этот фактор. Они подняли вопрос о Косово и “соединили” Косово и Метохию с Албанией под лозунгом “Великой Албании”. Со стороны фашизма это было большой демагогией, в результате которой албанцы Косово оказались нейтральзованными в борьбе с фашизмом, и у них создалась иллюзия того, что их “вековая мечта о соединении с Албанией якобы осуществилась, а потому нет и причин для борьбы с фашизмом”.

Под влиянием иллюзорного “освобождения” албанцев Косово из-под югославского рабства и “соединения” с Албанией Косово превратилось в фашистский и реакционный резерв...»³⁰.

Понятно, что югославская сторона понимала историю Косово и сербо-албанских отношений несколько иначе, хотя в силу определенных геополитических соображений в конце 1940-х гг. несколько сместила приоритеты. К примеру, вот как характеризовал данный вопрос в Париже перед участниками мирной конференции 1919 г. глава сербской военной миссии генерал Петар Пешич:

«Народ в Албании не отличается культурой, он поделен на многочисленные полудикие племена, находящиеся в постоянной междоусобной вражде и борьбе, и продемонстрировал свою неспособность к самостоятельной жизни.

В этом случае, если бы мирная конференция пришла к выводу о разделе Албании — в соответствии с вышеизложенной причиной — между соседними культурными народами, которые взяли бы на себя обязательство ввести на этой единственной полудикой территории Балкан и привить проживающему на ней народу современную культуру и цивилизацию, мы бы потребовали присоединить к объединенному Королевству Сербов, Хорватов и Словенцев северную часть Албании до реки Шкумби.

Мы требуем этого не в завоевательных целях, а с искренним желанием помочь народу, проживающему на этой территории, составляющей единое природное целое с нашим будущим государством, как можно скорее достичь необходимого уровня развития и облег-

чить ему условия жизни в нашей единой общности — учитывая бедные природные условия земли, на которой он проживает»³¹.

Главным сдерживающим фактором в плане проведения Албанией более активной политики на косовском направлении выступала растущая самоизоляция страны. Тем не менее, связи косовских сепаратистов и Албании Энвера Ходжи постепенно, но неуклонно укреплялись. На это, в частности, указывал, смещенный в 1966 г. с поста руководителя югославской Службы государственной безопасности Александр Ранкович, которому парадоксальным образом ставилось в вину слишком жесткое проведение «унитаристской» политики в Косово. По его данным, действовавшие к тому времени на косовской территории подпольные организации уже не были маленькими и изолированными друг от друга группами, а являлись «организациями с объединенным руководством, способными к проведению враждебных акций» и поддерживавшими связи с Албанией³².

Начавшийся на рубеже 1980—1990-х годов распад единой Югославии перевел ситуацию вокруг Косово в новое русло. Ключевым фактором, активно использовавшимся в собственных целях в том числе руководством Албании, стал проведенный в сентябре 1991 г. в крае «референдум по вопросу суверенитета и независимости»³³.

Плебисцит принес предсказуемый утвердительный результат. Косово провозглашалось «суверенной и независимой республикой»³⁴. Данный вердикт не был признан ни Белградом, ни мировым сообществом, но был использован руководством Албании в целях политического обеспечения более активного курса на косовском направлении. Еще в июне 1991 г. новый премьер-министр Албании Юлы Буфи среди основных задач внешней политики своего кабинета указал на особую заинтересованность в установлении и поддержании «стабильных политических отношений с Югославией»³⁵.

А уже в октябре того же года все то же «переходное» правительство Буфи своим последним внешнеполитическим актом признало самопровозглашенную «Республику Косово» в качестве «суверенного и независимого государства»³⁶. Данное решение базировалось на соответствующем постановлении Народного собрания Албании от 22 октября 1991 г., в котором подчеркивалось, что парламент страны «признает Республику Косово суверенным и независимым государством на основе принципа свободы и полного равенства со всеми другими народами». В документе также говорилось о том, что Народное собрание Албании «также признает законным новое временное правительство Республики Косово, возглавляемое д-ром Буяром Букоши»³⁷.

Одновременно Координационный совет албанских политических партий в Югославии принял 12 октября 1991 г. Политическую декларацию, в которой отмечалось, что в случае изменения югославских границ «албанская часть Югославии посредством принятия основной декларации по результатам плебисцита решится на территориальное объединение с Албанией». В качестве идеологического обоснования новой перекройки границ в документе указывалось, что «в процессе определения государственных границ Албании были проигнорированы этнические принципы и воля албанского народа»³⁸.

Однако возможности самой Албании проводить активную самостоятельную политику на косовском направлении объективно огра-

ничивались необходимостью преодолевать собственную внешнеполитическую изоляцию, что требовало от Тираны максимальной сдержанности.

В 1992 г. Тирана подписала соглашение с Европейским союзом о торговле и сотрудничестве, став при этом членом Совета Европы³⁹. С 1994 г. Албания стала участником программы НАТО «Партнерство во имя мира», а в 1995 г. спецпредставитель президента США Билла Клинтона на Балканах Ричард Холбрук в ходе своего визита в Албанию заверил своих собеседников в поддержке интеграции страны в Североатлантический альянс⁴⁰. К 1991 г. относится и активизация двусторонних переговоров руководителей Албании с представителями ведущих западных держав, которые также настоятельно советовали Тиране проводить эффективные реформы внутри страны, а также сдержанную внешнюю политику. Особую активность в налаживании отношений с Албанией проявила Италия, озабоченная проблемой албанских беженцев⁴¹.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что развитие ситуации на Балканах в настоящее время во многом повторяет сценарии более чем столетней давности — конца XIX — начала XX в. — отличавшиеся этническим национализмом, великодержавными концепциями, взаимными территориальными претензиями и перекройкой международно—признанных границ. Это позволяет рассматривать современные события в Косово, Боснии и Герцеговине, Македонии и Черногории не как изолированные явления, а как «отложенную цепную реакцию открытых вопросов времен Балканских войн 1912—1913 годов»⁴².

Примечания

1. REUTER J. Die Albaner in Jugoslawien. München. 1982, S. 18.
2. POLLO S., PUTO A. The History of Albania. L. 1981, p. 125.
3. HASANI S. Kosovo. Istine i zablude. Zagreb. 1986, s. 284—285.
4. VICKERS M. The Albanians. A Modern History. L.—N.Y. 1995, p. 33.
5. СЕНКЕВИЧ И.Г. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М. 1959, с. 85.
6. NOSI L. Dokumenta historike për t'i shërbye historiës tone kombëtare. Tirana. 2007, f. 176—179.
7. Pan—Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana—Brussels. 2004, p. 3.
8. МАЛИКОВИЋ Д. Качачки покрет на Косову и Метохији 1918—1924. Приштина. 2005, с. 41.
9. Македонский вопрос в документах Коминтерна. Т. I. Скопје. 1999, ч. 1, с. 123.
10. ИВАНОВ П.Ц. Ко су и шта хоће шиптари. Београд. 1998, с. 104.
11. JUDAH T. Kosovo: What Everyone Needs to Know. Oxford University Press. 2008, p. 43—44.
12. ZOLO D. Invoking Humanity: War, Law, and Global Order. L. 2002, p. 24.
13. Цит. по: Краткая история Албании. М. 1992, с. 382.
14. Подробнее см.: PEROLLI G. Konferenca e Vujanit. N.Y. 2002.
15. Советский фактор в Восточной Европе 1944—1953 гг. Документы. Т. 1. М. 2002, с. 138.
16. Там же.
17. VICKERS M. Op. cit., p. 165.
18. ДЖИЛАС М. Лицо тоталитаризма. М. 1992, с. 96.

19. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1. М. 2006, с. 20.
20. Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953 гг. Т. 1. М. 1998, с. 477.
21. Там же.
22. Там же, с. 476.
23. ДЖИЛАС М. Ук. соч., с. 103.
24. Цит.по: Албанский фактор..., т. 1, с. 112.
25. Краткая история Албании..., с. 404.
26. Там же, с. 405.
27. Цит.по: Краткая история Албании..., с. 405.
28. Там же, с. 406.
29. ФИЛИМОНОВА А.И. Косово в 60-е годы XX века: генеральная репетиция независимости? В кн.: Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. М. 2013, с. 428.
30. Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. Т. 2. М. 1998, с. 206—214.
31. Албанский фактор..., т. 1, с. 71—72.
32. РАНКОВИЋ А. Дневничке забелешке. Београд. 2001, с. 158.
33. Албанский фактор..., т. 1, с. 218.
34. A Political Declaration. The Truth on Kosova. Tirana. 1993, p. 338—339.
35. Ibid., p. 375.
36. СМИРНОВА Н.Д. История Албании в XX веке. М. 2003, с. 379.
37. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/51/765.
38. A Political Declaration..., p. 338—339.
39. ХУДОЛЕЙ К.К. История Албании. СПб. 2005, с. 68.
40. Там же, с. 79; СМИРНОВА Н.Д. Ук. соч., с. 386.
41. ХУДОЛЕЙ К.К. Ук. соч., с. 78, 88.
42. CHASHULE S. Kosovo, a Joint Venture of Democracy. — *Macedonian Affairs*. 2005, vol. V, № 4, p. 31.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Нижегородский этап карьеры А.Н. Хвостова (1910—1912 гг.)

С.В. Куликов, Ф.А. Селезнёв

В результате революции 1905—1907 гг. в политической жизни России заметно возросла роль прессы. Через нее к общественному мнению начали апеллировать не только деятели оппозиции, но и представители бюрократической элиты. В России становился востребованным новый, европейский, тип администратора. Он, в отличие от аполитичного российского бюрократа предшествовавшей эпохи, должен был уметь добиваться общественной поддержки, то есть быть публичным политиком.

Одним из первых публичных политиков начала XX в. стал П.А. Столыпин. Но он не был уникальным явлением для бюрократической элиты 1905—1917 годов. В качества яркого примера политика столыпинского типа можно назвать Алексея Николаевича Хвостова (1872—1918) — первого губернатора, ставшего главой думской фракции, и первого депутата, получившего министерский портфель. Нижегородский этап карьеры предопределил возвышение Хвостова до уровня политика общенационального масштаба.

До революции 1905 г. Хвостов имел репутацию либерального бюрократа, но затем, столкнувшись с революционными эксцессами, поправел. Это ярко проявилось в ходе его губернаторства в Вологде (1906—1910), где он развил бурную деятельность, в частности, организовал геологическую экспедицию на Ухту, которая завершилась открытием там богатых месторождений горючих ископаемых, прежде всего — нефти¹. Личным исследованием естественных богатств русского Севера Хвостов обратил на себя внимание Николая II.

Алексей Николаевич энергично поддержал проект вологодского земства связать водными путями Западную Сибирь с Архангельском и европейским центром России. Для этого нужно было соединить

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник С.-Петербургского института истории РАН; *Селезнёв Федор Александрович* — доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Северную Двину с одной стороны с Обью, с другой стороны (через реки Сухона и Лежа) — с Волгой ². Это способствовало бы экономическому росту не только Вологодской губернии, но и Северного Урала с Сибирью. Указанный замысел также получил положительную оценку императора ³.

Зримым доказательством благоволения Николая II к Хвостову стало назначение последнего нижегородским губернатором. Это произошло 23 августа 1910 года. М.Н. Шрамченко, жена предшественника Хвостова на этом посту, отправила в Сенат жалобу на постоянные измены своего мужа. Между тем, Нижний Новгород должен был стать одним из ключевых мест празднования 300-летия династии Романовых. Туда предполагался приезд царской семьи, поэтому от нижегородского губернатора требовалась безупречная репутация. Жалоба жены стоила Шрамченко места. Его перевели в Вологду, а на его место был назначен Хвостов ⁴.

Вероятно, решение об этой перестановке принималось Николаем II без согласования со Столыпиным, отбывшим в длительную поездку в Поволжье и Зауралье (23 августа премьер находился в Акмолинской области) ⁵, и Столыпин мог увидеть в этом ущемление своих прерогатив.

Председатель Совета министров вскоре нашел случай поставить нижегородского губернатора на место. После доклада обиженного Шрамченко Хвостов был срочно вызван в Петербург по поводу «хаотического состояния Вологодской губернии» и «начета» на него (Хвостова) в сумме около 27 тыс. рублей ⁶. Однако Хвостов — по характеристике С.Е. Крыжановского, «человек очень неглупый, талантливый и ловкий» ⁷, — сумел оправдаться и дать объяснения, которые были одобрены премьером ⁸.

Премьер-министру должны были импонировать жесткость по отношению к революционерам и энергичность Хвостова. В нижегородском губернаторе Столыпин мог увидеть самого себя пятью годами ранее: и по этапам карьеры, и по манере вести дела они были очень схожи.

И Столыпин, и Хвостов принадлежали к числу редких в правительственном лагере политиков публичного, западного типа. Отличительным признаком таких деятелей являлось активное взаимодействие с прессой. Этому уделял большое внимание Столыпин, не гнушавшийся контактов даже с кадетской «Речью» ⁹. Хвостов в первый день своего губернаторства пригласил к себе редакторов газет всех направлений (социал-демократического «Судоходца», кадетского «Нижегородского листка», прогрессистской «Нижегородской биржи», октябристского «Волгаря», черносотенного «Минина») и был с ними подчеркнуто любезен. Он заявил, что придает «большое значение печати» и «относится к чужим мнениям терпимо», а потому «предоставляет полную свободу выражения мнений и партийных взглядов», считая недопустимым только осуждение самодержавия и православной веры ¹⁰.

Публичному политику в начале XX в. для успеха был необходим и собственный подконтрольный орган печати. Столыпин путем соглашения с издателями газеты «Россия» превратил ее в правительственный официоз ¹¹. Роль пропагандистского рупора Хвостова взяла

на себя «Нижегородская торгово-промышленная газета». Она выходила с 1 марта 1911 года. Ее фактическим редактором и ведущим сотрудником стал П.А. Барач, который вместе с Хвостовым переехал в Нижний Новгород.

Барач являлся ключевым членом «команды» нижегородского губернатора, которая сопровождала патрона на протяжении всей его карьеры, перемещаясь с ним с места на место. Подобная практика не была обычной для российских губернаторов, поэтому привлекла пристальное внимание прессы¹². Еще одним новшеством для российской политической жизни было неформальное общение представителя власти с выборными народными представителями. Столыпин часто приглашал «на чашку чая» депутатов Государственной думы. Хвостов 29 октября 1910 г. сам пришел на чай в Нижегородскую городскую думу, где в кабинете городского головы обсудил с гласными животрепещущие вопросы городской жизни: постройку железнодорожного моста через Волгу, заем на устройство канализации, необходимость для Нижнего Новгорода высшего учебного заведения¹³.

Публичному политику каждое его действие важно не только само по себе, но и как повод для упоминания о нем в средствах массовой информации. Хвостов был мастером создавать такого рода информационные поводы. Причем в апреле-мае 1911 г. они приобрели характер интенсивной пропагандистской кампании. В это время Хвостов съездил в несколько мест Нижегородской губернии (Арзамас, Городец, Сормово, Зименки). Он побывал на празднике нижегородских пожарных дружинников, посещал монастыри и храмы (в том числе старообрядческие), богадельни, школы, приюты, произносил патриотические речи¹⁴. При этом главным зрителем для Хвостова являлся Николай II. Не могло не вызвать одобрения царя предпринятое Хвостовым сразу же после приезда в Нижний Новгород посещение Саровской пустыни. Вечерним поездом 9 октября 1910 г. (после своего первого официального приема) нижегородский губернатор выехал на богомолье в Саров. Прославление преподобного Серафима Саровского в лике святых состоялось в 1903 г. при активном участии императора. В царской семье к этому святому относились с особым почитанием.

Стиль властвования нижегородского губернатора привлек внимание Николая II. «Государь знал о нем, — указывала Вырубова, подразумевая Хвостова, — как об энергичном губернаторе»¹⁵. Николай II начал рассматривать его как кандидата в министры внутренних дел. Первым натолкнул царя на мысль использовать Хвостова в этом качестве Столыпин. «Мне его, — имея в виду Хвостова, говорил император дворцовому коменданту генералу В.Н. Воейкову в сентябре 1915 г., — рекомендовал покойный П.А. Столыпин, когда он (Хвостов. — С.К., Ф.С.) был нижегородским губернатором; когда Столыпин хотел уйти из Министерства внутренних дел и сделаться председателем Совета министров, он называл мне его кандидатом на пост министра внутренних дел»¹⁶.

Эта рекомендация, скорее всего, была дана в декабре 1910 года. 10 декабря 1910 г. Николай II написал записку Столыпину с упреком в слабости и бездеятельности в отношении печати (речь шла о распространении газетами слухов о Распутине)¹⁷. Хвостов уже показал,

что умеет общаться с прессой. Сделав нижегородского губернатора министром внутренних дел, Столыпин переложил бы на него и трудную проблему обуздания иеромонаха Илиодора, баламутившего Царицын и не подчинявшегося губернским властям. Кроме того, благодаря Хвостову можно было наладить отношения с Государственным советом, через который премьер-министр в это время пытался провести законопроект о реформе местного суда¹⁸. (Отец нижегородского губернатора входил в правую группу Государственного совета, доставлявшую Столыпину большие хлопоты).

Николай II, однако, считал нужным пока оставить в руках Столыпина оба занимаемых тем ключевых поста — и председателя Совета министров, и министра внутренних дел, но к Хвостову стал присматриваться еще внимательнее. Тот вспоминал, что царь «весь покрыл» собственноручными отметками его губернаторский отчет о положении Нижегородской губернии¹⁹.

Хвостов считал, что губернаторы должны в полной мере пользоваться властью, которая находится в их руках, держа в узде прессу и оппозицию и проводя энергичную наступательную политику по отношению к врагам престола. Именно так он сам действовал в Нижегородской губернии. Например, дата отмены крепостного права — 19 февраля — всегда использовалась либеральной оппозицией для нападок на власть, отказавшуюся от заветов Александра II. Но Хвостов использовал празднование в Нижегородском губернском дворянском собрании 50-летнего юбилея освобождения крепостных крестьян для выпада в сторону оппозиции. На состоявшемся 19 февраля 1911 г. мероприятии губернатор сказал: «Сегодня исполнилось пятьдесят лет со дня освобождения крестьян Александром II, погибшим от предательской руки русских революционеров»²⁰.

Однако, борясь с революционерами слева, Хвостов на первом этапе своего губернаторства (октябрь 1910 — март 1911 г.) еще не встал открыто на сторону крайне правых, придерживаясь апробированной им в Вологде роли арбитра, который находится над местными политическими схватками, оберегая, прежде всего, внутреннюю стабильность региона. Характерно, что, подвергая показательным репрессиям редакторов нижегородских газет, он поначалу нарочито выказывал свой политический нейтралитет. Наказывая левых, он, одновременно карал и правых. Если в феврале 1911 г. за публикацию «враждебного правительству» сообщения был оштрафован редактор кадетского «Нижегородского листка» А.А. Дробыш-Дробышевский²¹, то в марте 1911 г. редактора нижегородской черносотенной газеты «Козьма Минин» В.И. Киселёва по решению местного суда заключили в тюрьму «за возбуждение вражды между отдельными частями населения России»²².

При этом сам нижегородский губернатор в душе придерживался правых взглядов. «Сегодня был у нас впервые Хвостов, — записала хозяйка известного консервативного салона А.В. Богданович 3 ноября 1910 г. — Это — убежденный черносотенник»²³. Впрочем, эту характеристику не нужно понимать буквально. Достаточно сказать, что здесь же Богданович применила ее и по отношению к Л.Н. Толстому. Более правильным следует признать определение С.М. Султанова: «А.Н. Хвостов не реакционер, а консерватор». По воспомина-

ниям Султанова, «А.Н. Хвостов говорил иногда, смеясь, что склонен, скорее, быть выборным администратором, чем получать назначение из Петрограда, что он хотел бы быть зависимым от выборного начала, чем от усмотрения отдельных канцелярских юпитеров»²⁴.

Политические установки Хвостова были близки настроениям дворянской фронды из Совета объединенного дворянства, правой группы Государственного совета (куда входил его отец) и консервативных салонов Богданович и С.С. Игнатьевой. Все эти силы были негативно настроены по отношению к Столыпину, являвшемуся для них символом «канцелярского Юпитера». В 1911 г. они повели на председателя Совета министров решительную атаку. Принял участие в ней и Хвостов. Он представил Николаю II всеподданнейшую записку, в которой отмечалось, что если не будут приняты меры против «революционеров и смутьянов», то революция скоро вырвется наружу. Для недопущения этого нижегородский губернатор предлагал всех лиц, подозреваемых как «революционеров и смутьянов», «тем или другим путем, но энергично уничтожать»²⁵.

Разумеется, речь шла не о физическом, а о политическом уничтожении, причем с использованием буквы закона. Таким способом Хвостов начал борьбу против местных конституционных демократов. Он не утвердил в должности председателя Балахнинской уездной земской управы кадета И.А. Зубкова, затем дал новый ход делу о растрате в Макарьевском земстве, произошедшей в 1907 г., когда председателем Макарьевской земской управы являлся популярный кадетский активист, депутат III Государственной думы А.В. Иконников. Растрату (в размере 7300 р.) совершил член управы А.А. Грехов. Иконников сам сообщил об этом в уездном земском собрании и внес для покрытия ущерба свои личные деньги. Губернское по земским и городским делам присутствие признало Иконникова виновным в «излишнем доверии», но высказалось против предания его суду. Однако Хвостов остался при особом мнении. В результате вопрос был передан в Совет министра внутренних дел²⁶. Столыпин, однако, не поддержал Хвостова, требовавшего произвести предварительное следствие и по делу Иконникова.

Нижегородское земство к тому времени утратило свой оппозиционный характер. Оно было лояльно власти и сосредоточилось на хозяйственной деятельности. Кадеты уже не делали погоды в земских собраниях. Нижегородскую губернскую земскую управу возглавлял умеренно-правый В.Д. Калугин. Выборным членом Государственного совета от Нижегородского губернского земского собрания являлся шурин премьера А.Б. Нейдгардт. В этой ситуации вести борьбу с нижегородским земством Столыпин считал нецелесообразным. Он неоднократно поручал товарищу министра внутренних дел генералу Курлову указывать нижегородскому губернатору «на недопустимость его действий»²⁷.

Хвостов однако упорно продолжил выдавливать кадетов с государственной службы. Пострадал, в частности, инспектор начальных народных училищ Н.Н. Иорданский, которому в 1907 г. не хватило всего одного голоса для избрания во II Государственную думу, и который на выборах в III Думу добился безоговорочной победы по 2-му съезду городской курии Нижнего Новгорода. В 1911 г. по инициативе

Хвостова было начато расследование деятельности городского комитета попечительства о народной трезвости, в работе которого Иорданский принимал активное участие. В результате выяснилось не только антиправительственное направление деятельности самого комитета, но и то, что «Н.Н. Иорданский представляет из себя лицо, связывающее деятельность кадетского комитета Нижегородской губернии с революционными партиями»²⁸, и Иорданскому пришлось уйти в отставку²⁹.

Непременный член губернского по земским и городским делами присутствия кадет А.Е. Касьянов, выступивший против Хвостова в деле Иконникова, вынужден был перевестись в создаваемое Столыпиным Киевское земство³⁰. Туда же отправился заведующий ветеринарным бюро губернской земской управы конституционный демократ Н.А. Шадрин³¹.

Саботируя указания председателя Совета министров, Хвостов, одновременно сошелся с его злейшим врагом — иеромонахом Илиодором. Сближение Хвостова и Илиодора было облегчено тем, что оба они в 1911 г. находились в фаворе у хозяйки влиятельного консервативного салона графини Игнатъевой.

Около 7 мая 1911 г. Илиодор, будучи в Нижнем Новгороде проездом из Царицына в Петербург, побывал у Хвостова³². Нижегородский губернатор не побоялся принять недруга Столыпина, потому что знал: Столыпин проиграл битву против Илиодора. 2 мая 1911 г. был уволен Лукьянов, проведенный Столыпиным в обер-прокуроры, чтобы обуздать неистового иеромонаха. Самого Илиодора благосклонно встречали представители столичной консервативной элиты. 15 мая 1911 г. он совершил позднюю литургию в Иоанновском монастыре, причем на богослужении присутствовали дядя Хвостова, сенатор А.А. Хвостов, и графиня Игнатъева³³. А 21 мая Илиодор удостоился приема у Николая II. Позднее императрица Александра Федоровна через Г.Е. Распутина передала Илиодору три тысячи рублей для организации паломничества жителей Саратовской губернии в Саровскую пустынь³⁴.

Эта поездка была совершена Илиодором в июле 1911 г. и еще более сблизила его с Хвостовым. Илиодор привез в Нижний Новгород на пароходе около полутора тысяч паломников. Они на поезде отправились в Саровскую пустынь, откуда вернулись в Нижний Новгород 22 июля. От Ромодановского вокзала огромная процессия во главе с Илиодором в белой рясе торжественно прошла по одной из главных улиц города (Рождественской), поднялась на центральную (Благовещенскую) площадь и проследовала к Дому трудолюбия на Варварской улице, где для паломников была приготовлена трапеза. Здесь Илиодора встретил губернатора, расцеловавший иеромонаха и пригласивший его к себе на обед в Главный дом Нижегородской ярмарки³⁵. Откушав, губернатор и Илиодор вышли к народу на балкон Главного дома³⁶. После энергичной проповеди Илиодора Хвостов проводил своего гостя на борт парохода, сфотографировался с ним, а когда пароход отчалил, долго стоял на дебаркадере, пока судно не скрылось из глаз³⁷.

Не будет преувеличением сказать, что летом 1911 г. эти два человека находились в центре внимания августейших особ. В то время

царь серьезно обдумывал вопрос о назначении Хвостова министром внутренних дел. В дневниковой записи за 1 июня 1911 г., сообщив о приеме министров утром, Николай II отметил: «Затем представлялись еще губернаторы»³⁸. Судя по всему, именно во время этого представления нижегородский губернатор был принят императором «сидя, что, — вспоминал Хвостов, — считалось высшим знаком благоволения», причем разговор между ними «велся об общих предметах». Исключительное внимание Николая II к Хвостову упрочивало и то, что о нем говорили царю представители из его окружения. «Мне было известно, — вспоминал сам Хвостов, — от близких лиц, от иностранных посольств, что обо мне постоянно ведется разговор на охоте»³⁹. Летом Николай II не охотился, однако в июне-июле 1911 г. совершал длительное плавание по финляндским шхерам с частыми высадками на берег, которые могли сойти за «охоту», причем императора постоянно сопровождал помощник — начальник Военно-походной канцелярии царя флигель-адъютант А.А. Дрентельн, находившийся, по жене, в свойстве с Хвостовым⁴⁰. Именно через Дрентельна и могла происходить утечка информации. «Я знал, что в это время, — подразумевая лето 1911 г., показывал Хвостов, — ко мне относился в высшей степени благосклонно бывший император Николай II»⁴¹. Благоволила к нижегородскому губернатору и вдовствующая императрица Мария Федоровна. 27 июля 1911 г. Хвостов получил от нее телеграмму с благодарностью за поздравление по случаю тезоименитства⁴².

К началу августа 1911 г. решение императора сделать Хвостова министром внутренних дел, очевидно, созрело. При этом Столыпин должен был сохранить пост председателя Совета министров. Однако нельзя было исключить возможность того, что он откажется работать совместно с Хвостовым. На этот случай царь приготовил для Столыпина должность наместника на Кавказе, где требовалось обуздать монополистов, взвинтивших цены на нефть. Вероятно, 3 августа 1911 г. Николай II обсудил этот вопрос со Столыпиным, который имел аудиенцию у царя после поездки в свое имение Колноберже. Столыпин, видимо, выбрал кавказский вариант и рьяно принялся за дело. На другой же день премьер собрал Совет министров, где были рассмотрены вопросы о продлении срока действия исключительного положения в некоторых местностях Кавказского края и об особых полномочиях наместника на Кавказе⁴³. Уход Столыпина должен был состояться после торжественного открытия в Киеве земских учреждений Западного края, созданию которых глава кабинета отдал столько сил.

О предстоящей отставке Столыпина и назначении министром внутренних дел Хвостова, очевидно, узнал Распутин, принятый 4 августа царской четой⁴⁴. В историографии закрепилось мнение о том, что Николай II поручил Распутину съездить в Нижний Новгород, чтобы составить мнение о Хвостове как преемнике Столыпина⁴⁵. Мы полагаем, что данная версия является ошибочной. Царь ни до, ни после не давал подобных заданий Распутину. К тому же Николаю II в августе 1911 г. не требовалась консультация по личности Хвостова: он прекрасно его знал еще по губернаторству в Вологде. К советам Распутина по кандидатам в министры прибегала Александра Федоровна, но лишь с 1915 года. К поездке Распутина в августе 1911 г. она

не имела отношения. Это видно из следующего письма Александры к супругу: «Помнишь, — писала царица царю в сентябре 1916 г., подразумеваемая «нашего Друга» и Хвостова. — Он однажды ездил к нему в Нижний Новгород (я думаю, по твоему желанию)»⁴⁶. Как видим, в 1916 г. императрица помнила, что сама не посылала Распутина в Нижний Новгород. Она предполагала, что это сделал муж, но не имела твердой уверенности на сей счет. Неужели царь тогда дал поручение Распутину втайне от жены? Представить такое невозможно.

К тому же и выполнить подобное задание сибирскому крестьянину было бы проблематично. Ведь ранее губернатор и старец никогда знакомы не были, поскольку, согласно официальной справке, к 1913 г. Хвостов среди друзей Распутина не значился⁴⁷. Не случайно о встрече Распутина с нижегородским губернатором договаривался журналист Г.П. Сазонов, никак не связанный с Николаем II, зато знавший и Хвостова, и его отца⁴⁸. Сазонов телеграфировал Хвостову в Нижний Новгород: «Будете ли Вы в ближайшее время в Нижнем? Одному человеку очень нужно Вас повидать». Губернатор ответил по телеграфу же утвердительно⁴⁹.

Следует сказать, что Сазонова связывала с Распутиным давняя дружба. С 1906 г. Распутин, приезжая в Санкт-Петербург, останавливался на квартире этого журналиста⁵⁰. Добавим, что Сазонов был старым знакомым С.Ю. Витте. Узнав от Распутина, что скоро последует уход Столыпина с премьерского поста, Сазонов 18 августа 1911 г. написал об этом Витте. Бывший председатель Совета министров находился в это время на курорте Биарриц во Франции. Послание было передано с оказией. В письме графу Сазонов сообщал, что царь уволит Столыпина после торжеств по поводу открытия памятника Александру II в Киеве, то есть в начале сентября, и назначит руководителем МВД Хвостова, в связи с чем они, Сазонов и Распутин, едут в Нижний «переговорить по этому вопросу» с губернатором, от себя же журналист спрашивал у Витте — не согласится ли он стать премьером⁵¹.

Разумеется, Сазонов знал о негативном отношении Николая II к Витте. Смысл поездки как раз и состоял в том, чтобы уговорить Хвостова попросить царя о назначении Витте председателем Совета министров⁵². Предполагалось, видимо, что император, симпатизируя Хвостову, уважит его просьбу.

Распутин и Сазонов появились в Нижнем Новгороде «за неделю или десять дней до убийства Столыпина», то есть, приблизительно, 20—23 августа 1911 года. Информация о пребывании журналиста и его друга в Нижнем содержится в показаниях, данных Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Хвостовым⁵³ и Сазоновым, а также в их рассказах, переданных в эмигрантских воспоминаниях А.И. Гучкова⁵⁴, Н.В. Савича⁵⁵ и В.Н. Коковцова. Сазонов в 1912 или 1913 гг. сообщил Коковцову, что Распутин ездил в Нижний Новгород «по указанию из Царского Села». При этом Коковцову осталось неясно, «кто именно дал ему это поручение, и не было ли это просто выдуманно, чтобы придать себе значения»⁵⁶. Схожую информацию «в Четвертой Государственной Думе» Хвостов передал Н.В. Савичу: Распутин приехал по поручению лиц «коих он не назвал, но дал понять, что они близки к придворному кругу»⁵⁷. Од-

нако, беседуя с Гучковым в Кисловодске осенью 1916 г., Хвостов расцвел свой рассказ подробностями противоположного свойства. Оказывается, Распутин первым делом сказал: «Вот часто о тебе идут разговоры у нас с папашей и мамашей»⁵⁸ (то есть с царем и с царицей). Но, в 1917 г. на прямой вопрос следователя о том, кто направил Распутина, бывший нижегородский губернатор определенного ответа не дал. В его версии сибирский старец был «из Царского послан — посмотреть мою душу...». И лишь после повторного вопроса следователя, заданного через некоторое время, Хвостов сообщил, будто Распутин «прямо сказал», что прибыл от государя⁵⁹. Это признание, надо думать, было сделано под давлением, и следует верить не ему, а рассказу Хвостова Савичу, подтвержденному воспоминаниями Ковцова.

Итак, Николай II не направлял Распутина в Нижний Новгород. Инициатива поездки принадлежала Сазонову. Именно по его наущению Распутин намекал нижегородскому губернатору, что прибыл с поручением от высокопоставленных особ, и сулил должность министра внутренних дел при председателе Совета министров Витте — с тем, однако, условием, чтобы о назначении Витте «просил сам Хвостов»⁶⁰. После получения министерского портфеля Хвостову следовало «быть наружно в холодных отношениях с Витте, но вполне подчиняться ему»⁶¹. Однако нижегородский губернатор от такой комбинации наотрез отказался, «сказавши, что он с Витте служить не может»⁶². Причем, если Сазонова, как старого друга семьи, Хвостов принял любезно, то с Распутиным был негостеприимен, не пригласив того обедать и не познакомив со своей семьей, о чем тот просил⁶³. Эта обида надолго запомнилась Распутину. Уже после назначения Хвостова управляющим МВД, 29 сентября 1915 г., старец не преминул упрекнуть его в том, что в Нижнем Новгороде он «даже не дал ему поесть, а у него, Распутина, в кармане тогда было всего 3 рубля»⁶⁴.

Чем объяснить подобное недружелюбие Хвостова? Сам он впоследствии объяснял свое поведение так: «Тут была ярмарка: она кончалась. Мне было не до того, чтобы беседовать с ним»⁶⁵. К тому же губернатор готовился к намеченному на 25 августа большому торжеству — 300-летию «от начала исторических подвигов Минина». Но главная причина холодности Хвостова, видимо, заключалась в том, что к этому времени ухудшились отношения между сибирским старцем и Илиодором⁶⁶. Нижегородский губернатор в наметившемся противостоянии взял сторону влиятельного царицынского иеромонаха.

Уразумев, что на посту министра внутренних дел может появиться враждебный ему приверженец Илиодора, Распутин, как мог, постарался предотвратить это назначение. Приехав в Петербург, он направился в Царское Село, где, видимо, свое негативное мнение о нижегородском губернаторе донес лично до Николая II. (Вечером 24 августа 1911 г. царь «видел Григория») ⁶⁷. Распутин будто бы сказал, что Хвостов «хорош», «шустер», «но очень молод. Пусть еще погодит»⁶⁸.

Об этом разговоре Распутин наверняка сообщил Сазонову, у которого квартировал, а тот вполне мог передать содержание беседы Хвостову. Став депутатом, Хвостов, по выражению Н.В. Савича, о названной истории «разблаговестил»⁶⁹. Однако в его устах она приобрела несколько иной вид. Из нее исчез Витте. Да и упоминать

распутинца Сазонова Хвостову было не с руки. В версии Хвостова Распутин приезжал в Нижний Новгород один. Поэтому и пришлось ввести новую деталь — телеграмму Распутина. Вымысел о ней был нужен Хвостову, чтобы объяснить, как он узнал о негативной характеристике своей особы, данной Распутиным царю и царице.

В рассказах об этой телеграмме Хвостов часто путался и противоречил сам себе. Савичу он сообщил, что Распутин послал ее на имя Вырубовой. Причем потребовал телеграфный бланк прямо в губернаторских покоях и заполнил его при Хвостове следующим образом: «Видел, говорил, сердце хорошее, но молод, горяч, погодить надоть»⁷⁰. Можно твердо полагать, что содержание этой мифической телеграммы представляет изложение устного отзыва Распутина во время встречи с Николаем II 24 августа 1911 года. Почти буквально данный текст повторяется в воспоминаниях Гучкова о встрече с Хвостовым осенью 1916 г.: «Видел. Молод. Горяч. Подождать надо. Григорий»⁷¹. Но адресат телеграммы теперь не Вырубова, а сама императрица. Добавляется еще одна новая деталь: Распутин любезно разрешил Хвостову снять копию с бланка. Однако не прошло и года, как Хвостов радикально изменил версию. Оказывается, текст телеграммы губернатору достали «свои люди» с почты. Да и само ее содержание («Хотя Бог на нем почиет, но чего-то недостает»⁷²) в показаниях Хвостова Чрезвычайной следственной комиссии ни одним словом не совпадает с прежними вариантами. По нашему мнению, причина разночтения заключается в том, что старая версия текста сильно отличалась от туманных и глубокомысленных телеграмм Распутина, широко публиковавшихся в 1917 году. Поэтому был придуман вариант, похожий на них.

Следует сказать, что совет старца «погодить» с Хвостовым не возымел действия. Николай II продолжал благоволить нижегородскому губернатору. 26 августа он послал ему телеграмму с поручением передать благодарность всем участникам широко отмеченного в Нижнем Новгороде 300-летия получения грамоты патриарха Гермогена (давшей, как считалось, толчок к созданию ополчения под руководством Минина и Пожарского)⁷³. 6 сентября 1911 г., после кончины Столыпина, Николай II хотел поставить во главе МВД по-прежнему именно Хвостова, о чем и сказал новому премьеру Коковцову⁷⁴.

В.С. Дякин полагал, что тогда Хвостова выдвигал религиозно-политический салон графини Игнатъевой⁷⁵, однако обстоятельства беседы опровергают это мнение, подтверждая, что Хвостов являлся личным кандидатом императора. Но Хвостов не был политическим единомышленником Коковцова, который, по сравнению с нижегородским губернатором, имел намного более либеральные взгляды. Поэтому новый премьер попросил императора не доверять этот важнейший пост Хвостову. В письме Николаю II от 10 сентября 1911 г. Коковцов дал обширную мотивировку своего отрицательного отношения к Хвостову. Назначение его, как писал премьер монарху, «было бы принято всем общественным мнением и в особенности нашими законодательными учреждениями с полным недоумением и даже недоверием, побороть которое у него не хватило бы ни умения, ни таланта, ни знаний, ни подготовленности». Руководителем МВД Коковцов рекомендовал назначить государственного секретаря-

ря А.А. Макарова, ибо тому «близко полицейское дело, и он издавна изучал борьбу с политическими преступлениями»⁷⁶.

Царь согласился с этой логикой, поскольку убийство Столыпина сотрудником охранного отделения поставило на повестку дня вопрос о коренной реформе политической полиции. 11 сентября император писал матери, императрице Марии Федоровне, о необходимости для нового министра внутренних дел хорошо знать полицию, находящуюся в «ужасном состоянии». Макаров отвечал этому условию, поскольку «был товарищем при Столыпине и год тому назад составил законопроект о полиции». Однако и от кандидатуры нижегородского губернатора Николай II сразу не отказался. «Я еще думаю о Хвостове», — сообщил он в том же письме⁷⁷. Только 14 сентября 1911 г. царь телеграфировал премьеру из Ливадии: «Обдумав содержание Вашего письма, нахожу назначение государственного секретаря Макарова на должность министра внутренних дел вполне подходящим»⁷⁸.

Итак, от назначения Хвостова руководителем МВД царь отказался только по просьбе Коковцова, а не по причине отрицательного отзыва Распутина о нижегородском губернаторе. Тем не менее, А.Я. Аврех утверждал, что назначение Хвостова в сентябре 1911 г. «не состоялось только потому», что «он плохо принял Распутина, не поверив в серьезность его миссии»⁷⁹, и поскольку Распутин «дал о нем не совсем благоприятный отзыв»⁸⁰. Анализ источников доказывает безосновательность этих выводов.

Назначение Макарова, состоявшееся 20 сентября 1911 г., не лишило Хвостова возможностей карьерного роста. Вот-вот должны были освободиться две должности товарищей министра внутренних дел. Одну из них занимал П.Г. Курлов, которого считали виновным в допущении гибели Столыпина. Другую — С.Е. Крыжановский, находившийся в натянутых отношениях с Макаровым. Один из этих постов предполагалось дать Хвостову⁸¹. 24 сентября нижегородский губернатор по телеграмме Макарова скорым поездом выехал в Крым, чтобы представиться Николаю II в Ливадии⁸². Сначала Хвостова прочили на пост товарища министра внутренних дел, заведующего полицией. Товарищем министра, курировавшим местную власть (вместо Крыжановского) по слухам намечался директор департамента духовных исповеданий А.Н. Харузин⁸³. Но руководство реформой полиции Хвостову Николай II все-таки не доверил. Естественно при этой встрече император был уже не так любезен с Хвостовым, как раньше, чем сильно разочаровал своего прежнего любимца. В 1917 г. тот с обидой вспоминал, что «был принят в высшей степени неприязненно, в высшей степени сухо», что после предшествующих приемов ему показалось «не особенно приятным»⁸⁴. Однако путь вверх для Хвостова, вопреки его воспоминаниям 1917 г., еще не был закрыт. Нижегородский губернатор теперь рассматривался Макаровым в качестве замены Крыжановскому⁸⁵.

Вопрос о товарищах министра внутренних дел должен был решиться в ходе визита в Ливадию председателя Совета министров Коковцова. Николай II принял премьера 4 октября. По воспоминаниям Коковцова, царь встретил его «необыкновенно милостиво», продержал на докладе более двух часов и утвердил «решительно все» предложения главы кабинета⁸⁶. Отсюда можно сделать вывод, что и назна-

чение Хвостова товарищем министра не состоялось по просьбе Коковцова. Новый премьер, вероятно, опасался, что Хвостов, взяв в руки руководство избирательной кампанией, будет проводить ее грубо и прямолинейно, используя административный ресурс, а это приведет к конфликту правительства с Государственной думой и прессой. Поэтому Крыжановский сохранил свой пост. В прессу просочилась информация о том, что он, несмотря на расхождения со своим новым шефом, Макаровым, считается трудно заменимым лицом, поскольку «знает технику выборов», поэтому за ним решено сохранить должность на год — до окончания кампании по выборам в IV Государственную думу ⁸⁷.

12 октября Хвостов вернулся в Нижний Новгород. Но тут прошел слух, что отставка Крыжановского все-таки решена. И, действительно, 15 октября тот получил должность государственного секретаря. Кандидатура Хвостова вновь стала актуальной ⁸⁸. Тем более, что после ухода 14 октября Курлова освободилась и должность товарища министра, заведующего полицией. 18 октября 1911 г. Хвостов срочно выехал в Петербург (под предлогом участия в юбилейных торжествах Александровского лицея, выпускником которого он являлся) ⁸⁹. В столице он имел продолжительную аудиенцию у Макарова. Затем нижегородского губернатора принял Коковцов ⁹⁰. Но повышение Хвостова опять не состоялось. В итоге товарищами министра внутренних дел стали И.М. Золотарёв и Харузин, люди близкие к Макарову, но не имевшие такой ярко выраженной правой политической репутации, как нижегородский губернатор, и потому приемлемые для Коковцова.

Таким образом, долгая борьба между Коковцовым и Макаровым по поводу продвижения наверх Хвостова завершилась победой премьера. Николай II в этом споре, что вполне естественно, поддержал нового главу кабинета. На решение царя повлияло и ухудшение его собственного отношения к Хвостову, что было предопределено связью нижегородского губернатора с Илиодором, который постепенно превратился из друга царской семьи в ее врага.

Слухи об охлаждении верхов к харизматичному царицынскому проповеднику появились в первой декаде августа 1911 года ⁹¹. Скандальные выходки Илиодора стали вызывать «в сферах» все большее раздражение ⁹². 24 сентября 1911 г. обер-прокурор В.К. Саблер прислал епископу Саратовскому Гермогену телеграмму, в которой просил разумить иеромонаха Илиодора, убедив того не нарушать церковного и общественного мира ⁹³. Назначение министром внутренних дел Макарова, глубоко почитавшего покровителя Илиодора — епископа Гермогена — на какое-то время позволило иеромонаху воспрянуть духом ⁹⁴. Илиодор, не терявший надежды занять вблизи царской семьи то место, которое занимал Распутин, 16 декабря 1911 г. предпринял попытку силой взять со своего конкурента клятву навсегда уехать в свое сибирское село. После этого безобразного скандала Илиодор еще целый месяц вел себя вызывающе, и, в результате, 17 января 1912 г. постановлением Синода был водворен на жительство во Флорищеву пустынь Владимирской губернии. Негласный орган нижегородского губернатора, «Нижегородская торгово-промышленная газета», встретила это известие с нескрываемым сожалением, охарактеризовав иеромонаха,

как человека «искреннего и, несомненно, талантливого, но увлекающегося»⁹⁵.

Флорищева пустынь находилась рядом с границей Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Поэтому балахнинскому исправнику по линии Нижегородского жандармского управления было предписано (дабы ссыльный самовольно не уехал из пустыни на ближайшие волжские пристани) установить в пределах уезда надежное наблюдение⁹⁶. Однако сам нижегородский губернатор не принял энергичных усилий для изоляции заточенного иеромонаха, которого периодически посещали знакомые и журналисты. Во Флорищеву пустынь проник под видом странника и близкий к Хвостову сотрудник «Нижегородской торгово-промышленной газеты» Б.М. Ржевский⁹⁷. Он взял у Илиодора интервью, которое опубликовал «Голос Москвы», направленное против Распутина. Несомненно, что в данном случае Ржевский действовал по заказу лидера октябристов А.И. Гучкова, чьим рупором являлась эта газета. В начале 1912 г. именно Гучков инициировал в III Думе антираспутинскую кампанию. Но ей сочувствовал и Хвостов, убедивший себя в том, что он не получил повышения по службе и утратил расположение императора по вине Распутина.

Потеряв надежду на продвижение вверх по линии МВД, нижегородский губернатор решил резко изменить карьеру. За оставшийся до выборов год он «делал все возможное, чтобы попасть в Государственную думу». «Все мои мысли были на то, чтобы уйти, — вспоминал Хвостов, — видя, что здесь мне отрезаны все дальнейшие пути»⁹⁸. (Впрочем, о превращении в депутата нижней палаты талантливый оратор размышлял еще при выборах во II Государственную думу)⁹⁹.

Сначала Хвостов думал пройти по Вологодской губернии. Однако туда приехал И.Я. Гурлянд (член совета министра внутренних дел) и «предупредил, что допускать этого не следует»¹⁰⁰. Очевидно власти не очень-то хотели видеть бывшего губернатора среди народных избранников. Тогда Хвостов, получивший эти сведения от старых знакомых в вологодской полиции, пошел на хитрость. Он начал усиленно муссировать слухи о том, что будет баллотироваться по Вологодской губернии. Сам же тем временем скрытно подготовил почву к тому, чтобы быть избранным в родной Орловской губернии.

Помог ему орловский депутат III Думы, один из лидеров Всероссийского национального союза В.Г. Ветчинин¹⁰¹. Интересно однако, что Хвостов прошел в парламент не как националист (хотя большинство орловских депутатов в IV Думе вступили именно в эту фракцию), а как правый. Забегая вперед, скажем, что во фракции правых он чувствовал себя не в своей тарелке и в марте 1913 г. даже порывался с небольшой группой единомышленников перейти к националистам. При этом Хвостов заявил, что его группа, будучи «глубоко консервативной, в то же время является группой конституционной и потому считает, что ей не место среди членов фракции правых»¹⁰². Разумеется, он не мог не понимать этого и до выборов. На наш взгляд, здесь имела место хитроумная политическая комбинация Ветчинина, рассчитывавшего внедрить Хвостова во фракцию правых и с его помощью установить над ней контроль. Вероятно, соответствующие договоренности были достигнуты во время поездки Хвостова в Елец

(где жил его отец) в конце декабря 1911 г. (Ветчинин был елецким уездным предводителем дворянства).

Нижегородский губернатор стал почетным членом Союза русского народа, Нижегородского Святогеоргиевского общества хоругвеносцев и других правомонархических организаций¹⁰³. Поэтому, с формальной точки зрения, имел все права на то, чтобы баллотироваться в Государственную думу от правых. А имидж вполне позволял Хвостову претендовать на роль их думского лидера. Ведь он уже получил всероссийскую известность как враг левых и кадетов. Еще 8 мая 1911 г. на совещании думской фракции Конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии нижегородский представитель заявил, что «в губернии губернатором теперь состоит известный Хвостов, и этим сказано все о положении местных дел»¹⁰⁴.

Теперь нужно было максимально закрепить образ губернатора-черносотенца в сознании правых по всей стране. В этом состояла главная задача предвыборной кампании Хвостова. Технически это делалось так: он должен был грубыми, вызывающими методами, с нарочитым использованием административного ресурса преследовать кадетов и устраивать гонения против евреев. При этом губернатора совершенно не волновало то, что его действия озлобляют общество против власти, дискредитируют ее и нарушают социальную стабильность. Главное, что они имели всероссийский резонанс. Происходило это благодаря тому, что акции Хвостова широко освещали популярные кадетские газеты «Речь» и «Русские ведомости», возмущенные преследованием своих нижегородских товарищей.

Хвостов приступил к делу сразу же после возвращения из Ельца. Сначала он решил выселить из Нижнего Новгорода всех незаконно проживавших там евреев. Эта инициатива не имела значительных последствий, но привлекла внимание прессы и вызвала обращение к министру внутренних дел депутатов-кадетов Л.Н. Нисселовича и А.А. Савельева¹⁰⁵.

Следующий удар был нанесен по нижегородскому земству. Губернатор совершил поездку в Лукояновский уезд для посещения пострадавших от неурожая местностей. Там он принял жалобы от погорельцев на невыплату земской страховки¹⁰⁶. Открывшиеся беспорядки дали повод Хвостову объявить о тотальной ревизии нижегородского губернского земства и всех подведомственных ему учреждений¹⁰⁷. Производил ее неперемный член Нижегородского губернского по земским и городским делам присутствия А.С. Арапов, один из видных деятелей «хвостовского предвыборного штаба». Он обнаружил ряд формальных нарушений законодательства, имевших место в 1904—1907 годах. В частности, открылись факты расхода средств из так называемых специальных земских капиталов (страхового, пенсионного, дорожного) на текущие нужды земства без соответствующего утверждения министра внутренних дел. В результате 13 марта 1912 г. состоявшееся под председательством Хвостова заседание Нижегородского губернского по земским и городским делам присутствия усмотрело в действиях членов земской управы периода 1904—1907 гг. признаки превышения власти и постановило возбудить предварительное следствие¹⁰⁸. Под следствием оказались лидеры нижегородских кадетов, депутаты

III Государственной думы Савельев и Г.Р. Килевейн, а также член губернского комитета кадетской партии Н.В. Шверин.

Дело Савельева — Килевейна — Шверина носило явно надуманный характер, ибо все финансовые операции, поставленные управе в вину, обсуждались на земских собраниях и не были опротестованы тогдашними губернаторами. А о том, что земство задыхается от нехватки денег (из-за недоимки земских сборов в революционные 1905—1906 гг.) и вынуждено тратить на текущие нужды часть средств из страховых капиталов, Савельев говорил даже с трибуны Государственной думы. Акция Хвостова ударила не по кадетской партии, а по авторитету властей. Этому способствовал и сам Хвостов, намекнувший, что дело возбуждено по инициативе «кого-то в Петербурге»¹⁰⁹. Широкие отклики получила статья писателя В.Г. Короленко в газете «Русские ведомости», близко знавшего Савельева и поручившегося за него своим авторитетом¹¹⁰. Чем ближе были выборы, тем чаще Хвостов давал прессе поводы упомянуть о нем. В июле 1912 г. он в течение недели обрушил показательные репрессии на нижегородские газеты. По постановлению нижегородского губернатора, за нарушение его обязательного постановления, выразившееся в возбуждении в населении враждебного отношения к правительству, были подвергнуты аресту редакторы «Судоходца» Ф.П. Хитровский и «Нижегородского листка» А.А. Дробыш-Дробышевский. На редактора «Волгаря» С.И. Жукова был наложен штраф в 300 рублей¹¹¹.

На той же неделе губернатор поставил в упрек городской управе Нижнего Новгорода то, что она «вносит в избирательные списки всех евреев, проживающих в городе, совершенно оставив без обследования и выяснения необходимые условия по приобретению ими избирательных прав»¹¹². По мнению Хвостова евреи (то есть люди иудейского вероисповедания), закончившие учебные заведения, но не получившие при этом кандидатской степени, должны приравниваться к категории лиц, не имеющих безусловного права жить вне черты оседлости и, поэтому, не подлежат включению в списки избирателей.¹¹³ Эта инициатива, жалоба на нее нижегородских евреев и отмена распоряжения нижегородского губернатора министром внутренних дел Макаровым естественно нашли отклик в прессе¹¹⁴.

Впрочем, Макаров, по крайней мере — внешне, относился к Хвостову положительно. Так, несомненно, именно по представлению Макарова нижегородский губернатор 25 марта 1912 г. получил свой первый орден — Св. Владимира 4-й степени. Признанием административных заслуг Хвостова со стороны Макарова стало и то, что в начале сентября 1912 г. он оказался в числе полутора десятков губернаторов (из почти сотни), которые участвовали в совещании под председательством Коковцова по поводу проведения предвыборной кампании в IV Государственную думу. Коковцов вспоминал, что Хвостов резко отличался от губернаторов «решительностью тона и живостью речи». Лейтмотивом выступления Хвостова было мнение о необходимости активного использования губернаторами в ходе предвыборной кампании административного ресурса. Парируя контрдоводы своих критиков, Хвостов заявил: «Вся наша беда в том, что мы не умеем или не желаем управлять; боимся пользоваться властью, которая находится в наших руках, а потом плачем, что другие вырва-

ли ее у нас» ¹¹⁵. Коковцов изобразил дело так, будто выступление Хвостова оказалось каким—то шокирующим диссонансом, да так оно и было, учитывая, что на фоне высокопоставленных чиновников нижегородский губернатор оказался единственным партийным политиком, а не аполитичным бюрократом.

С европейской точки зрения, Хвостов провел выборы образцово. Им и его помощниками была проведена большая организационная работа. Губернатор предписал всем уездным исправникам выяснить возможное соотношение сил на уездных съездах землевладельцев, установив, кто из крупных землевладельцев может туда явиться, и кто из них к какой партии принадлежит ¹¹⁶. Затем, после анализа полученной информации, в разъезды по губернии для организации групп правых избирателей отправились помощники Хвостова — неременный член Губернского по земским и городским делам присутствия Арапов, инспектор по делам печати Н.И. Левитский и чиновник для особых поручений А.В. Кочетов ¹¹⁷.

Сам же Хвостов занялся подготовкой желательных для него результатов выборов по крестьянской курии, собрав земских начальников и в «частной беседе» указав на возможные поводы для кассации в случае избрания нежелательных кандидатов ¹¹⁸. Доказывая, что в данном случае Хвостов выказал себя «талантливым политиком», управляющий нижегородским отделением Государственного банка (и член команды Хвостова) Н.П. Полянский вспоминал: «Он сделал то, что едва ли удалось бы сделать кому-либо другому. Он в избирательной кампании один выдержал борьбу против всей Нижегородской губернии. В Государственную думу оказались выбранными люди, почти никому в губернии не известные, но хорошо знакомые Хвостову» ¹¹⁹. Губернатору удалось провести в IV Думу 6 членов Союза русского народа и одного националиста, хотя ранее, в I—III Думы, Нижегородская губерния правых никогда не выбирала ¹²⁰.

Благодаря этому триумфу и полученной в ходе избирательной кампании всероссийской известности Хвостов был избран в IV Думу (от Орловской губернии) и там возглавил фракцию правых. Таким образом, в Нижнем Новгороде Хвостов превратился в политика общенационального уровня. Этому способствовало, прежде всего, его умение формировать свой имидж на страницах прессы. Причем не только лояльной, но и враждебной. Как талантливого публичного политика Хвостова особенно характеризует то, что он добился этого успеха, несмотря на охлаждение к нему первого лица в государстве. Увидев 12 декабря 1912 г. Хвостова во время приема депутатов Государственной думы нового созыва, император прошел, не останавливаясь. На обращение депутата: «Ваше Величество, я избран председателем Союза русского народа в Гос. Думе и, надеюсь, и в этой новой роли послужить не щадя сил Вашему Величеству» царь ответил лишь: «Послужите, послужите» ¹²¹. Тем не менее, на следующем этапе карьеры Хвостову удалось преодолеть предубеждение императора и получить вождеденную должность министра внутренних дел.

Примечания

1. МАКАРОВ И.А. Губернаторы и полицмейстеры. Н. Новгород. 2005, с. 294.
2. Нижегородский листок. 30.X.1910.
3. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 года. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства. Т. 1. Л. 1924, с. 3.
4. МАКАРОВ И.А. Ук. соч., с. 292.
5. П.А. Столыпин. Биохроника. М. 2006, с. 328.
6. Нижегородский листок. 3.XI.1910.
7. КРЫЖАНОВСКИЙ С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб. 2009, с. 132.
8. Нижегородский листок. 3.XI.1910.
9. КИРЬЯНОВ И.К. П.А. Столыпин — первый публичный политик от российской бюрократии. П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Международная научно-практическая конференция. Москва. 28—30 сентября 2011 г. М. 2012, с. 87.
10. Нижегородский листок. 10.X.1910.
11. КИРЬЯНОВ И.К. Ук. соч., с. 87.
12. Нижегородский листок. 6.IX, 7.XII.1910.
13. Там же. 30.X.1910.
14. Нижегородский листок. 3, 5, 28, 29. IV. 1911; 9, 10.V.1911.
15. ВЫРУБОВА А.А. Страницы моей жизни. — Верная Богу, Царю и Отечеству. А.А. Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб. 2005, с. 109.
16. Допрос генерала В.Н. Воейкова. 28 апреля 1917 года. Падение царского режима, т. 3, с. 80.
17. КОКОВЦОВ В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911—1919. М. 1991, с. 85.
18. ДЯКИН В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л. 1978, с. 205.
19. ИСКЕНДЕРОВ А.А. Закат империи. М. 2001, с. 310.
20. САДОВСКИЙ Б.А. Записки (1881—1916). Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). М. 1991, с. 167.
21. Нижегородский листок. 4.II.1911.
22. МАКАРОВ И.А. Ук. соч., с. 297.
23. БОГДАНОВИЧ А.В. Три последних самодержца. М. 1990, с. 491.
24. СУЛТАНОВ С.М. А.Н. Хвостов (Письмо из Москвы). — Биржевые ведомости. 7.X.1915.
25. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 567—568.
26. Нижегородский листок. 18.II, 19.III.1911.
27. ХВОСТОВ А.Н. Из воспоминаний. — Голос минувшего. 1923, № 2, с. 159—160.
28. Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 2, оп. 1, д. 759, л. 12об.
29. Нижегородский листок. 13.VII.1911.
30. Там же. 24.III.1911.
31. Там же. 20.V.1911.
32. Там же. 11.V.1911.
33. Петербургская газета. 16.V.1911.
34. ТРУФАНОВ С. (бывш. иер. Илиодор). Святой чорт (записки о Распутине). Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II (1914—1916). Пермь. 1991, с. 66.
35. Нижегородский листок. 23.VII.1911.
36. МЕЛЬНИКОВ А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817—1917). Н. Новгород. 1993, с. 291.
37. Нижегородский листок. 24.VII.1911.
38. НИКОЛАЙ II. Дневники (1894—1918). Т. 2. М. 2013, ч. 1, с. 568.
39. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., т. 1, с. 3—4.
40. САБЛИН Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб. 2008, с. 219—222.
41. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., с. 3.

42. Нижегородский листок. 28.VII.1911.
43. П.А. Столыпин. Биохроника, с. 360.
44. НИКОЛАЙ II. Ук. соч., с. 583.
45. АВРЕХ А.Я. Царизм накануне свержения. М. 1989, с.53; КОЦЮБИНСКИЙ А., КОЦЮБИНСКИЙ Д. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. СПб. 2014, с.126.
46. Александра Федоровна — Николаю II. 16 сентября 1915 г. Переписка Николая и Александры. М. 2013, с. 302.
47. Г.Е. Распутин глазами официальных властей. — Русское прошлое. Историко—документальный альманах. 1996, № 6, с. 139—141.
48. ИСКЕНДЕРОВ А.А. Ук. соч., с. 341.
49. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М. 1993, с. 88.
50. ЗВЕРЕВ В. Григорий Распутин и Георгий Сазонов: из истории одной дружбы. — Родина. 2012, № 3, с. 97.
51. Г.П. Сазонов — С.Ю. Витте. 18 августа 1911 г. — Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1622, оп. 1, д. 396, л. 1—2об.
52. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 81.
53. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., с. 3—5, 31, 161.
54. Александр Иванович Гучков рассказывает... , с. 88.
55. САВИЧ Н.В. Воспоминания. СПб. 1993, с. 76—77.
56. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 80—81.
57. САВИЧ Н.В. Ук. соч., с. 76.
58. Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 88.
59. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., с. 3, 5.
60. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 81.
61. ХВОСТОВ А.Н. Ук. соч., с. 161.
62. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 81.
63. РАДЗИНСКИЙ Э. Распутин. М. 2011, с. 167.
64. Показание С.П. Белецкого. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства. Т. 4. Л. 1925, с. 162.
65. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., с. 4.
66. ТРУФАНОВ С. (бывш. иер. Илиодор). Ук. соч., с. 114.
67. НИКОЛАЙ II. Ук. соч., с. 588.
68. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 81.
69. САВИЧ Н.В. Ук. соч., с. 77.
70. Там же.
71. Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 88.
72. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., с. 5.
73. Нижегородский листок. 26.VIII.1911.
74. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 52.
75. ДЯКИН В.С. Ук. соч., с. 12.
76. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 57.
77. Николай Романов об убийстве П.А. Столыпина. — Красный архив. 1929, № 4 (35), с. 211.
78. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 59.
79. АВРЕХ А.Я. Царизм и IV Дума (1912—1914). М. 1981, с. 255.
80. ЕГО ЖЕ. Царизм накануне свержения, с. 110.
81. ГАЙДА Ф.А. В.Н. Коковцов в поисках политического курса (1911—1914). — Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2011, Вып 1 (38), с. 95.
82. Нижегородский листок. 24.IX.1911.
83. Там же. 26.IX.1911.
84. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., с. 4.
85. Нижегородский листок. 1.X.1911.
86. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 63.
87. Нижегородский листок. 8.X.1911.

88. Голос Москвы. 23.X.1911.
89. Нижегородский листок. 19.X.1911.
90. Там же. 30.X.1911, 5.XI.1911.
91. Руль. 8.VIII.1911.
92. Газета-копейка. 11.IX.1911.
93. Русское слово. 25.IX.1911.
94. Нижегородский листок. 26.IX.1911.
95. Нижегородская торгово-промышленная газета. 21.I.1912.
96. ЦА НО, ф. 918, оп. 1, д. 887, л. 21—21об.
97. КУЛИКОВ С.В. Дело Б.М. Ржевского. — Из глубины времен. СПб. 2011, вып. 14, с. 4—40.
98. Допрос А.Н. Хвостова. 18 марта 1917 г., с. 4.
99. СУЛТАНОВ С.М. Ук. соч.
100. ХВОСТОВ А.Н. Ук. соч., с. 162.
101. Там же.
102. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года. — Вопросы истории. 1999, № 4/5, с. 6—7.
103. МАКАРОВ И.А. Ук. соч., с. 296.
104. Протоколы Совещания думской фракции Конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии. 8—9 мая 1911 г. — Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 2. М. 2000, с. 291.
105. Нижегородская торгово-промышленная газета. 8.I.1912.
106. Там же. 4.I.1912.
107. Нижегородский листок. 1.II.1912.
108. Там же. 14.III.1912.
109. САВЕЛЬЕВ А.А. Земство и власть. Из истории местного самоуправления в России. Арзамас. 1995, с. 121.
110. Русские ведомости. 12, 26.IV.1912.
111. Нижегородский листок. 16, 17, 29.VII.1912
112. Там же. 18.VII.1912.
113. ЦА НО, ф. 1807, оп. 671, д. 1, л. 13.
114. Нижегородский листок. 14.VIII.1912.
115. КОКОВЦОВ В.Н. Ук. соч., с. 92.
116. ЦА НО, ф. 72, оп. 20, д. 13, л. 1.
117. МЕЛЬНИКОВ А.П. Ук. соч., с. 294; ЦА НО, ф. 916, оп. 3, д. 239, л. 1об.
118. ЦА НО, ф. 916, оп. 3, д. 239, л. 8об.
119. ПОЛЯНСКИЙ Н.П. Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород. 1909—1918. СПб. 1998, с. 42.
120. ИВАНОВ А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917). М.-СПб. 2013, с. 217.
121. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года. — Вопросы истории. 1999, № 2, с. 18.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Кузбасс — Донбасс: хроника военных лет (1941—1945 гг.)

С.В. Зяблицева, В.А. Цукров

История социально-экономических отношений между двумя крупнейшими индустриальными центрами СССР — Кузнецким и Донецким бассейнами — своими корнями уходит в 1920-е годы. Ее отправной точкой следует считать конец января 1927 г., когда в г. Сталино (нынешний Донецк) на основе решения Сиббюро ЦК ВКП(б) прибыла первая делегация кузнецких горняков, задачей которой являлось «изучение опыта донбассовцев и перенесение его на сибирскую почву»¹.

«Донецкие шахтеры, — вспоминал через много лет член этой делегации Дмитрий Иванович Букалов, — встретили нас с большим гостеприимством. Поместили в благоустроенное общежитие, каких в Кузбассе еще не было. Затем началась практика на шахтах Сталино, Макеевки, Горловки, знакомство с работой общественных организаций»².

Зародившись в годы первой пятилетки в форме социалистического соревнования между отдельными шахтерскими коллективами двух бассейнов (договоры подобного рода были заключены в начале 1929 г.³), кузбасско-донбасское сотрудничество практически с самого начала вышло за рамки выполнения планов угледобычи. В него органично вписывались и лыжный переход из Кузбасса в Донбасс 1936 г., и регулярные радиопереключки, и соревнования между бассейнами за лучшую постановку работы в дворцах культуры, и проведение гостехэкзамена, включая приезд в Кузбасс из Донбасса с ответным визитом «жен-общественниц», когда, как писала газета «Советская Сибирь», «бригадир Чекан стоял перед Бабковой, и она с пристрастием допрашивала: “Ты за что бригадирские получаешь? Все у тебя есть — и люди, и механизмы, почему плана не даешь?”. Чекан оправдывался и обещал план выполнять»⁴.

К началу войны межбассейновые связи охватывали не только экономическую, но также социальную, культурную и гуманитарную сферы, включая и межличностные отношения. Пример тому — дружба между Алексеем Стахановым и кузбасским шахтером Иваном Борисовым.

Идентичный для обоих регионов промышленный потенциал и, соответственно, профессиональный состав основных групп рабочих и ИТР, являвши-

---

Зяблицева Светлана Владимировна — доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного сельскохозяйственного института; *Цукров Владимир Александрович* — кандидат исторических наук, доцент.

еся базовым фактором рассматриваемого социального феномена, естественным образом определили вектор эвакуации значительной части предприятий и жителей Донбасса в первые месяцы Великой Отечественной войны, а впоследствии — и особую роль Кемеровской области (в начале 1943 г. выделенной из состава Новосибирской) в восстановлении Донецкого бассейна.

Постановление о перебазировании вглубь страны промышленных предприятий и населения Донбасса было принято Государственным Комитетом Обороны и Советом по эвакуации при СНК СССР 9 октября 1941 года. На его основании Наркоматом угольной промышленности СССР был разработан конкретный план эвакуации «первой кочегарки страны». Значительную часть предприятий угольного машиностроения, горно-шахтного оборудования, механизмов и шахтерских кадров предполагалось вывезти в Кузбасс⁵. К концу 1941 г. сюда было перебазировано девять угольных трестов с оборудованием и основными кадрами рабочих и ИТР, преимущественно разместившиеся в Прокопьевске, Киселевске, Анжеро-Судженске и Ленинске-Кузнецком. Вместе с ними прибыл ряд заводов, научно-исследовательских, проектных институтов и высших учебных заведений, более 20 ремесленных училищ и школ ФЗО⁶.

Перед руководящими органами и хозяйственными организациями Кузбасса встала трудная задача — принять и в минимально короткие сроки не только пустить в ход более 50 перемещенных из западных районов страны предприятий, разместить и наладить работу 35 различных учреждений, но и устроить на работу, обеспечить жильем и питанием десятки тысяч новых рабочих, служащих и их семьи, разместить детей по школам, садам и яслям, организовать их медицинское обслуживание.

В соответствии с решением Совета по эвакуации при СНК СССР, в Кузбасс из Донбасса должно было быть направлено 25 тыс. человек⁷. В реальности число эвакуированных в Кузнецкий бассейн жителей тогдашних Сталинской и Ворошиловоградской областей было значительно большим. Сопоставление архивных и иных источников дает основание утверждать, что перед реэвакуацией на родину, основной пик которой пришелся на октябрь-ноябрь 1943 г., в Кузбассе проживало более 31 тыс. жителей Донбасса⁸.

Для размещения донбассовцев использовались уже имевшиеся общежития, приспособлялись клубы и другие общественные здания, уплотнялись местные жители. Наряду с капитальным строительством шло сооружение так называемого «жилья упрощенного типа» — преимущественно засыпных барачков, часть которых дожила до наших дней. При этом, как особо отмечала газета «Правда», «их строили рабочие и служащие в свободное от работы время»⁹.

В силу отсутствия по понятным причинам обобщенных статистических сведений, приведем несколько локальных данных, наглядно отражающих не только суть, но и масштабы проделанной в этом направлении работы. В Ленинске-Кузнецком уже к началу 1942 г. специально для рабочих Донбасса и их семей было построено свыше 10 тыс. квадратных метров жилья. На четверть было увеличено число столовых¹⁰. Беловский горком партии в своем постановлении особое внимание обратил на медицинское обслуживание эвакуированных. Были приняты меры по расселению семей, поначалу размещенных в неблагоустроенных помещениях, обеспечению их топливом, предметами первой необходимости. Анжеро-Судженский обком партии вопросы, связанные с приемом и трудоустройством донбассовцев, только в октябре 1941 г. обсуждал несколько раз. С целью ускорения строительства жилья для эвакуированных были организованы воскресники. Предприятия города в короткие сроки изготовили для вновь прибывших 1000 топчанов, 300 скамеек, 300 столов, 200 ведер, 290 умывальников¹¹.

Прокопьевский горком серьезное внимание уделил прибывшему в город Донецкому индустриальному институту, его профессорско-преподавательскому

составу и студентам, благодаря чему институт уже с начала 1942 г. смог заработать¹². «Мы прибыли в Прокопьевск 1 декабря 1941 г., — делился воспоминаниями Самуил Михайлович Барановский, доцент и парторг института. — В тот же день мы все были устроены на квартиры. Для этого, как мы понимаем, трудящимся города пришлось потесниться. Нам были предоставлены даже предметы первой необходимости. Вечером я обошел всех, кто прибыл вместе с нами. И увидел следующую картину: люди уже обогрелись, благоустроивали свой быт, печки топились, чай кипятился, дети питались и готовились ко сну»¹³.

Еще одна примечательная деталь: уделяя особое внимание обустройству и материальному положению донбасских шахтеров и их семей (что вполне объяснимо в условиях, когда ушедших на фронт горняков нередко заменяли подростки, женщины и пенсионеры), местные власти в то же время не упускали из виду и ситуацию среди других групп эвакуированных из Донбасса. Пример тому — письмо Прокопьевского горкома партии, направленное 2 декабря 1941 г. в адрес Новосибирского обкома ВКП(б). «Зам. начальника Кузбасскомбината тов. Станченко, — говорилось в нем, — в своем приказе о порядке выплаты подъемных и прочих расходов рабочим и служащим, эвакуированным из Донбасса, дал директиву такого содержания: “Всем эвакуированным семьям, прибывшим без главы семьи, никакой компенсации не выплачивать”. Горком считает, что такая установка является неправильной и вредной, так как семья, прибывшая с главой семьи, оказывается в исключительно привилегированных условиях. Семья же, у которой глава либо остался в партизанах, либо на фронте, остается без материальной поддержки, хотя нуждается в ней много больше первой. Горком ВКП(б) просит областной комитет ВКП(б) вмешаться в этот вопрос и исправить неправильные действия руководителей Кузбасскомбината»¹⁴.

От фашистско-немецкой оккупации Донбасс был освобожден в начале сентября 1943 года. Символично, что среди тех, кто освобождал Донбасс, был Д.И. Букалов — член первой делегации горняков Кузбасса, посетившей Донецкий бассейн еще в 1927 году. «Я освобождал Донецкий край в составе Второй гвардейской армии, — вспоминал он. — До войны я видел здешние города и поселки красивыми, но то, что наделали гитлеровцы, трудно даже представить: руины домов, взорванные заводы, затопленные шахты»¹⁵.

С жесточайшей пунктуальностью выполняя инструкцию высшего руководства Германии от 2 сентября 1943 г. («Весь Донецкий бассейн должен быть в хозяйственном отношении полностью разрушен»), оккупанты превратили в руины все 355 шахт бассейна вместе с надшахтными постройками. На 90% был уничтожен жилой фонд его городов и поселков, а также расположенные там клубы, больницы, детские сады и другие культурно-бытовые учреждения¹⁶.

К восстановлению Донбасса были привлечены многие регионы СССР, в том числе Тульская, Пермская, Свердловская области. Однако в силу идентичности индустриальной инфраструктуры двух бассейнов было очевидно, что, как писала Кемеровская областная газета «Кузбасс», «никакая другая область не сможет дать такого количества оборудования для шахт, для металлургических заводов Донбасса, как Кузнецкий бассейн, родной брат Донбасса»¹⁷.

Уже 10 сентября 1943 г., через два дня после окончательного освобождения Донецкого бассейна, бюро Кемеровского обкома ВКП(б) приняло постановление об оказании помощи в восстановлении промышленности и сельского хозяйства Сталинской области. «Областной комитет ВКП(б), — говорилось в нем, — призывает всех трудящихся Кузнецкого бассейна оказать всемерную помощь по быстрейшему восстановлению промышленности и сельского хозяйства Донецкого бассейна и помощь населению, пострадавшему от немецкой оккупации»¹⁸.

Благодаря заблаговременно проведенной в этом направлении подготовительной работе, уже 11 сентября 1943 г. в Сталино была направлена большая группа

кузбасских шахтеров, основную часть которой составляли забойщики¹⁹. Через несколько дней по тому же маршруту направилось целое строительно-монтажное управление со своими рабочими, служащими, инженерно-техническим персоналом, а также механизмами, транспортными средствами, подсобным хозяйством²⁰.

Основную массу выезжавших в этот период из Кузбасса в Донбасс рабочих и служащих составляли коренные жители Сталинской и Ворошиловоградской областей. Многие при этом — с орденами и медалями за самоотверженный труд в сибирском тылу, а рабочие С.М. Потапов, В.И. Прокопов, Ф.П. Раб и Н.В. Простаков, инженеры А.Ф. Кучин, М.И. Логвиненко и А.Ф. Пучнов — в звании Героев Социалистического труда²¹.

В то же время в целях укрепления кадрового состава предприятий и учреждений Донбасса туда в течение сентября 1943 — февраля 1944 г. было направлено более 600 советских, профсоюзных и партийных работников, а также десятки руководителей и специалистов угольной промышленности²². Среди них была и Мария Прохоровна Косогорова — первая в Советском Союзе женщина — начальник шахты, в Донбассе сначала возглавившая шахту им. М.И. Калинина, а затем назначенная главным горнотехническим инспектором Министерства угольной промышленности СССР по Донецкому и Подмосковному бассейнам²³.

Первый эшелон с оборудованием, инвентарем и продовольствием из Кузбасса в Донбасс ушел 27 сентября 1943 года. «Хотя трудно было в те годы, — вспоминал машинист того состава Николай Абрамович Корягин, — но народ пошел на помощь Донбассу. Кто нес картошку, кто одежду нес, поросят, свиной. Ученики несли книги, тетради, парты. Шахтеры Анжерки выработали сверх плана и дали на дорогу целый вагон угля. Наше депо взяло паровоз разбитый, восстановило его тоже для подарка Донбассу. Наши слесари работали сверхурочно, инструмент готовили, станки. Всего собрали 43 вагона, целый состав. Дорогой ехали, ухаживали за скотиной, чтобы все привезти без потерь. Когда ехали, то было очень все разбито, разрушено, негде было воды набрать. Приехали в Донбасс, собрался митинг, нас благодарили, потому что они сильно нуждались тогда в нашей помощи»²⁴.

Только за три первых месяца после освобождения Донбасса промышленные предприятия Кузнецкого бассейна отправили в Сталинскую область более 500 станков, электромоторов и генераторов, почти 20 тыс. единиц инструментов и электрооборудования, около 800 т черного и цветного металла, столько же тонн цемента, 150 тыс. штук кирпича, 4 тыс. кубометров леса²⁵.

Известно, в каком трудном положении находилось в годы войны сельское хозяйство Кузбасса, какими ограниченными были его масштабы в силу преимущественно индустриальной ориентации бассейна. Тем не менее, колхозами и совхозами Кемеровской области вместе с владельцами личных подсобных хозяйств за тот же срок для отправки в Донбасс было выделено более 23 тыс. лошадей, овец, свиней и крупного рогатого скота, 9,5 тыс. т зерна, картофеля и овощей, 1800 единиц сельхозинвентаря²⁶.

В открытый 12 сентября 1943 г. Фонд помощи Донбассу жители Кемеровской области с сентября по ноябрь 1943 г. собрали около 2 тыс. пар обуви, более 1600 предметов детской одежды, 8 тыс. книг, 67 тыс. предметов домашнего обихода²⁷.

Формы, в которых оказывалась помощь Донбассу, были самыми различными. Одна из наиболее распространенных и действенных — шефство предприятий и учреждений Кузбасса над аналогичными индустриальными и иными объектами Донецкого бассейна. Наибольшими возможностями обладали, конечно, шахты, металлургические и химические заводы. Но в меру своих сил в шефском движении участвовали и многие другие. Коллектив кемеровского кинотеатра «Москва», например, за счет выручки от внеплановых сеансов собрал средства на восстановление одного из кинотеатров Донецка. Медицинские

учреждения Анжеро-Судженска взяли своими силами и средствами восстановить поликлинику в Донецке. Горноспасательная станция в Ленинске-Кузнецком, взяв шефство над Макеевской ГСС, выделила ей полный комплект оборудования для спасательных работ²⁸.

«Трудящиеся Кемеровской области, — говорил на митинге в Прокопьевске глава донецкой делегации, гостившей в Кузбассе в конце 1943 г., — протянули нам руку братской помощи. Донбасс с благодарностью принимает ее. С вашей помощью мы поднимем Всесоюзную кочегарку и как можно быстрее дадим Родине драгоценный донецкий уголь»²⁹.

К концу 1944 г., когда были подведены основные итоги разносторонней поддержки, оказанной Кузбассом Донецкому бассейну, масштабы отправленного туда заводского и шахтного оборудования, стройматериалов, продовольствия, предметов домашнего обихода, а также зерна, скота и сельхозтехники исчислялись сотнями вагонов. В отдельные месяцы их число доходило до 200³⁰.

Последний «шефский» эшелон в направлении Донбасса ушел в конце мая 1945 года³¹. К этому времени уже была частично восстановлена его промышленная, аграрная и социальная инфраструктура, в том числе — 178 шахт, что позволило бассейну к концу войны выйти на 36-процентный уровень довоенной суточной добычи³².

Примечания

1. Государственный архив Кемеровской области (ГА КО), ф. П-8, оп. 1, д. 77, л. 78.
2. Киноархив ГТРК «Кузбасс». Фрагмент документального фильма «Сегодня и много лет назад». Ч. 1. Кемеровская студия телевидения. 1973 год.
3. Рабочая газета. 31.I.1929.
4. Вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем. Сборник историко-публицистических очерков. Кемерово. 1970, с. 204.
5. ГА КО, ф. П-1, оп. 2а, д. 749, л. 249—250.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. П-4, оп. 44, д. 136, л. 35—36, 40—41, 43, 45, 50—51, 54—56, 58.
7. ГА КО, ф. Р-456, оп. 4, д. 8, л. 218.
8. Подсчитано по: Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сб. документов. Т. 1. Кемерово. 1962, с. 21; ГА КО, ф. П-75, оп. 7, д. 20, л. 2; ф. Р-177, оп. 5, д. 64, л. 117.
9. Правда. 28.X.1941.
10. Советская Сибирь. 18.I.1942.
11. ГА КО, ф. П-88, оп. 1, д. 10, л. 43; ф. П-1, оп. 2а, д. 749, л. 248.
12. Там же, ф. П-26, оп. 2, д. 209, л. 240.
13. Из личного архива Ф.М. Ягунова. Интервью 1971 года.
14. ГА НО, ф. П-4, оп. 5, д. 90, л. 86.
15. Кузбасс. 20.IX.1967.
16. Сообщения Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. М. 1943, с. 2.
17. Кузбасс. 26.IX.1943.
18. ГА КО, ф. П-75, оп. 1, д. 11, л. 58.
19. Кузбасс. 12. IX.1943.
20. ГА КО, ф. П-75, оп. 1, д. 1541, л. 8.
21. Вашим, товарищ, сердцем и именем..., с. 204.
22. ГА КО, ф. П-75, оп. 1. д. 13, л. 46, 49, 53, 65; д. 18, л. 114.
23. Из личного архива В.А. Цукрова. Письмо М.П. Косогоровой от 21 марта 1971 г.
24. Киноархив ГТРК «Кузбасс». «Сегодня и много лет назад», ч. 2.
25. ГА КО, ф. П-75, оп. 2, д. 532, л. 52.
26. Там же, л. 54.
27. Там же, л. 55.
28. Кузбасс. 16.X.1943.
29. Ударник Кузбасса. 28.XII.1943.
30. ГА КО, ф. П-75, оп. 2, д. 836, л. 115.
31. Там же, оп. 1, д. 45, л. 167.
32. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р5451, оп. 25, д. 1125, л. 25—26.

Сибирская писательница Е.А. Авдеева-Полевая

О.А. Горощенова

Имя Екатерины Алексеевны Авдеевой-Полевой встречается в литературе едва ли не чаще, чем имена многих знаменитых писателей. Биография Е.А. Полевой имеется во всех словарях, начиная от Брокгауза и Эфрона. У всех авторов, без исключения, указана дата ее рождения — ноябрь 1789 года ¹. Меня заинтересовала эта дата без числа, я начала поиск.

Первое, на что пришлось обратить внимание, это — православные святцы. Имя «Екатерина» встречается в них четыре раза, в том числе 24 ноября (7 декабря по н. ст.). Этим фактом объясняется, почему литературоведы и историки рождение Екатерины Авдеевой-Полевой относили к ноябрю.

Екатерина Алексеевна родилась в Курске. В Курской энциклопедии ² написано: «АВДЕЕВА, Екатерина Алексеевна (XI.1789—21.VII(2.VIII).1865 — русская писательница, этнограф и фольклорист». Такая же запись содержится и в других источниках ³.

Отправной точкой дальнейших изысканий послужило место жительства Екатерины Алексеевны в последние годы жизни — г. Тарту (Юрьев, Дерпт). Удалось установить, что Екатерина Алексеевна была похоронена на старом кладбище Раади в Тарту в семейном некрополе Розбергов. Связавшись с краеведами, я получила в руки бесценный материал, который помог установить и уточнить даты рождения и смерти первой сибирской писательницы. Эти сведения внесли ясность в генеалогическое древо семьи Полевых.

Руководитель Тартуского школьного музея «К Пушкину из Дерпта» Евгений Александрович Перк сфотографировал могилу известной писательницы. Как оказалось, не только числа и месяца рождения Екатерины Алексеевны мы не знали, но и года.

На могильной плите написано: «Екатерина Алексеевна Авдеева урожд[енная] Полевая род[илась] в г. Курске 5 августа 1788 г. Сконч [алась] в г. Дерпте 21 июля 1865 г.». Теперь мы точно знаем, что Авдеева-Полевая прожила 77 лет, а 5 августа 2013 г. исполнилось 225 лет со дня ее рождения.

По православному обычаю наречение детей происходило на 8-й день, а крестить было принято в 40 дней со дня рождения. Можно предположить, что крестили Екатерину 20 или 21 сентября 1788 года.

Горощенова Ольга Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент. Иркутск.

Надо заметить, что Екатерина Авдеева-Полевая вполне соответствовала своему имени. Возможно, не все грани природного таланта она смогла проявить в силу разных жизненных обстоятельств. Начав издаваться в 49 лет, Авдеева-Полевая оставила потомкам неисчерпаемый материал по многим отраслям гуманитарных знаний, пополнив тем самым «копилку» человеческой мудрости.

Екатерина была первым ребенком в семье Алексея и Наталии Полевых. Воспитанная в благочестии и благонравии, девочка была отрадой матери, помогала растить младших детей. Николай Полевой писал: «Могу ли я исчислить, добрая сестра моя, все, чем я обязан тебе, начиная с первых наставлений моему отроческому понятию до всегдашней отрады сердцу в старости?» С большой теплотой отзывался о сестре и Ксенофонт — ее младший брат.

Встретившийся с ней в Иркутске И.Т. Калашников, так описал впечатление, произведенное на него Екатериной: «...я был удивлен ее познаниями. Она прекрасно говорила и вела политический разговор о тогдашнем положении Европы — о чем иркутские дамы, за немногими исключениями, и помышлять боялись»⁴.

Екатерина была замужем за иркутским купцом П.П. Авдеевым⁵. С ним она совершила путешествие по Сибири, бывала в Кяхте (1804 г.), о чем позже написала воспоминания. Рано овдовев, вела хозяйственные дела самостоятельно и, видимо, неплохо справлялась. В книгах, где купцы объявляли капитал, Авдеева числилась в третьей гильдии⁶.

Екатерина Алексеевна Авдеева-Полевая была матерью пятерых детей. Историки предполагают, что кое-кто из детей остался жить в Иркутске. Так, в архивных делах ГА ИО имеются документы, подтверждающие проживание Иннокентия Авдеева в середине XIX в. в приходе Чудотворской церкви.

В Иркутске Екатерина прожила около 30 лет. Затем были города: Курск, Москва, Петербург, Одесса, Дерпт. Екатерина Алексеевна, судя по всему, больше не вышла замуж и жила с семьей своей старшей дочери Александры Розберг. Зять Екатерины Алексеевны Михаил Петрович Розберг (1804—1874) был профессором русской словесности в Дерптском университете, писателем. Главными трудами Розберга считаются работы «О содержании, форме и значении изящно-образовательных искусств» (Одесса. 1832), «*Sur la signification historique de la Russie*» (Дерпт. 1837), «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности» (Дерпт. 1838).

Екатерина не имела системного образования, но при этом состоялась как писательница, фольклорист, этнограф. Она написала «Поваренную книгу русской опытной хозяйки», которая сопровождалась описанием не только приготовления блюд, но и внутреннего убранства кухни. Книга эта — настоящий бестселлер, переиздавалась множество раз, даже в виде карманной книжки. Сказки, записанные Авдеевой-Полевой, спустя полтора века, читают матери своим детям. Впервые «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевною» увидели свет в 1844 г. в Санкт-Петербурге в типографии Ильи Глазунова. Они переиздавались более десяти раз отдельной книжкой. Впоследствии авторство писательницы было утеряно, и сказки включались в сборники без ее фамилии.

Выход в свет детских сказок вызвал неоднозначную реакцию В.Г. Белинского: «Что касается до “Русских сказок для детей”, изданных какою-то нянюшкою, — мы не советуем ее давать детям в руки, так же как не советуем позволять детям слушать всякие рассказы нянек о домовых, леших и тому подобных вздорах, которыми только засоряют понятие и запугивают воображение детей»⁷. На мой взгляд — эта реакция вызвана отношением к его оппоненту — Николаю Алексеичу Полевому, родному брату Екатерины Алексеевны.

Современные филологи считают, что Екатерина Алексеевна недооценивала свой труд в области педагогики⁸. Своим долгом писательница считала лишь сохранение старины. На самом деле, издав книжку русских сказок в 1844 г., она впервые выделила сказку в отдельный жанр и впервые заставила говорить об авторстве фольклорных материалов.

В 2012 г. в Курске, на родине Авдеевой-Полевой отдельными книжками были изданы сказки из сборника «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьей Степановной Черепьевой» по седьмому изданию (1789 г.) типографии книгоиздателя М.О. Вольфа. Средства на переиздание были выделены городскими властями. Прекрасно иллюстрированные сказки были направлены во все библиотеки и детские сады Курской области.

Екатерина Алексеевна оставила после себя немало любопытных страниц по истории Иркутска, Курска, Дерпта. В них она постаралась передать быт и нравы, увлечения горожан, природу и животный мир. Благодаря ее труду сохранилось много полезных сведений, хотя сама она писала: «Не мне, женщине без образования, делать ученые изыскания. Руководимая истинною любовью к отечеству, я приношу только ему свой бедный лепет».

Издавать рукописи Авдеевой-Полевой помогали братья. Главной целью своей она считала сохранение русской старины, ее основ, остатков века минувшего. Вот неполный список изданных работ первой сибирской писательницы: «Записки о старом и новом русском быте»⁹, «Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен»¹⁰, «Воспоминания об Иркутске»¹¹, «Еще отрывки моих воспоминаний»¹², «Русский песенник или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водевильных куплетов известных писателей»¹³, «Полная хозяйственная книга с прибавлением домашнего лечебника и домашнего секретаря», «Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку»¹⁴. Первую работу писательницы — «Записки и замечания о Сибири» — издал в Москве в 1837 г. младший брат Е.А. Авдеевой-Полевой К.А. Полевой. Ценность наблюдений автора о малоизученном крае, глубокое знание народного быта было замечено общественностью. Эту книгу затем переиздали на немецком, английском и чешском языках.

Труд Авдеевой-Полевой был положительно оценен критиками. Даже «неистовый» Виссарион (Белинский) отметил публикацию Авдеевой как «добродушные рассказы умной и начитанной женщины», но, к сожалению, не увидел в них иной ценности¹⁵.

В предисловии к «Запискам о старом и новом русском быте» Н.А. Полевой так охарактеризовал свое отношение к этой работе: «Признаюсь, что небольшую книжку сестры моей готов я поставить выше многих опытов стихотворной и прозаической болтовни некоторых русских писательниц, расхваленных в журналах. Заметки и наблюдения, здесь помещенные, взятые из жизни народной, ставлю я также выше многих мнимо-исторических, мнимо-археологических исследований, авторы коих списывают по слуху и понаслышке».

«Своей» писательницей Авдееву-Полеву может назвать не только Курск, где она родилась, но и Иркутск, в котором она прожила более 30 лет, а также Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Тарту. Жителям этих городов, как и всей России, она посвятила свой труд с надеждой, что это будет полезно для общества. Творчество Авдеевой-Полевой заслуживает пристального внимания литературоведов и историков, так как не познав прошлого, мы не сможем построить достойного будущего.

Примечания

1. Екатерина Алексеевна Полевая URL <http://www.hcenter-irk.ru/polev/eaap/>.
2. Курская энциклопедия. Курск. 2004—2012.
3. БАСКЕВИЧ И.З. Курские вечера. Литературно-краеведческие очерки и этюды. Воронеж. 1979; Гордость земли Курской. Сб. очерков о знаменитых земляках. Курск. 1992.
4. КАЛАШНИКОВ И.Т. Записки иркутских жителей. Иркутск. 1990, с. 270—271.
5. Петр Петрович Авдеев в 1790—1792 гг. был в городском магистрате бургомистром. Государственный архив Иркутской области (ГА ИО), ф. 308, оп. 1, д. 5, л. 5.
6. Там же, ф. 308, оп. 1, д. 335, л. 2.
7. БЕЛИНСКИЙ В.Г. Рецензии и критика. PUR: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3950.shtml.
8. КАПИЦА Ф.С., КОЛЯДИЧ Т.М. Русский детский фольклор. PUR: http://fictionbook.ru/author/tatyana_mihayilovna_kolyadich/russkiyi_detskiyi_folklor_uchebnoe_posobie/read_online.html?page=1.
9. АВДЕЕВА-ПОЛЕВАЯ Е.А. Записки о старом и новом русском быте. СПб. 1842.
10. ЕЕ ЖЕ. Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен. Записки Иркутских жителей. Иркутск. 1990, с. 125.
11. ЕЕ ЖЕ. Воспоминания об Иркутске. — Отечественные записки. Т. LIX. 1848, с. 125—148.
12. ЕЕ ЖЕ. Еще отрывки моих воспоминаний. Т. II. 1840, с. 803—832.
13. ЕЕ ЖЕ. Русский песенник или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водеvilных куплетов известных писателей. СПб. 1848.
14. ЕЕ ЖЕ. Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку. СПб. 1848.
15. БЕЛИНСКИЙ В.Г. Записки о старом и новом русском быте Е.А. Авдеевой. Полн. собр. соч. Т. 6. М. 1954, с. 260.

Этнокультурный синергизм в истории Салатавии

Х.Г. Магомедсалихов

Дагестан — лаборатория этнокультурных процессов, которые почти до конца XIX в. развивались самобытно, по естественным законам диалектики.

Предметом данного анализа стали этнокультурные процессы в исторической области Дагестана Салатавии, которые в силу ряда причин и факторов являют собой пример синергизма. «Сущность эффекта синергии (сотрудничества. — Х.М.) обусловлена появлением нового качества, делающегося принадлежностью целого. Но не всякое объединение дает синергетический эффект. Дело не в том, что соединяется, а как»¹.

Исторически Салатавия представляла собой самостоятельный союз сельских обществ, куда входили 13 джамаатов. Уникальность географического местоположения Салатавии заключалась в том, что она находилась на стыке нескольких этнокультур — Засулакской Кумыкии, Чечни и аккинцев (ауховцев). В то же время область представляла собой часть Аварии, которая исторически сохраняла политическую независимость и наряду с другими «вольными обществами» не входила в Аварское ханство.

Заселение Салатавии — процесс довольно длительный, начавшийся в XV и продолжавшийся до конца XIX века. Миграционные процессы были обусловлены рядом факторов, в числе которых — сильно пересеченный горный рельеф Дагестана, дефицит земельных угодий и скудность материальных ресурсов. Этот фактор в миграции горцев в Салатавию был в числе доминирующих.

Наряду с ресурсным дефицитом не менее важным фактором, обусловившим миграционные процессы горцев, являлись частые социальные конфликты, особенно на почве кровной мести. Чем дальше скрывался кровник (канлы), тем безопасней это было для его жизни. Так, основателями с. Чиркей были кровники из общества Гентаб (Гидатлинский союз) Хидри и Мусса², и подобные примеры по всем салатавским обществам не редкость.

При миграции действовал принцип сегрегации: наиболее неуживчивые, энергичные и неординарные кровники переселялись в необжитые места. Дру-

---

Магомедсалихов Хайбула Гамзатович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала.

гую часть мигрантов составляли люди, нуждавшиеся в земле. Из этих двух категорий состоял основной состав мигрантов в Салатавию.

В числе приехавших были относительно состоятельные горцы, переселявшиеся в более благодатные области, например, сала-уздени из андийского селения Риквани³. Географический детерминизм выступал в качестве основного фактора в формировании характера и стереотипа поведения горцев, который по принципу «сжатой пружины» стимулировал их бурный социально-экономический прогресс в новых условиях.

Избыток населения при дефиците материальных ресурсов в горных областях совпал с относительной стабильностью в XV в. в предгорной зоне Северного Дагестана — Салатавии. Эта область почти не была заселена: население было большей частью истреблено или рассеяно войсками Тимура. Таким образом, складывались предпосылки для миграционных процессов в Салатавию, а локализация в межэтническом пространстве предопределила процессы этнокультурной синергии.

Структуризация социума в Салатавии изначально имела свои особенности. Исторически на территории нагорного Дагестана, где проживали аваро-андо-цезские народы, по разным подсчетам исследователей, насчиталось более 40 самостоятельных союзов сельских обществ⁴ и одно крупное политическое образование — Аварское ханство. Наряду с Аварским ханством среди союзов значились: Андалалцы, Андийцы, Бактлудал (Гумбетовский союз), Гидатль (Гид), Ахвах, Ункратль и некоторые другие. Именно отсюда в Салатавию прибыло самое большее число мигрантов, которые приняли участие в формировании новой субкультуры. Кроме того, следует отметить, что определенный вклад в ее формирование в Салатавии внесли «тюркские этнические элементы, известные под названием тюмены и гуены»⁵.

Первоначально процесс формирования джамаатов на новом месте происходил спонтанно, однако по мере их укрепления структуризация стала строго регламентированной. Естественно, мигранты являлись носителями ментальной специфики своего региона, однако, на новом месте и в новых условиях происходила социокультурная унификация. При этом в структуризации общества наблюдался качественно высокий уровень, о чем может свидетельствовать документ конца XVIII в. касательно регламентации социальных отношений в Салатавии. «В старину собирались ежегодно из этих салатавских тринадцати селений старики, муллы-дибирь и мудрецы — всего двести человек, — близ родника Миккилава, чтобы рассматривать справедливые порядки...». Эти двести человек «ставили», как рассказывают, пятьдесят человек войсковыми исполнителями, чтобы поддерживать в салатавских селениях справедливый порядок. Из маленького селения направляли по два-три человека, из среднего — по четыре-пять, из большого селения — по семь-восемь человек. Выбирали людей справедливых и основательных.

Если в одном из салатавских селений возникали какие-либо трудности, то ему оказывало помощь все «войско, словно это дети одного отца и одной матери»⁶. Такой строгой социальной структуры в других подобных союзах не встречалось, что следует считать следствием синергии.

Важным фактором консолидации общества в Салатавии явилось относительное социальное равноправие, что было условием гражданской солидарности и создавало предпосылки для социальной активности личности. В этой связи примечательна запись из источника конца XVIII — начала XIX в., в которой отмечается: «...В селениях салатавцев князей-нуцалчи и чанок, как рассказывают, совершенно нет; они делились на узденей и вольноотпущенников»⁷. То есть, в конце XVIII в. зависимое сословие в Салатавии де-факто было освобождено, тогда как рабство в Дагестане де-юре было отменено только в 1867 году⁸.

В других горских обществах достоинство представителей лагского сословия часто ущемлялось. Так, в с. Корода (Андалалский союз) в XIX в. после каждого пятничного намаза чауш (сельский глашатай) обходил тех, чьи предки когда-то были рабами, и напоминал каждому: «помни, что ты производишь не от узденя»⁹. Еще более притесняемыми в социальном плане чувствовали себя потомки хундордных тухумов в с. Мехельта (Гумбетовский союз). Здесь в определенный день, раз в году, освобожденные рабы должны были уходить из дома на целую ночь; в их отсутствие приходила партия молодых людей, которые позволяли себе есть и пить все, что найдут у последних в доме и во дворе¹⁰.

Таким образом, отношения в Салатавии складывались на качественно новом уровне, где отсутствовала выраженная социальная градация и ущемление личности.

Другим наглядным примером этнокультурного синергизма в области являлся единый язык — аварский, который представлял собой результат синтеза локальных диалектов горцев. В последующем салатавский диалект наряду с хунзахским стал основой для литературного аварского языка. При этом, по замечанию М.-С. Саидова, «усвоение салатавскими аварцами изрядного количества слов из кумыкского языка не оказало существенного влияния на морфологию салатавского диалекта»¹¹.

В XIX в. в горах нормой считалось получать образование, скитаясь из аула в аул в поисках лучших учителей. Сохранилось предание о том, что аварский поэт Чанка из Батлаича и Махмуд из Кахаб-Росо учились у Хамзат-Хаджиява в Чирке¹², а Гамзат Цадаса пополнял багаж своих знаний в селе Алмак у известного ученого-арабиста Амиралли-Хаджи¹³.

Во второй половине XIX в. развивалось творчество М. Чиркеевского, которое, по словам С.М. Хайбулаева, складывалось именно в «те годы, когда во весь голос звучали песни Али-Гаджи из Инхо, Тажудина, Махмуда из Кахаб-Росо»¹⁴. Он в совершенстве владел кумыкским языком и значительную часть своей жизни провел в Хасавюртовском округе среди кумыков, где пользовался высоким авторитетом в качестве ученого-арабиста¹⁵.

Все это свидетельствует о духовном единении Салатавии с интеллектуальной элитой Аварии, с одной стороны, и Засулакской Кумыкией, с другой. В жизнь региона были вовлечены и аккинцы. Так, например, предки известного ученого Амиралли-Хаджи из Алмака также являлись акинцами¹⁶.

Во второй половине XIX в. в Дагестане происходили позитивные изменения, связанные со становлением светской интеллигенции. Процесс этот был обусловлен вовлечением Дагестанской области в российское социокультурное пространство, в котором выдающуюся роль сыграли представители российской интеллигенции: П.К. Услар, Н. Воронов, Е. Марков, Н. Дубровин и другие.

К этому периоду относится активная творческая деятельность дагестанского просветителя, историка, языковеда, фольклориста и педагога Айдемира Чиркеевского (1830—1872), который в числе первых из дагестанцев окончил гимназию и кадетский корпус в Петербурге. П.К. Услар, отзываясь о горце так: «В лице Айдемира Чиркеевского нашел я не только усердного, но и в высшей степени даровитого сотрудника»¹⁷.

Заслугой Чиркеевского стало составление в 1863 г. на основе русскоязычной графики грамматики, а затем и букваря аварского языка под руководством Услара. В 1865 г. в Хунзахе Айдемиром была открыта школа, которая просуществовала два года, обучив грамоте более 100 горцев¹⁸. Значение первого опыта открытия школы со светским уклоном трудно переоценить.

Чиркеевский серьезно увлекался сбором фольклора аварцев, им были опубликованы 14 аварских народных сказок, которые впоследствии перевели на европейские языки.

На стыке двух культур (горско-аварской и тюркской) проявился яркий научно-просветительский талант Хасанбека Нуцалова из салатавского селения Гуни. Нуцалов наряду с родным аварским в совершенстве владел арабским, кумыкским и русским языками. Царский чиновник способствовал определению Нуцалова на учебу в Ставропольскую мужскую классическую гимназию, где 34 года (с 1885 по 1919) он посвятил преподавательской работе. По тем временам Ставропольская гимназия давала самое серьезное образование в крае, и вся общественно-политическая элита Северного Кавказа проходила здесь обучение.

Наряду с преподаванием, Нуцалов проявил себя в качестве талантливого переводчика: ему принадлежит перевод с арабского языка на кумыкский Евангелия от Матфея и Марка, выполненный им по просьбе Британского Библейского общества. Переводы вышли в Лейпциге в 1888 и 1897 годах¹⁹. Высокую оценку таланту Нуцалова дал директор Института перевода Библии (Швеция), иностранный член Российской академии наук Б. Арапович, который писал: «...хотя мы располагаем весьма скудными данными о биографии Хасан Бега Эфенди Нуцалова, того, что мы знаем о нем, достаточно, чтобы понять, что это был человек выдающегося интеллекта. Он намного опережал свое время... Перевод Библии также внес выдающийся вклад в становление печатной литературы на кумыкском языке... Важность существования такой книги с более чем тысячью страниц, где сохранились для поколений богатства лексического фонда и идиом кумыкского языка того времени, невозможно [пере]оценить»²⁰.

По возвращении на историческую родину в 1919 г. Нуцалов продолжал активную просветительскую деятельность. Так, в письме к ученику Д. Коркмасову в 1921 г. он ходатайствовал об открытии в Хасавюрте окружного училища для обучения детей окрестных селений в «соответствии с новым порядком»²¹.

Деятельность Нуцалова являет собой пример интернациональной солидарности и межкультурной консолидации: горец из аварского селения Гуни преподавал восточные языки (кумыкский и арабский) при Ставропольской мужской гимназии и объединял вокруг себя представителей молодежи всех народов Северного Кавказа.

Творческий этап биографии другого представителя интеллектуальной элиты Дагестана, Омара-Хаджи Зиявудина из Миатли (1849—1921), пришелся на рубеж XIX—XX веков. Выдающийся ученый-богослов, философ, поэт и переводчик Омар-Хаджи начальное образование получил у своего отца, которое продолжил у дагестанских алимов, а также известных ученых Аравии, Египта и Турции. В конце 60-х гг. XIX в. он эмигрировал в Османскую империю, а затем переехал в Стамбул, где изучал различные науки. Зиявудин обладал феноменальной памятью и до фанатизма был предан науке. Так, в течение шести месяцев он выучил наизусть Коран. Наряду с родным аварским свободно владел арабским, турецким, персидским, русским, кумыкским языками. В 1882 г. в г. Эдирне (Турция) им был издан на аварском языке сборник «Вознесение». В 1908 г. в Темир-Хан-Шуре вышла вторая книга ученого — поэма «Повесть о пророках», в которой повествуется о жизни и деятельности всех пророков от Адама до Мухаммада.

«Омар-Хаджи Зиявудин является одной из ярчайших и крупнейших личностей в истории дагестанского зарубежья, достигшей выдающихся успехов в науке, философии, мусульманском праве, национальной литературе, общественных делах. Его богатое и разностороннее наследие является неотъемлемой частью дагестанской литературы, науки и культуры»²². В знак особого признания его заслуг Омар-Хаджи Зиявудин похоронен в Стамбуле на территории мечети Сулеймания рядом с членами султанской семьи и известными государственными деятелями.

Трудно найти другой такой регион, как Салатавия, где бы во второй половине XIX — начале XX в. было сосредоточено столько представителей духовной элиты, что было обусловлено межэтнической консолидацией и культурным синергизмом. Салатавия представляла собой буферную зону в культурно-просветительской коммуникации представителей горных и равнинных районов Дагестана.

Наряду с духовно-просветительской, важной составляющей в межэтнической консолидации в регионе являлись материально-бытовые взаимосвязи, базировавшиеся в основном на перегонном скотоводстве на зимние пастбища в Засулакскую Кумыкию. Кроме того, вплоть до 30-х гг. XX в. жители салатавских селений обменивали продукты скотоводства на пшеницу в селе Эндирей, которую затем меняли на кукурузу в Чечне. Жители села Артлух транзитом останавливались в селе Бургунай, чтобы рано утром следующего дня продолжить путь на хасавюртовский «базар»²³.

Хозяйственно-экономические коммуникации подразумевали широкий диапазон культурных заимствований, которые касались, в том числе архитектурного строительства, когда опыт, разные стили и отдельные композиции жилищного строительства становились культурным достоянием соседей. Так, строения хозяйственного назначения — навесы («готерма»), использовавшиеся у кумыков, — получили широкое распространение у салатавцев. Заимствования касались также строений культовых назначений. Так, минарет в селе Гуни, построенный в 1897 г., представляет аналогию подобного сооружения в селе Эндирей. Кстати, минареты, выполненные в подобном стиле, до землетрясения 1970 г. имелись почти в каждом салатавском селении.

Культурно-бытовые связи и языковые заимствования сопровождалась рядом с миграционными процессами этническими смешениями. Так, современное село Эндирей примерно на 35—40% заселено салатавскими аварцами, многие из которых плохо помнят о своих родословных корнях. Часто встречаются брачные союзы между салатавскими аварцами и кумыками, в основном в селениях Эндирей, Костек и Аксай²⁴. Село Алиммак изначально формировалось при активном участии пограничных аккинцев, которые при доминировании аварцев постепенно утратили связи с родственной культурой.

Были случаи, когда кумыкские князья посылали сыновей на воспитание в семьи салатавских аварцев, что имело место еще в XVI веке. В XIX в. русский офицер Н. Дубровин писал, что сала-уздени из Эндирея «отдавали своих детей на воспитание в горы, они вели куначество с горцами, ... которое было сильнее всякого кровного родства»²⁵.

В XIX в. отдельные представители и целые общества Засулакской Кумыкии обращались к жителям салатавского селения Зубутль с просьбой выступить третейскими судьями при разрешении спорных случаев и конфликтных ситуаций, что можно считать следствием этнокультурной консолидации, а также устойчивых торгово-экономических и духовно-просветительских коммуникаций в регионе.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что в основе синергизма в Салатавии лежали процессы двойственного характера. В одном случае, внутри этноса путем культурного синтеза и унификации локальных горских обществ создавалась единая салатавская субкультура. Кроме того, произошла унификация диалектов разных горских обществ в единый, положивший начало литературному аварскому языку.

В другом случае, происходил культурный синтез на межэтническом уровне, чему благоприятствовало местоположение Салатавии, расположенной на стыке внутренней Аварии, Засулакской Кумыкии, аухавцев и Чечни. Этнокультурный синтез в данном случае привел к духовно-просветительской синергии и

выделению целой плеяды просветителей и духовной элиты, чего в других районах Дагестанской области и в регионе в целом не встречалось. При этом у горцев накопился творческий потенциал, реализация которого стала возможна при непосредственной консолидации с тюркской культурой. При этом межэтнические коммуникации в духовно-просветительской сфере сопровождались торгово-экономическими связями, что усиливало эффект синергии.

Примечания

1. ЖАРИКОВ О.Н., КОРОЛЕВСКАЯ В.И., ХОХЛОВ С.Н. Системный подход к управлению. М. 2001, с. 105.
2. Сведения для будущего времени об основании селения Чиркей и о поселениях на Салатаве. В кн.: МАГОМЕДОВ Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала. 1975, с. 209.
3. ШИХАЛИЕВ Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. — Кавказ. 1848, № 37—44.
4. БЕРЖЕ А.П. Кавказский календарь, сборник на 1857 год. Тифлис. 1856, с. 45.
5. МАНСУРОВ Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII — первой половине XIX в.). Махачкала. 1995, с. 29.
6. Устройство Салатавского союза обществ. Салатавские обычаи и порядки (конец XVIII — начало XIX вв.). Хрестоматия по истории права и государства Дагестана XVIII — XIX вв. Ч. I. Махачкала. 1999, с. 85.
7. Там же, с. 20—21.
8. Освобождение бесправных рабов в Дагестане. Сб. сведений о Кавказских горах. Тифлис. 1868, с. 47—56.
9. КОМАРОВ А.В. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ. Вып. 1. Тифлис. 1868, с. 75.
10. Там же, с. 76.
11. САИДОВ М.-С. Северные диалекты аварского языка (Хунзахский и Салатавский диалекты). Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 4, д. 1950/2194, л. 109.
12. ХАЙБУЛАЕВ С.М. История аварской литературы XVII—XIX веков. Махачкала. 2007, с. 479.
13. Алмакстан. 2012, № 15.
14. ХАЙБУЛАЕВ С.М. Поэзия мужества и нежности. Махачкала. 1978, с. 68.
15. ХАЙБУЛАЕВА Н.М. Творчество Магомеда Чиркеевского. Махачкала. 2002, с. 10.
16. Алмакстан. 2012, № 15.
17. УСЛАР П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Аварский язык. Тифлис. 1889, с. 6.
18. ГУБАХАНОВА Р.А. Айдемир Чиркеевский. Махачкала. 2003, с. 54.
19. ОРАЗАЕВ Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII—XIX вв.: Исследование, тексты и комментарии. Махачкала. 2007, с. 264.
20. АРАПОВИЧ Б. Хасан Бег Эфенди Муцалов — первый переводчик Библии на кумыкский язык. В кн.: Горизонты современного гуманитарного знания. М. 2008, с. 472.
21. ОРАЗАЕВ Г.М.-Р. Ук. соч., с. 264.
22. МУРТАЗАЛИЕВ А.М. Писатели дагестанского зарубежья: Библиографический справочник. Махачкала. 2006, с. 25.
23. Полевой материал автора. 2010 год.
24. Там же, 2010—2012 года.
25. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. СПб. 1871, кн. 1, с. 629.

Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.

Д.С. Кидирниязов, Ю.М. Лысенко

Продвижение Российской империи на Кавказ в XVIII в. было связано и с миссионерской деятельностью Русской православной церкви. Государство, определяя свою политику в регионе, было заинтересовано в миссионерстве РПЦ. Духовенство должно было укреплять и пропагандировать, помимо собственно идей христианства, политику России. Свою деятельность на Северном Кавказе, в частности, в Осетии, Кабарде, Чечне, Ингушетии и Дагестане Русская православная церковь начала в 1742 году. Начало деятельности было связано с обращением («челобитной»), которое священнослужители направили императрице Елизавете Петровне. В нем отмечалось, что недалеко от г. Кизляра живут «народы некрещенные, а места те изобилуют» различными богатствами. Инициаторами миссионерства были грузинские духовные лица — иерархи Грузинской православной церкви: настоятель Московского Знаменского монастыря архимандрит Николай и архиепископ Циркано-Самобельский Иосиф. Они, несомненно, преследовали собственные цели, совпадавшие с целями русского правительства на Северном Кавказе¹. Авторы челобитной стремились представить эти земли как важный, экономически-значимый район, отмечая, что они «... изобилуют золотом, серебром, рудами и минералами, камением преизрядным»². Иосиф и Николай считали, что первоначальной мерой, способствовавшей расширению влияния РПЦ и Российской империи в регионе, являлось начало миссионерства. По их мнению, миссионерами на Северном Кавказе могли бы стать грузинские духовные лица, которые, распространяя христианство на Кавказе, должны были осетин «... во святое крещение и в вечное Ее Императорское Величество привести... в непродолжительном времени всех без остатку»³. Правительствующий Сенат, в соответствии с указом Елизаветы II, которая заинтересовалась предложением священнослужителей, приказал Святому Синоду: «...сообщить ведение, в котором написать, ... для того дела показанных ли или других к тому способных и надежных персон послать надлежит...»⁴.

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник; *Лысенко Юлия Михайловна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

В 1743 г. канцлеру Коллегии иностранных дел А.П. Бестужеву-Рюмину было дано поручение подготовить сведения о внешнеполитической ориентации кавказских народов, их отношении к России, коммуникациях и т.д. Для того, чтобы получить данные по всему спектру вопросов, Коллегия иностранных дел решила воспользоваться услугами кабардинских князей Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и кумыкского владетеля Алиша Хамзина, находившихся тогда в столице. Они предоставили сведения о таких кавказских народах, как шапсуги, карачаевцы, сваны, балкарцы, лезгины и др.

После получения необходимых данных Сенатом в ноябре 1744 г., было принято решение о создании Осетинской духовной комиссии (ОДК), в состав которой входило двадцать одно духовное лицо.

Руководство Комиссией было возложено на грузинских архимандритов, ее членами первоначально также были священнослужители-грузины. Считалось, что они лучше знакомы с языками, традициями и ментальностью кавказцев. Члены комиссии по распоряжению Синода были обязаны соблюдать секретность, так как у царского правительства вызывала опасения негативная реакция на миссионерскую деятельность Персии и Османской империи. В рассматриваемый период Осетия, согласно Белградскому мирному договору, была зависима от Кабарды, а территория Прикаспия юридически относилась к Персии. Однако отправка православной миссии из грузинских духовных лиц, входивших в свиту царя Вахтанга, не нарушала условий мирных договоров. Также Синод, проявляя осторожность и секретность, не выдал миссионерам богослужебные книги на русском языке. Миссионеры прошли специальную подготовку при Московской синодальной конторе. Основными задачами комиссии были распространение христианства среди горцев, убеждение народов Северного Кавказа вступить в союзные отношения с Россией, не исключая и перехода в подданство Российского государства. Кроме того, на Осетинскую духовную комиссию возлагались обязательства по установлению отношений с влиятельными лицами Осетии. Регулятором их деятельности на Кавказе должен был выступать кизлярский комендант ⁵.

Следует подчеркнуть, что в XVIII — первой половине XIX в. Кизляр был основным политическим, экономическим и культурным центром Российской империи на Северо-Восточном Кавказе. Не зря известный кавказовед, академик А.П. Берже называл Кизляр «русской столицей на Кавказе», который выполнял «столичные» функции вплоть до образования Кавказской губернии в 1785 году ⁶.

В письме канцлера А.П. Бестужева-Рюмина и графа М.И. Воронцова губернатору Астраханской губернии В.Н. Татищеву давалось поручение проконтролировать проезд миссионеров из Астрахани в Кизляр и помочь им в решении различных вопросов. В феврале 1745 г. члены комиссии — архимандрит Пахомий, игумены Христофор и Николай, иеромонах Ефрем — покинули Санкт-Петербург. Им было выдано по 500 «дорожных» руб., кроме того, каждый священник получал жалование в денежном выражении и так называемое «хлебное жалование». Годовое содержание миссионеров обходилось государственной казне в 1300 рублей. Комиссия получила походную церковь, церковные книги, необходимую при богослужении утварь, а также около одной тысячи нательных крестов. Деятельность миссионерской комиссии по духовной линии была подчинена астраханскому епископу, а по гражданской — астраханскому губернатору и кизлярской администрации ⁷.

В апреле 1745 г. кизлярский комендант В. Оболенский сообщал, что члены комиссии посетили Кизляр, затем Кабарду и добрались до Осетии ⁸. В 1745 г. в регионе началась миссионерская деятельность северокавказской комиссии: сначала среди осетин, а позже охватившая ингушей и кабардинцев.

Согласно отчету миссионеров, члены комиссии активно распространяли идеи христианства среди горцев. Только за первый год они смогли окрестить ряд феодальных фамилий и более трехсот осетинских крестьян⁹.

При материальной поддержке кизлярской администрации и активном содействии адыгских владетелей Анзоровых миссионерам удалось построить в урочище Гускадине осетинский монастырь. Отсюда грузинские миссионеры под охраной вооруженных казаков выезжали в горные осетинские и ингушские села для крещения и проведения миссионерской деятельности. Согласно отчету руководителя комиссии, представленного в Синод, в 1745 г. осетин и ингушей крестилось 320 чел., а всего за период с 1745 по 1749 г. было крещено 1019 человек.

Кизляр и Моздок, хотя и возникли как форпосты русской оборонительной линии и опоры политики царизма на подступах к горному Кавказу, объективно выполняли и иные важные функции в регионе. Так, например, по торговым делам в эти города приезжали представители всех северокавказских народов¹⁰.

С основанием Кизлярской крепости был сооружен Казанский собор. В 1738 г. в Синод было подано прошение грузинского архимандрита Даниила о начале строительства православной церкви в Кизляре. Вскоре была построена сама церковь, а затем и мужской Крестовоздвиженский монастырь. В 1759 г. в Кизляре появилась приходская школа, в 1760 г. здесь же началось строительство православной церкви в честь Преображения Господня. Кизляр, являясь главным религиозным центром Российской империи в регионе, был базой православных священников, которые вели миссионерскую деятельность среди горцев Северо-Восточного Кавказа¹¹. Этим специально занимался «мужской заштатный монастырь, именующийся Кизлярская Крестовоздвиженская пустынь; в нем каменная церковь, имеющая изрядный из старинных иконостас». Он был основан в 1736 г. архимандритом грузинским Даниилом¹².

Деятельность Осетинской духовной комиссии распространялась не только на осетин, но и на другие местные народы, и правильнее было бы называть данную комиссию Северокавказской.

Горские владетели и феодалы, стремившиеся к установлению взаимоотношений с Российской империей, обращались в Осетинскую духовную комиссию. Таким образом, деятельность ОДК способствовала налаживанию деловых и дружественных контактов между представителями России и народами Кавказа. Так, осетинами был поднят вопрос о переселении на равнину. Прибывшие в январе 1747 г. в Кизляр для проведения обряда крещения, осетинские «старшины» обратились к русским властям с просьбой разрешить им переселиться на земли российской пограничной линии.

В 1749 г. было создано Осетинское посольство, направляемое в Санкт-Петербург для разрешения проблем, связанных с переселением и вступлением в российское подданство. Достаточно длительный период Осетинская духовная комиссия было единственным духовным связующим звеном не только между Россией и Осетией, но и со всеми регионами Северо-Восточного Кавказа.

С целью завоевания симпатий горцев и повышения у них интереса к принятию православной веры, священнослужители дарили всем новофитам подарки и предоставляли различные льготы. Возвращаясь из Кизляра, более знатные люди получали по 20 руб., а простым крестьянам выдавались «кормовые» деньги, отрезки холста. Помимо этого, привозимые новообращенными в Кизляр и Моздок для продажи товары не облагались пошлиной. По Указу Сената от 1762 г. представителям кавказских народов, принявшим христианство и российское подданство, поселившимся около городов и крепостей по Тереку, выдавалось единовременное денежное пособие. Уздени получали

10 руб., простые горцы — 5 руб., а женщинам помимо денег дарились ножницы и зеркало. Известный краевед и исследователь истории терского казачества и Кизляра Д.С. Васильев указывал на тот факт, что многие горцы крестились именно для получения подарков и денег даже по нескольку раз, меняя для этого имя и переселяясь из одного места в другое. Многие горцы принимали христианство для получения подарков и всяческих льгот, но некоторые видели в этом ограничение своей свободы и с подозрением относились к миссионерам¹³.

И все же, как свидетельствуют документы, деятельность миссионеров и Кизлярского монастыря привела к обращению в православие около 2 тыс. горцев. Об этом говорит и то, что в XVIII—XIX вв. в Кизляре был отдельный квартал, в котором проживали принявшие христианство горцы — Кристи-аул.

С начала 50-х гг. XVIII в. была расширена территориальная юрисдикция Духовной комиссии — Синод предписывал ей вести миссионерскую деятельность по распространению православной веры среди народов всего Северного Кавказа. В первую очередь, расширение сферы деятельности Осетинской комиссии было связано с трансформацией политической ситуации на Кавказе¹⁴. При поддержке народов Осетии и Кабарды грузинскому царю Теймуразу удалось изгнать из Грузии ханов Ширвана и Шеки. Российская администрация на Кавказе инициировала в Осетии и Ингушетии расширение процесса переселения горцев на равнину. Жители отдельных осетинских и ингушских сел, принимая православие, вступали в российское подданство. В 1763 г. российские власти приступили к проведению в жизнь указа о поселении в урочище Моздок крестившихся кабардинцев, осетин, ингушей и о постройке крепости Моздок. В 1763 г. крепость была заложена. Необходимо отметить, что в процессе колонизации региона Моздок явился тем опорным пунктом, откуда российское правительство имело возможность, во-первых, продолжить Кавказскую линию на запад, к Черному морю и, таким образом, сосредоточить в своих руках таможенные сборы, которые ввиду появления многих новых путей сильно снизились, а, во-вторых, распространить свое влияние на горные части Осетии, чтобы вести добычу имевшихся полезных ископаемых¹⁵.

В 1793 г. в Моздоке была учреждена Моздокско-Маджарская викарная епархия, сменившая упраздненную Осетинскую духовную комиссию. Возглавил епархию епископ Г. Бараташвили. Под управление епархии перешел и Крестовоздвиженский монастырь в Кизляре. В епархии была своя Духовная консистория. Епископ Гайй имел право строить церкви для северокавказских народов, пожелавших принять православие.

9 октября 1762 г., еще до возникновения Моздокской крепости, был составлен доклад Сената на имя императрицы Екатерины II об отведении урочища Моздок для поселения здесь крестившихся представителей северокавказских народов¹⁶. Для ведения агитации среди местных жителей, призывая их оставлять свои прежние места и переселяться в Моздок, правительством были использованы имевшие связи среди северокавказской знати, а также миссионеры, которым вменялось в обязанность «стараться склонять тот народ к переходу на поселение в Моздок, внушая им, сколь выгоднее и лутче им быть... в здешних границах, где такие ж выгоды, и не хуже нынешних своих мест иметь будет, для чего ввозить их в Моздок с собою и тут на месте в приезды их отменно ласкать... на что и сумму назначенную употреблять»¹⁷. Кроме того, в целях быстрого заселения региона и увеличения численности не только русских переселенцев, но и новых христиан из местного населения, в докладе Сената на имя Екатерины II предусматривались меры материального вознаграждения¹⁸.

На Северокавказский регион был распространен правительственный Указ 1743 г. для мусульманского населения Поволжья, Нижегородской и Воронежс-

кой губерний, в котором отмечалось, что «ново-крещенным из магометанского закона за восприятие святого крещения из холопства и крестьянства» от помещиков иноверных быть свободным вечно, и тем прежним помещикам и мурзам до владения их ново-крещенных никакого дела не иметь, а по крещении переводить их и селить свободно с прочими и ново-крещенными, — разве что оные помещики по желанию своему воспримут св. крещение, и тогда оные им отданы будут во владение по прежнему»¹⁹.

Что же касается местных владетелей, то, согласно правительственному указу 1743 г., они для сохранения своих прав на холопов, должны были принять христианство и перейти в подданство России. Таким образом, российское правительство и в отношении северокавказского привилегированного сословия, лишившегося с уходом холопов своей экономической базы, подтверждало свои колониальные цели. Многочисленные факты принятия христианства низшими социальными слоями Осетии и Кабарды и переселение их в район Моздока говорят о результативности политики России на Кавказе в данном вопросе²⁰.

Следует отметить, что грузинские духовные лица возглавляли комиссию до 1771 г., а затем руководство было передано русским миссионерам. Первым среди них был протопоп Тверской епархии Афанасий Лебедев. По регламенту церкви, в обязанность русских миссионеров входило «наставлять прихожан своих в повиновении властям, над ними представленным», а также «всемерно стараться предусматривать и упреждать возмущения крестьян». С 1771 по 1791 г. было крещено 4271 представитель местных народов. Всего в 1745—1792 гг. миссионерской комиссией было обращено в христианство 8199 осетин, ингушей и кабардинцев²¹.

После упразднения Северокавказской комиссии и учреждения вместо нее Моздокско-Маджарской епархии, к которой перешли функции Северокавказской миссионерской комиссии, дело христианизации местного населения пошло еще успешнее. В первой четверти XIX в. число новокрещенных северокавказцев (осетин, ингушей и кабардинцев) достигло 62249 человек²².

Необходимо отметить, что одной из причин успехов миссионерской комиссии в регионе было стремление представителей местных народов путем принятия православия добиться при помощи российских властей освобождения от феодальной зависимости кабардинских владетелей.

Приехавшие в край православные миссионеры сумели обратить в христианство ряд влиятельных представителей местных народов, в частности, осетин. В 1764 г. в Моздоке при содействии ОДК была открыта духовная школа, которая просуществовала до 1792 года. Эта и другие духовные образовательные учреждения сыграли роль некоего культурного моста между народами Северного Кавказа и Россией²³. Указывая на этот факт, императрица Екатерина II отмечала, что «нет лучшего способа... осетинцев и ингушовцев учинить их прямыми христианами..., как просвещением из них молодых людей»²⁴.

Моздок становился одним из центров православия в регионе. Здесь действовали 3 православные и 2 армянские церкви. Всего же в Моздокско-Маджарской епархии было 75 церквей, 53 приходских дома, 20 молитвенных домов. Но, несмотря на достигнутые этой епархией успехи, Святейший Синод в 1799 г. ее упразднил²⁵.

В 1806 г. в колонии Каррас (ныне п. Иноземцево г. Железноводск) шотландские миссионеры издали на тюркском языке книгу о преимуществе христианской религии над исламской. К миссионерству в регионе подключилось Русское Библейское общество. Его отделения были открыты в Георгиевске и Кизляре в 1818 году. В 1810 г. на ногайском языке шотландские миссионеры в Астрахани издали «Святое Евангелие» арабским шрифтом²⁶. В 1824 г. экзарх Грузии Феофилакт Русанов издал Евангелие на осетинском языке. Кавказско-

му духовенству в начале XIX в. были переданы книги, в городах Кизляре и Моздоке открылись «школы грамотности», а позже и духовные училища. Так в Моздоке действовали уездное и приходское духовные училища²⁷. Однако деятельность христианских миссионеров на Северном Кавказе не принесла желаемых результатов.

Следует отметить, что мероприятия духовенства не были продолжены. В 1829 г. территория Кавказской линии перешла под юрисдикцию Донской епархии с центром в Новочеркасске. Командующий российскими войсками на Кавказе П. Граббе, посчитав, что центр новой епархии находится далеко от региона, настаивал на создании отдельной Кавказской епархии. Однако только в 1842 г. император Николай I подписал доклад Святого Синода об ее учреждении. Епархия стала действовать с 1 января 1843 года²⁸.

Таким образом, характеризуя деятельность Северокавказской духовной комиссии по распространению христианства в середине XVIII — первой половине XIX в., следует отметить ее роль не только в процессе христианизации, но и в установлении диалога с народами Северного Кавказа, помощи угнетенным слоям населения, распространении просвещения и культуры. Необходимо подчеркнуть роль государства, которое посредством Комиссии стремилось расширить свое влияние на Кавказе. Однако все возложенные на Комиссию задачи она выполнить не смогла в силу различных причин, а количество горцев, принявших христианство, было не очень большим. Тем не менее, такая интересная страница миссионерской деятельности православной церкви на Кавказе не должна быть забыта.

Примечания

1. ДАНИЛЮК М.Ю. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII — начале XX века. Дисс. к.и.н. Махачкала. 2008, с. 65.
2. Цит. по: Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сб. документов. Т. 1. Орджоникидзе. 1976, с. 29—30.
3. Там же.
4. Там же, с. 30.
5. БЛИЕВ М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII — 30-е гг. XIX вв.). Орджоникидзе. 1970, с. 86.
6. ГАРУНОВА Н.Н. Кизляр в XVIII — первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала. 2004, с. 23.
7. Цит. по: Русско-осетинские отношения..., с. 65—66.
8. Там же, с. 72.
9. Там же, с. 103.
10. ГАРУНОВА Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала. 2007, с. 346.
11. ЛЫСЕНКО Ю.М. Культурное наследие многонационального Кизляра: приоритеты изучения. Изучение культурного наследия народов России — актуальная задача. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. (8 декабря 2006 г.). Махачкала. 2007, с. 92.
12. Кизляр — столица Нижне-Терского казачества. Махачкала. 2010. с. 72.
13. ВАСИЛЬЕВ Д.С. История низовьев Терека (Досоветский период). Махачкала. 1986. с. 142.
14. Цит. по: Русско-осетинские отношения..., с. 340—342.
15. Полное собрание законов Российской империи. Т. 20. СПб. 1830, № 14607, с. 520; Сенатский архив. Т. 6. СПб. 1893, с. 701—702.

16. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. 2. М. 1957, с. 218—219.
17. Цит. по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сб. статей и документов. Нальчик. 2005, с. 100.
18. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв..., т. 2, с. 220.
19. Цит. по: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева, с. 101.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1, т. 19, с. 258, № 13592; т. 23, с. 423, № 17117, с. 448, № 17144.
21. Труды Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. Тифлис. 1887, с. 142.
22. БУТКОВ П.Г. Материалы для новой и новейшей истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869, ч. 1, с. 439.
23. КЛЫЧНИКОВА М.В., КЛЫЧНИКОВ Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777—1864 гг.). Пятигорск. 2006, с. 91.
24. Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ. 1995, с. 51.
25. Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, с. 257.
26. КУРМАНСЕЙТОВА А.Х. У истоков ногайской книги. Черкесск. 2007, с. 101.
27. Город Моздок..., с. 173, 175.
28. Северный Кавказ в составе Российской империи. М. 2007, с. 92.

Революционная мысль в России XIX — начала XX века.
Энциклопедия. М. Политическая энциклопедия. 2013. 616 с.

Завершен масштабный энциклопедический проект по истории русской общественной мысли XVIII — начала XX в., предпринятый Институтом общественной мысли и издательством РОССПЭН. Вышел в свет последний, пятый том серии, посвященный революционной мысли.

Предваряет издание вступительная заметка «От составителей» руководителя проекта В.В. Журавлёва, в которой автор формулирует несколько важных, но не бесспорных, на наш взгляд, положений.

Прежде всего, он отмечает, что достигнуть «модернизационной идентичности» в той или иной стране можно лишь на базе оптимального и вместе с тем сугубо индивидуального «сочетания в интегральной модели национального пути исторического развития начал либерализма, консерватизма и социализма различных оттенков» (с. 5). Таким образом, названы три основные идеологии. Двум из них — либерализму и консерватизму — посвящены предшествующие тома. Вполне логичен был бы в таком случае «социалистический» финал. Но социализм, как свидетельствует название тома, оказался вытесненным революцией. Решение представить левую часть мыслительного спектра в России как революционную требовало, конечно же, аргументации.

Если встать на сторону редколлегии тома, то, конечно, следовало бы говорить о том, что

революционная традиция в России старше социалистической. Еще более важным оказалось бы соображение о существовании двух видов революционности: социальной и политической — причем последняя не является обязательным атрибутом первой. Бессознательно (или вполне сознательно) в названии тома реализуется хорошо известная ленинская установка на выявление именно революционных предшественников российского большевизма (см. статью В.И. Ленина «Памяти Герцена». 1912 г.). Уместно, наверно, было, обосновывая избранное редакцией название, сказать и о доминировании в России революционной формы социализма. Размышлений на этот счет, к сожалению, во вступительных замечаниях нет.

Теперь, когда пятитомник встал на книжную полку, возникает вопрос: почему революционеры оказались последними в этом ряду? Журавлёв вполне резонно указывает на особенность общественно-политической атмосферы в России двух последних десятилетий. Идеология, подготовившая социалистический эксперимент в России, оказалась глубоко скомпрометированной, отодвинутой «на периферию исследовательской активности». Остро востребованными в российском обществе стали либеральная и консервативная альтернативы. Актуальным ответом на эту потребность и явились соответствующие выпуски эн-

циклопедической серии. Можно было бы ограничиться этим объяснением и констатировать, что историческая справедливость, наконец, восстановлена, и русская общественная мысль выступает теперь во всей своей содержательной полноте.

Если верить ответственному редактору, то революционная мысль «в течение немногим менее столетия — с первой половины XIX и до второго десятилетия XX в. — определяла динамику социально-политических процессов, протекавших в недрах российского общества, являясь не только реакцией на остроту фатально не решаемых “верхами” экономических, политических и социальных проблем, но и, что особенно важно, выражая и отражая те “корневые” стороны массовой ментальности россиян, которые в исторической перспективе могут оказаться — если не придавать им значения как на уровне познания, так и в сфере социальной практики — гораздо более живучими, чем многим сегодня хочется думать» (с. 6).

Обе части этого утверждения неубедительны и декларативны. Поставить правящую элиту России, направлявшую ее развитие в XIX в., только в зависимость от преувеличенной угрозы новой пугачевщины, — значит сильно недооценить ее способность улавливать, кроме политических, моральные и экономические императивы.

Говоря о том, что революционная мысль выражает и отражает те «корневые стороны массовой ментальности россиян», которые могут проявиться в будущем, автор прозрачно намекает на возможность возрождения революционных настроений и повторения эксцессов того же рода в России. Но в профессиональном смысле честно было бы в таком случае упомянуть и о другой, столь же укорененной в российской ментальности черте, как рабская покорность.

Апология революционного начала приобретает под пером руководителя проекта остро полемический характер, когда он восстает против «охранительной», по его определению, публицистики последних двух десятилетий, которая отказалась видеть в российских революциях начала XX в. проявление исторической закономерности и попыталась «отменить» их, представить всего лишь как случайность, «следствие цепи несуразностей». «Охраните-

ли» объявили и вердикт о том, что «лимит на революции в России исчерпан». Эта позиция абсолютно неприемлема для Журавлёва.

В свою очередь, он не только не отступает от идеи закономерного характера революционных процессов, генерированной марксизмом, но предпринимает попытку еще выше поднять ее авторитет с помощью одной из новейших версий теории модернизации. В свете последней история России предстает как «неразрывная цепь трех составляющих процесса модернизации: реформ, контрреформ и революций». «С учетом этого, — утверждает автор, — любые попытки теоретически обосновать преимущества реформ над революцией (и наоборот) носят нерепрезентативный характер». Сам он, правда, не стремится к тому, чтобы удержаться на позиции равноудаленности. «Бездумная или узкоклановая, корыстно ориентированная реформа может принести обществу в целом гораздо больше бед, чем вызревшая в его недрах революционная альтернатива. К тому же революцию (в первую очередь, конечно, революцию “снизу”), которая не выявила бы, особенно в отдаленной перспективе, свой обновительный и очистительный потенциал, найти в мировой истории довольно трудно, чего не скажешь о полностью не оправдавших себя реформах» (с. 7).

Догоняющий тип российской модернизации тем более расположен к сменам «периодов относительно стабильного развития» эпохами «бури и натиска». XX век в целом подтвердил «конечный крах вековых модернизационных усилий страны», явив вызревание в недрах общества революционных идей и их перерастание в революционную практику. Казалось бы, после стольких слов в пользу революции и целого букета филиппик в адрес «самовластных и самодостаточных вершителей прогресса» — модернизаторов «сверху» — должно последовать антиреформистское и революционное по духу суждение о неизбежности нового революционного потрясения в России. Но вместо него мы видим только скромное пожелание «своевременных и социально эффективных реформ» (с. 8). На наших глазах апологет революции превращается в обыкновенного либерала-охранителя. С позиций либерализма, кстати, ведется и критика российских модернизаций. Остается за-

гадкой происшедшая на наших глазах смена идеологических пристрастий. К месту ли вообще их демонстрация в серьезном энциклопедическом издании?

В конце концов, проясняется, что энциклопедия вовсе не призвана стать «учебником революции». Изучение истории революционной мысли в неразрывном единстве с революционным делом необходимо «для конструктивного уяснения уроков истории» (с. 8). Но ведь и повергнутые автором антиреволюционные «лимитчики» исходят из того же «конструктивизма».

В своем стремлении повысить исторический статус и современное значение революционного опыта Журавлёв опирается не только на теорию модернизации, потеснившую марксизм. На помощь призвана религия. «Есть основание думать, — пишет он, — что идеалы христианства в его православном воплощении, укрепившиеся в нашей стране не только на социальном, но и на генетическом, ментальном уровне нации, подсознательно (а подчас и теоретически осознанно, как это имело место у богостроителей) нашли, может быть, для многих неожиданное, отражение и воплощение в революционной идеологии, с ее верой в “царство справедливости и труда” как своеобразного аналога (или антитезы) упования на Святую Русь. Отсюда и вера революционеров в свое предназначение, в мессианский характер своей деятельности» (с. 8).

Мысль о генетической связи христианского и социалистического (коммунистического) социальных идеалов, конечно, не нова. Она высказывалась, в частности, Н.А. Бердяевым, отмечавшим, что «в социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае, более, чем капиталистическая система». Но русский философ не ставил на этом точку. Он признавал родство христианства лишь с «системой персоналистического социализма, соединяющего принцип личности как верховной ценности, с принципом братской общности людей», ибо в основе христианства лежит «признание безусловной ценности всякой человеческой личности, как образа и подобия Божьего, недопустимость обращения с человеческой личностью как со средством и орудием»¹. Если

Журавлёв согласен с Бердяевым, то следовало бы, наверно, для достижения большей ясности ответить на вопросы: все ли течения и оттенки революционно-социалистической мысли в России устремлялись к этому идеалу, был ли он воплощен в конечном счете?

Задача представления тома не требовала, на наш взгляд, стольких усилий по акцентированию злободневности его содержания. Революционно-социалистическая традиция в России не нуждается ни в какой изоэренной защите. Она была и остается наряду с либерализмом и консерватизмом бесспорной, неустрашимой частью русской общественной мысли.

Обратимся к основному содержанию тома. Статьи здесь группируются по трем основным направлениям: 1) общественно-политические понятия и определения, характеризующие как содержание, так и наиболее значимые течения революционной мысли; 2) персоналии; 3) периодика.

Структурирующую по отношению к фактическому материалу роль выполняют материалы первой группы. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что фундаментальными, отправными в этом ряду должны быть статьи о народе, интеллигенции, революции и социализме. «Народ», «революция», «социализм» — на своих алфавитных позициях. Но вот следов «интеллигенции» обнаружить не удалось. Какими доводами руководствовались составители, исключая из словника имя генератора и проводника идей революции и социализма, остается загадкой. Если это сознательный, хорошо продуманный шаг, то его следовало объяснить во вступительной статье. Хотя подыскать аргументы в пользу такого решения, на наш взгляд, невозможно.

Отсутствие статьи об интеллигенции компенсируется отчасти содержанием статьи, посвященной народу (Е.В. Мягкова). Последний ее раздел «Исследования в сфере политических идей и движений» дает некоторое представление о наборе тактик в отношении крестьянства, а затем и рабочего класса, которые проектировались радикальной интеллигенцией. Но в целом этот рекордный по своему объему очерк не оправдывает ожиданий в своих основных частях. Различные аспекты народоведения представлены здесь с опорой на русскую (и не только) общественную мысль

в целом. Хотелось бы, чтобы Мягкова коснулась такой немаловажной темы, как опасность насилия революционного меньшинства над народом, которая была поднята А.И. Герценом в статье «Мясо освобождения». Но, увы, отклика на нее здесь не найти.

Очерк Ю.П. Савельева о распространении и развитии социалистических идей в России (разумеется, в европейском контексте), оставляет куда более благоприятное впечатление. Но и здесь имеются два момента, которые требовали от автора, как нам кажется, более тщательной проработки. Начнем с вопроса о хронологических границах использования определения «социалистический». Для Савельева социализм в Западной Европе начинается с Т. Мора и Т. Кампанеллы. Что касается России, то здесь «идеи социализма первоначально развивались на уровне общинного коллективизма, проявляясь в народных движениях и еретических учениях» (с. 510—511). Таким образом, стирается грань между социальной утопией и собственно социализмом, возникновение которого стало возможным только после Великой французской революции. Есть еще одна проблема — наличие социальной почвы для социализма в России начала 30-х гг. XIX в., связь интеллигентского социалистического идеала с чаяниями крестьянской массы. Если верить автору, то все это имело место. «Распространению социалистических идей, — пишет Савельев, — способствовала смутная мечта простых русских людей о социальном равенстве и справедливости, нравственном очищении и правде, подпитывавшаяся крестьянскими общинными традициями и религией. Мечты народа о вольности облеклись в более определенную форму благодаря интеллигенции» (с. 511). Дальше идут имена А.Н. Радищева, П.И. Пестеля, М.В. Петрашевского, А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Но ведь хорошо известно, что, обращаясь в начале 1830-х гг. к идеям сен-симонизма, Герцен думал не о народе, а, прежде всего, решал проблему собственного идейно-политического самоопределения. Все детерминанты его поворота от либерализма к социализму находились на Западе. Они хорошо известны. Это — результаты революции 1830 г. во Франции и поражение польского восстания 1830—1831 годов. Да и социализм этот, по определению

М. Малиа, носил «аристократический» характер².

Знакомясь со статьями о «понятиях и определениях», нельзя не задаться вопросом об их оптимальном числе, о попадании (или непопадании) их тем в проблематику тома. На наш взгляд, тут имеют место как неоправданные излишества, так и явный дефицит. Так, «белой вороной» смотрится статья о теории «малых дел», вполне органичная для тома о русских либералах. Ведь сам автор этого материала (В.В. Зверев) признает, что «при всей своей демократической направленности» теория «малых дел» «не содержала требований политических преобразований, так же как и социалистических идей» (с. 272). В то же самое время в энциклопедии не найти статей на такие важные для постижения мира «левых» идей темы, как атеизм, богостроительство, женский вопрос, революция «сверху».

Содержательная доминанта тома — персоналии. Но и в данном случае составители предлагают спорные решения. Это касается, прежде всего, фигур А.Ф. Керенского и П.Б. Струве. Станным кажется тот факт, что редакционную коллегию, благословившую соседство Керенского с русскими революционерами, не остановило следующее утверждение автора статьи (С.С. Тютюкин) о нем: «Он не был ни вождем крупной политической левой партии, ни серьезным мыслителем (и тем более теоретиком), ни признанным руководителем широких народных масс» (с. 203).

Не меньше вопросов вызывает «двойная прописка» Струве. Он уже удостоился своего законного места в «либеральном» томе, и вот теперь стоит в одном ряду с русскими социалистами и революционерами. Конечно, в пользу такого решения может говорить хорошо известный период политической биографии Струве — его примыкание к марксизму и социал-демократии в 1890-е годы. Но бесспорным остается и тот факт, что место Струве в истории русской общественной мысли в гораздо большей мере определяется его либерализмом и даже консервативным либерализмом. Струве, кстати, вместе с М.И. Туган-Барановским полноценно представляют легальный марксизм в посвященной этому течению статье.

Примерно та же история с идейной метаморфозой Л.А. Тихомирова. Как видный кон-

серватор он уже запечатлен в обстоятельнейшем портрете, вошедшем в соответствующий энциклопедический том. Стоило ли практически дублировать его сейчас, когда имеется статья о «Народной воле», где взгляды и деятельность Тихомирова революционного периода охарактеризованы достаточно полно? Если социализм и революционность составляют равноправные стороны объекта освещения, то совсем непонятна причина, по которой редколлегия тома проигнорировала проблему «русская литература XIX — начала XX в. и идеи социализма». Обращение к ней принесло бы и увеличение числа персоналий. Разве у М.Е. Салтыкова-Щедрина нет права находится в одном ряду с русскими социалистами? Задавая этот вопрос, мы имеем в виду не только факт его участия в кружке Петрашевского, но и идейное содержание первых литературных опытов — повестей «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848), а также тот диалог с идеями социализма и революции, который, в сущности, никогда не прекращался в его творчестве.

Называя учение Л.Н. Толстого «утопичным» и «реакционным», В.И. Ленин настаивал на том, что оно имело одновременно «социалистический» характер. Хрестоматийна ленинская формула «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Разве эти оценки не подталкивают к серьезному разговору о месте толстовской социальной утопии в истории становления социалистической и революционной мысли в России? Выскажем еще одно, может быть, самое спорное соображение. В этот контекст могла быть помещена и социально-этическая утопия петрашевца Ф.М. Достоевского при всем том, что писатель неуклонно отвергал революционный, насильственный социализм. Ей, кстати, посвящена специальная глава в коллективной монографии «Идеи социализма в русской классической литературе» (Л. 1967).

У составителей тома была возможность еще более расширить круг персоналий историко-литературного происхождения за счет привлечения имен известных писателей-народников — Г.И. Успенского, П.В. Засодимского, Н.Н. Златовратского, С. Каронина (Н.Е. Петропавловского).

Самой же большой загадкой остается факт отсутствия в томе статьи о «буревестнике ре-

волюции» А.М. Горьком. О нем говорится только в той части энциклопедического пятитомника, которая посвящена общественной мысли Русского зарубежья.

Оценить работу каждого из специалистов, готовивших «персональные» материалы, — задача из числа невыполнимых. Ограничимся замечаниями к трем статьям, посвященным опорным фигурам русской революционной мысли. Это — А.Н. Радищев, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский.

Статья о А.Н. Радищеве принадлежит О.И. Киянской и представляет собой повторение материала, который впервые увидел свет в составе флагманского издания «Общественная мысль России XVIII — начала XX века» (2005 г.). Знакомство с ее содержанием порождает немало вопросов принципиального характера. Необъяснимы уход автора от анализа идейного содержания оды «Вольность» (она, к тому же, осталась без датировки), скудость представления программных положений «Путешествия из Петербурга в Москву» (фигурирует только крестьянский вопрос), а также игнорирование эволюции общественно-политических взглядов Радищева в 1790-е годы. В итоге читатель получает весьма приблизительное, слабо проработанное изображение первого русского революционера.

С той же проблемой столкнулся А.Я. Бутков, представивший статью о Герцене (повторение материала образца 2005 г.). И ему, к сожалению, не удалось справиться с ее решением. Если верить автору, то Герцен, демонстрировавший в период подготовки крестьянской реформы «колебания между последовательными революционными и либеральными взглядами», преодолел их и окончательно занял к середине 1860-х гг. «радикальную» позицию, подразумевавшую требование: революция любой ценой! (с. 100). Этому повороту способствовали характер крестьянской реформы, наступление правительства на демократическое движение, подавление польского восстания 1863 года. В качестве неопровержимого доказательства приводятся слова, сказанные в статье «1789». Но за этими словами последуют «Письмо к императору Александру II» совсем не с революционным ультиматумом, а с призывом «стать» за Россию, статья «Порядок торжествует!», где Герцен

признается, что «мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога». Настоящим же политическим завещанием Герцена стали «Письма к старому товарищу» (1869) с их итоговым суждением: «Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам»³. Мы не говорим уже о целом ряде других, не упомянутых в статье фактов политической биографии Герцена конца 1850 — 1860-х гг., которые также разрушают построение Бутакова. Автор уверенно сообщает, что поддержка Герценом восставшей в 1863 г. Польши обернулась резким падением числа «подписчиков» «Колокола» (с. 99). Но откуда он взял, что запрещенная в России газета Герцена и Огарёва распространилась по подписке?

Не будем углубляться в содержание статьи о Н.Г. Чернышевском, принадлежащей перу авторитетного исследователя истории русской революционной мысли Е.Г. Плимака (1925—2011). Остановимся лишь на нескольких утверждениях автора, касающихся идейной позиции Чернышевского в начале 1860-х годов. Плимак несомненно прав, когда констатирует разочарование мыслителя в идее крестьянской революции — это подтверждается содержанием «Писем без адреса» (1862 г.). Но тут же он обращает внимание на то, что «новые люди» из романа «Что делать?» (1863 г.) переносят свою деятельность «на завод». Это, отмечает Плимак в первой редакции статьи, дает «некоторым исследователям» основание говорить о «переходе Чернышевского на позиции пролетарской революционности»⁴. В обновленной редакции статьи, включенной в рассматриваемый нами том, автор (если Плимак действительно участвовал в ее подготовке) уверенно предлагает собственное видение проблемы. «В романе “Что делать?” — факт, неочтенный в нашей историографии — Чернышевский переходит на позицию пролетарской революционности», — утверждает он (с. 582). Отсюда следует, что из идеолога народничества Чернышевский в 1862—1863 гг.

превращается в «предвестника пролетарской революции в России» (с. 583). Ту же точку зрения, по его мнению, высказал Д.И. Писарев в статье «Мыслящий пролетариат».

Как нам представляется, роман Чернышевского не дает материала для столь далеко идущих заключений. Корректней было бы остаться на первоначальной позиции, фиксирующей наличие в исследовательской литературе такого рода мнений. Что же касается Писарева, то в его статье нет ни слова об исторической миссии рабочего класса, необходимости нести в его среду революционное сознание. «Мыслящим пролетариатом» он называет «новых людей», выведенных Чернышевским на страницы своего романа. Это — всего лишь представители трудящейся интеллигенции.

В критико-полемиическом пафосе этих заметок нет даже тени желания умалить результат и значение сделанного создателями тома. Мы позволили себе всего лишь ряд частных замечаний. «Революционная мысль в России XIX — начала XX века» состоялась. Оттесненный на время своими идейными конкурентами российский радикализм вернулся в пространство мыслительной полифонии не только на историографическом уровне. Он, благодаря энциклопедии, станет, несомненно, ближе и понятнее современному российскому обществу.

В.А. КИТАЕВ

Примечания

1. БЕРДЯЕВ Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990, с. 145, 150, 152.
2. МАЛИА М. Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812—1855. М. 2010, с. 202.
3. ГЕРЦЕН А.И. Собрание сочинений. Т. XX. М. 1960, кн. 2, с. 593.
4. Общественная мысль в России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М. 2005, с. 608.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 3, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25. 02. 2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 381-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2015 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

**Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**